

ISSN 2588-0071

НА СТРАЖЕ ЭКОНОМИКИ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2023
№ 3 (26)

Министерство внутренних дел Российской Федерации
The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation

На страже экономики

Научно-практический журнал

Основан в 2017 году
Выходит 4 раза в год

№ 3 (26)

The Economy under Guard

Scientific and Practical Edition

Founded in 2017
Published 4 times a year

Нижний Новгород 2023

На страже ЭКОНОМИКИ

16+

Научно-практический журнал
№ 3 (26)

2023

Адрес редакции и издателя:
603144, Нижегородская область,
Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3
Нижегородская академия МВД России
Редакционно-издательский отдел
Тел.: (831) 421-73-21
E-mail: vestniknamvd@mail.ru

Включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-69501
от 25 апреля 2017 года

Подписной индекс по Объединенному каталогу
«Пресса России»: 94250

Главный редактор *А. В. Богатырев*
Редактор *А. С. Коробова*
Компьютерная верстка *Г. А. Федуловой*
Дизайн обложки *К. А. Быкова, Ю. В. Арасланкиной*

Тираж 300 экз. Заказ № 333
Свободная цена
Дата выхода в свет 29.09.2023

Отпечатано в отделении
полиграфической и оперативной печати
Нижегородской академии МВД России,
603144, Нижегородская область, Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3

© Нижегородская академия МВД России, 2023

The Economy under Guard

Scientific and Practical Edition
№ 3 (26)

2023

Address of the editorial and publishing office:
Editorial and publishing department,
Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod region,
Nizhny Novgorod, 603144, Russia
Tel.: (7-831) 421-73-21
E-mail: vestniknamvd@mail.ru

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals and publications, where main research results of doctoral dissertations should be published

The journal is included in the system
of the Russian Science Citation Index

Published 4 times a year

The Journal is registered at the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media.
Certificate number PI no. FS77-69501
as of April 25, 2017

Subscription index at the General catalogue
“The Press of Russia”: 94250

Editor-in-chief *A. V. Bogatyrev*
Editor *A. S. Korobova*
DTP *G. A. Fedulova*
Cover design *K. A. Bykov, Yu. V. Araslankina*

300 copies. Order no. 333
Free price
Release date 29.09.2023

Printed at the printing section of Nizhny Novgorod
Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod region,
Nizhny Novgorod, 603144, Russia

© Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Богатырев Андрей Владимирович — профессор кафедры экономики и экономической безопасности Нижегородской академии МВД России, доктор экономических наук, доцент.

Члены редакционной коллегии:

Абрамов Руслан Агарунович — заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор;

Антонова Ирина Ильгизовна — проректор по инновационно-проектной деятельности Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП), доктор экономических наук, профессор;

Аюпов Айдар Айратович — профессор кафедры финансовых рынков и финансовых институтов Института управления, экономики и финансов Казанского федерального университета, доктор экономических наук, профессор;

Барышникова Наталья Анатольевна — заведующая кафедрой экономики Саратовской государственной юридической академии, доктор экономических наук, доцент;

Бобрышев Алексей Николаевич — проректор по научной и инновационной работе, профессор кафедры бухгалтерского учета Ставропольского государственного аграрного университета, доктор экономических наук, доцент;

Брикач Георгий Евгеньевич — профессор кафедры экономики Гомельского государственного технического университета имени П. О. Сухого (Республика Беларусь), доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Восканян Роза Оганесовна — доцент департамента финансового и инвестиционного менеджмента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент;

Глаз Юлия Александровна — профессор кафедры экономики и управления Ставропольского института кооперации (филиала) Белгородского университета кооперации, экономики и права, доктор экономических наук, доцент;

Голубев Сергей Сергеевич — начальник отдела центра прогнозирования ФГУП «ВНИИ «Центр»», доктор экономических наук, профессор;

Ефремова Марина Владимировна — заведующая кафедрой сервиса и туризма Института экономики и предпринимательства Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор экономических наук, профессор;

Кузнецов Виктор Павлович — заведующий кафедрой «Экономика предприятия» Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина, член экспертного совета Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации по отраслевой и региональной экономике и управлению, доктор экономических наук, профессор;

Кузнецова Елена Юрьевна — профессор кафедры организации машиностроительного производства Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор экономических наук, профессор;

Литвиненко Александр Николаевич — профессор кафедры экономической безопасности и управления социально-экономическими процессами Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор экономических наук, профессор;

Мизиковский Игорь Ефимович — заведующий кафедрой бухгалтерского учета Института экономики и предпринимательства Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук;

Морозов Олег Леонидович — заместитель начальника Нижегородской академии МВД России (по научной работе), кандидат экономических наук;

Назарычев Дмитрий Валерьевич — заместитель начальника кафедры судебной бухгалтерии и бухгалтерского учета Нижегородской академии МВД России, кандидат экономических наук;

Павленков Михаил Николаевич — профессор кафедры информационных технологий и инструментальных методов в экономике Института экономики и предпринимательства Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, заведующий кафедрой социально-экономических дисциплин Дзержинского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор экономических наук, профессор;

Расулев Алишер Файзиевич — профессор кафедры экономической теории Ташкентского государственного экономического университета (Республика Узбекистан), доктор экономических наук, профессор;

Трифонов Юрий Васильевич — заведующий кафедрой информационных технологий и инструментальных методов в экономике Института экономики и предпринимательства Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор экономических наук, профессор;

Трофимов Олег Владимирович — и. о. ректора Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор экономических наук, профессор;

Туфетулов Айдар Миралимович — заведующий кафедрой экономической безопасности и налогообложения Института управления, экономики и финансов Казанского федерального университета, доктор экономических наук, профессор;

Хорев Александр Иванович — заведующий кафедрой экономической безопасности и финансового мониторинга Воронежского государственного университета инженерных технологий, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Чеботарев Владислав Стефанович — доктор экономических наук, профессор;

Чеботарев Станислав Стефанович — начальник отдела методологических и экономических исследований Научно-исследовательского института автоматической аппаратуры имени академика В. С. Семенихина;

Чкалова Ольга Владимировна — заведующая кафедрой торгового дела Института экономики и предпринимательства Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор экономических наук, профессор;

Яшин Сергей Николаевич — заведующий кафедрой менеджмента и государственного управления Института экономики и предпринимательства Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор экономических наук, профессор;

Яшина Надежда Игоревна — заведующая кафедрой финансов и кредита Института экономики и предпринимательства Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор экономических наук, профессор.

Editorial board

Chairman:

Bogatyrev Andrey V. — Professor of the Department of Economics and Economic Security, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Sciences (Economy), Associate Professor.

Members of editorial board:

Abramov Ruslan A. — the Head of the Department of State and Municipal administration, Russian Economic University named after G. V. Plekhanova, Doctor of Sciences (Economy), Professor;

Antonova Irina I. — Vice-rector for innovation and design activities, Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasova (IEUP), Doctor of Sciences (Economy), Professor;

Ayupov Aydar A. — Professor of the Department of Financial markets and Financial institutions, Institute of Management, Economics and Finance, Kazan Federal University, Doctor of Sciences (Economy), Professor;

Baryshnikova Natalya A. — the Head of the Department of Economy, Saratov State Law Academy, Doctor of Sciences (Economy), Professor;

Bobryshev Aleksey Nikolaevich — Vice-Rector for Research and Innovation, Professor of the Department of Accounting, Stavropol State Agrarian University, Doctor of Sciences (Economy), Associate Professor;

Brikach Georgy E. — Professor of the Department of Economy, Gomel State Technical University named after P. O. Sukhoi (Republic of Belarus), Doctor of Sciences (Economy), Candidate of technical sciences, Professor, Honorary worker of higher professional education of the Russian Federation;

Voskanian Roza O. — Associate Professor of the Department of Financial and Investment management, Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Sciences (Economy), Associate Professor;

Glaz Julia A. — Professor, Chair of Economics and Management, Stavropol Institute of Cooperation (Affiliate), Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Doctor of Sciences (Economy), Associate Professor;

Golubev Sergey S. — the Head of the Department of the Forecasting Center of FGUP “VNII “Center””, Doctor of Sciences (Economy), Professor;

Efremova Marina V. — the Head of the Department of Service and Tourism of the Institute of Economics and Entrepreneurship, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Doctor of Sciences (Economy), Professor;

Kuznetsov Viktor P. — the Head of the Department of Enterprise Economics, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, member of the Expert council on Economic Sciences of the Higher attestation commission at the Ministry of Science and Higher education of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Economy), Professor;

Kuznetsova Elena Yu. — Professor of the machine-building production organization department, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Doctor of Sciences (Economy), Professor;

Litvinenko Alexander N. — Professor of the Department of Economic Security and Management of Socio-Economic Processes, Saint Petersburg Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Sciences (Economy), Professor;

Mizikovskiy Igor E. — the Head of the Accounting Department of the Institute of Economics and Entrepreneurship of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Doctor of Sciences (Economy), Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences;

Morozov Oleg L. — the Deputy Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work), Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Sciences (Economy);

Nazarychev Dmitry V. — the Deputy Head of the Department of Forensic Accounting and Accounting, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Sciences (Economy);

Pavlenkov Mikhail N. — Professor of the Department of Information technologies and Instrumental methods in Economics, Institute of Economics and Entrepreneurship, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Head of the Department of Socio-economic disciplines of the Dzerzhinsky branch of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Doctor of Sciences (Economy), Professor;

Rasulev Alisher F. — Professor of the Department of Economic theory, Tashkent State University of Economics (Republic of Uzbekistan), Doctor of Sciences (Economy), Professor;

Trifonov Yuri V. — the Head of the Department of Information technologies and Instrumental methods in Economics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Doctor of Sciences (Economy), Professor;

Trofimov Oleg V. — Acting Rector National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Doctor of Sciences (Economy), Professor;

Tufetulov Aidar M. — the Head of the Department of Economic Security and Taxation of the Institute of Management, Economics and Finance, Kazan Federal University, Doctor of Sciences (Economy), Professor;

Khorev Alexander N. — the Head of the Department of Economic Security and Financial monitoring, Voronezh State University of Engineering technologies, Doctor of Sciences (Economy), Professor, Honored scientist of the Russian Federation;

Chebotaryov Vladislav S. — Doctor of Sciences (Economy), Professor;

Chebotaryov Stanislav S. — the Head of the Department of Methodological and Economic Research Research Institute of Automatic Equipment named after Academician V. S. Semenikhin;

Chkalova Olga V. — the Head of the Department of Trade, Institute of Economics and Entrepreneurship, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Doctor of Sciences (Economy), Professor;

Yashin Sergey N. — the Head of the Department of Management and Public administration, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Doctor of Sciences (Economy), Professor;

Yashina Nadezhda I. — the Head of the Department of Finance and Credit, Institute of Economics and Entrepreneurship, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Doctor of Sciences (Economy), Professor.

СОДЕРЖАНИЕ CONTENT

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА REGIONAL AND BRANCH ECONOMY

Бардаков А. А., Корнилов Д. А. Ключевые особенности цифрового рубля Банка России.....	9
Bardakov A. A., Kornilov D. A. Key features of the digital ruble of the Bank of Russia	
Грачев А. В., Толкачева О. П., Виноградова Ю. А. Угрозообразующие и альтернативные последствия теневой экономики для экономической безопасности страны и хозяйствующих субъектов.....	17
Grachev A. V., Tolkacheva O. P., Vinogradova Ju. A. Threat-forming and alternative consequences of the shadow economy for the economic security of the country and economic entities	
Кривотротов В. В., Калина А. В. Внедрение современных подходов к эффективному использованию ресурсов на промышленном предприятии... 	26
Krivotrotov V. V., Kalina A. V. Implementation of modern approaches to the efficient use of resources at the industrial enterprise	
Кузнецов В. П., Летягина Е. Н., Перова В. И. Искусственный интеллект в анализе человеческого капитала как основы экономической безопасности регионов Российской Федерации	37
Kuznetsov V. P., Letiagina E. N., Perova V. I. Artificial intelligence in the analysis of human capital as the basis of economic security of the Regions of the Russian Federation	
Мячин Н. В., Шкварок В. М. Трансформация угроз экономической безопасности на примере института фальшивомонетничества в России... 	48
Miachin N. V., Shkvarok V. M. Transformation of threats to economic security by the example of the institution of counterfeiting in the Russian economy	
Рогачева В. В., Родионов А. В. Противодействие корпоративной коррупции: социоэкономические, национально-культурные и организационные аспекты.....	56
Rogacheva V. V., Rodionov A. V. Combating corporate corruption: socio-economic, national-cultural and organizational aspects	
Серебровская Н. Е., Щербакова М. П. Социально-психологические аспекты экономической безопасности личности.....	63
Serebrovskaya N. E., Shcherbakova M. P. Socio-psychological aspects of economic security of the individual	
Шумилин О. В. Структура доходов консолидированного бюджета Российской Федерации за 1991–2021 годы	68
Shumilin O. V. The structure of revenues of the consolidated budget of the Russian Federation for 1991–2021	

**Трибуна молодого ученого
A young scientist's forum**

Алымова А. С. Аналитический обзор структуры и динамики занятости в неформальном секторе.....	78
Alymova A. S. Analytical review of the structure and dynamics of employment in the informal sector	
Соболева В. О. Унифицированный подход к оценке закупочной деятельности государственных заказчиков	91
Soboleva V. O. Unified approach to the evaluation of procurement activities of government customers	
Столярова Н. А. Международный опыт организации государственных закупок	103
Stolyarova N. A. Department of Logistics and Medical Support of the Ministry of Internal Affairs of Russia	
Щепоткина-Маринина Е. В. Особенности аудита комбинированной финансовой отчетности	112
Shchepotkina-Marinina E. V. Features of the Audit of Combined Financial Statements	

Научная статья

УДК 336

<https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-9-16>

Ключевые особенности цифрового рубля Банка России

Бардаков Артем Анатольевич¹, Корнилов Дмитрий Анатольевич²

¹Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, temati90@mail.ru

²Нижегородский государственный технический университет имени Р. Е. Алексеева, Нижний Новгород, Россия, kornilov-d@yandex.ru

Аннотация

Научная статья посвящена обзору особенностей новой формы расчетов в виде цифрового рубля Банка России через призму классических свойств и функций денег. Охарактеризованы основные сходства и различия с уже существующими формами расчетов и видами денег, приведен критический анализ ключевых преимуществ, а также рисков внедрения новой формы расчетов в национальную экономику.

Ключевые слова: цифровая валюта, технологические риски, криптовалюта, фиатные деньги, распределенный реестр

Для цитирования

Бардаков А. А., Корнилов Д. А. Ключевые особенности цифрового рубля Банка России // На страже экономики. 2023. № 3 (26). С. 9–16. <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-9-16>.

Original article

Key features of the digital ruble of the Bank of Russia

Artem A. Bardakov¹, Dmitrii A. Kornilov²

¹Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, temati90@mail.ru

²Nizhny Novgorod State Technical University named after R. E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russian Federation, kornilov-d@yandex.ru

Abstract

The scientific article is devoted to an overview of the features of a new form of payment in the form of a digital ruble of the Bank of Russia through the prism of the classical properties and functions of money. The main similarities and differences with the existing forms of payment and types of money are characterized, a critical analysis of the key advantages, as well as the risks of introducing a new form of payment into the national economy, is given

Keywords: digital currency, technological risks, cryptocurrency, fiat money, distributed ledger

For citation

Bardakov A. A., Kornilov D. A. Analysis of approaches to systems of indicators characterizing the financial stability of an economic entity. *The Economy under Guard*, 2023, no. 3 (26), pp. 9–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-9-16>.

Еще с момента появления в нулевых годах XXI века первых криптовалют, кардинально отличавшихся по своим характеристикам от фиатных денег, не утихают споры о форматах их возможной легализации для официального использования в качестве платежного средства в юрисдикции отдельно взятых стран и во внешнеэкономических отношениях.

Стоит подчеркнуть, что криптовалюта в классическом ее понимании является подвидом электронных денег, выполняющим ряд классических денежных функций, при этом не являющимся ни результатом денежной эмиссии центрального банка / казначейства, ни обязательством эмитента электронной денежной единицы, которое должно быть выполнено в фиатных деньгах.

Некоторые страны обошли вопрос легализации использования существующих криптовалют путем создания собственных цифровых денег, которые сочетают в себе характеристики как криптовалют, так и фиатных денежных единиц в безналичной либо электронной форме, и, что самое интересное, обладают схожими с наличными деньгами свойствами. На первый взгляд может показаться, что это и нереально, и нецелесообразно, но опыт некоторых стран, включая Российскую Федерацию, свидетельствует об обратном [1; 2].

Прежде чем говорить о последствиях для денежной системы Российской Федерации от внедрения в недалекой перспективе цифрового рубля, необходимо проанализировать основные виды, свойства и характеристики денег (рис. 1).

В современных реалиях возвращение к использованию полноценных товарных денег в качестве средства платежа затруднительно в виду отсутствия необходимого количества драгоценных металлов для обеспечения товарооборота в его нынешнем стоимостном выражении, хотя и данный тезис при прочих равных условиях можно подвергнуть сомнению, ведь ключевой вопрос здесь в номинальном масштабировании цен.

Стоит подчеркнуть, что попытки возвращения к золотому стандарту, как минимум в виде концепций, не перестают обсуждать. Это, к примеру, и концепция исламского золотого динара, и мировая резервная валюта стран-участниц блока БРИКС. В основном, в рамках данных концепций роль драгоценных металлов, в частности, золота, сводится не к использованию в товарообмене золотых монет или слитков, а к обеспеченности фиатных валют реальной товарной стоимостью на базе всеобщего эквивалента для определения их курсовой стоимости, которую несмотря на номинальные постулаты действующей с конца 70-х годов XX века «Ямайской» валютной системы по факту исполняет доллар США. Напомним, что согласно соглашениям Ямайской конференции (8 января 1976 г., г. Кингстон), исполнение которых контролирует международный валютный фонд (далее — МВФ), котировки современных фиатных, то есть не обеспеченных сырьевым товаром (золотом) валют, определяются рыночным спросом и предложением на них и товары, произведенные национальными экономиками. То есть предполагалось, что стоимость национальной валюты будет поддержи-

ваться за счет объема внутреннего валового продукта (далее — ВВП) страны, а не имеющегося у нее количества золота или устанавливаться директивно. По факту данный механизм уже не раз приводил к глобальным финансовым кризисам, в силу чего неоднократно подвергался критике.

Рис. 1. Основные виды, свойства и характеристики денег
Fig. 1. The main types, properties and characteristics of money

Цифровой рубль, дискуссии о внедрении которого ведутся с апреля 2021 года [3], представляет собой эмитируемое Центральным Банком Российской Федерации (далее — ЦБ РФ) платежное средство (рис. 2), юридически идентичное наличным и безналичным рублям по функциям, но технически реализованное по технологии распределенного реестра, что наделяет его некоторыми характеристиками криптовалют, позволяющими данной денежной единице обладать конкурентными преимуществами по сравнению с классическими видами денег.

Из приведенной схемы следует, что фактическим оператором всех цифровых кошельков, а, следовательно, и информации по транзакциям, будет выступать ЦБ РФ, что уже является ключевым отличием цифрового рубля от известных криптовалют, таких как *Bitcoin, Litecoin* и прочих в части контроля эмиссии и оборота платежных средств. При этом сам по себе цифровой рубль будет пред-

ставлять определенный код, шифрующий и фиксирующий каждую транзакцию с отдельно взятой платежной единицей.

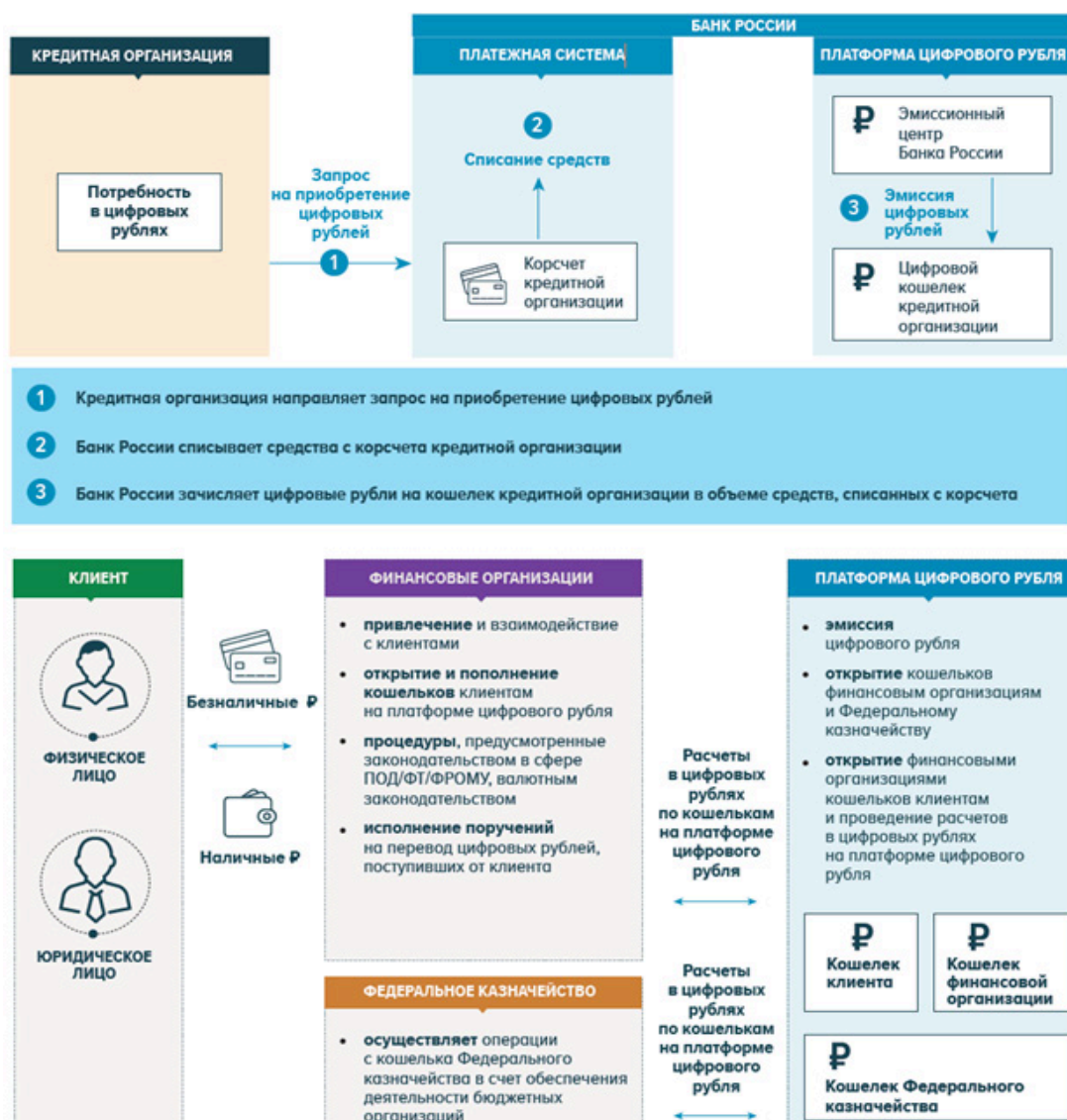

Рис. 2. Схема эмиссии цифрового рубля в двухуровневой розничной модели [3]
Fig. 2. Scheme of issuing a digital ruble in a two-tier retail model [3]

Таким образом, в платежном обороте появляется персонифицированная расчетная единица — симбиот безналичных рублей и электронных денег, а благодаря технической возможности офлайн-платежей [4], еще и наличных денег благодаря возможности осуществления расчетов без интернета по аналогии с наличными денежными знаками.

Стоит обратить внимание на еще одну особенность цифрового рубля, роднящего его с элементом абсолютно ликвидного денежного агрегата М0 наличными деньгами — отсутствие начислений на остаток средств, который при этом доступен для денежных знаков в классической безналичной форме за счет банковского процента.

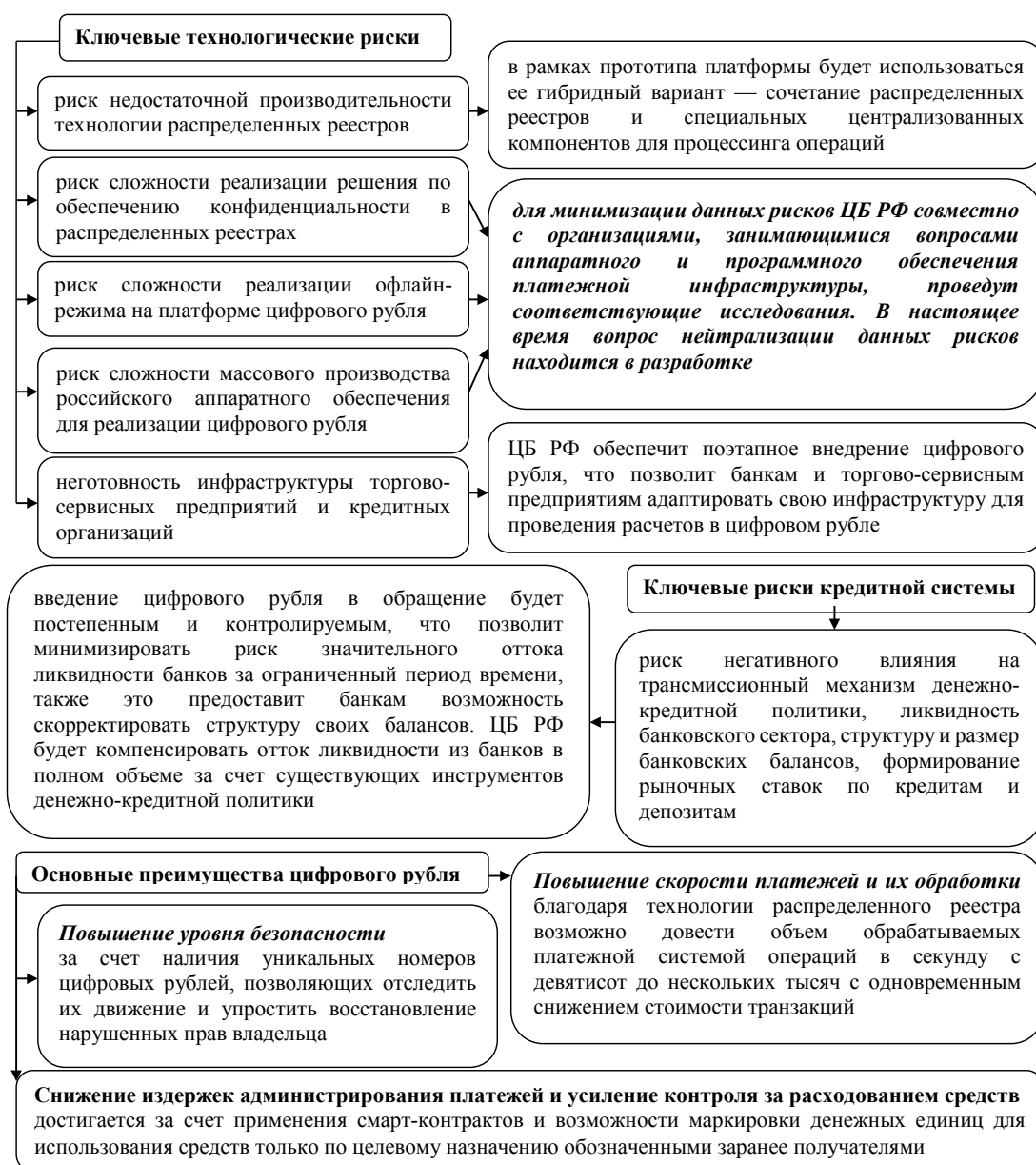
Таким образом, функция денег, как средства накопления, не в полной мере реализуема цифровым рублем за счет действия инфляционных процессов в экономике, что в целом может отрицательно отразиться на его популярности у населения, которое уже привыкло к безналичным деньгам в виде вкладов, карточных счетов, а также различным программам лояльности банков за содержание и неиспользование части средств на счете. Отличительной же особенностью цифрового рубля от наличных денег является и отсутствие анонимности платежа, что роднит его теперь уже с безналичной формой национальной валюты.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для среднестатистического гражданина цифровой рубль не несет каких-то явных преимуществ по сравнению с имеющимися формами денежных расчетов. При этом в научном сообществе не утихают споры по вопросам достоинств и недостатков такой формы денег для национальной финансовой системы [2; 5; 6], приведем основные тезисы, в которых раскрыты существенные характеристики цифровой валюты ЦБ РФ (далее — ЦВЦБ) как формы денег (рис. 3).

Принципиально вопрос внедрения ЦВЦБ уже решен утверждением соответствующего Федерального закона Президентом Российской Федерации, его основные положения вступают в силу уже с 1 августа 2023 года. При этом стоит подчеркнуть, что решен вопрос юридического закрепления новой формы расчетов, тогда как ряд технических задач еще подлежит проработке. Не стоит забывать и о еще одном важном, но не фигурирующем пока ни в одном документе вопросе — возможном «золотом содержании» цифрового рубля. В пользу этой теории также можно привести факт разработки цифровых валют странами блоков ЕАЭС и БРИКС, которые выступают за воплощение идеи мировой резервной валюты, подкрепленной золотом как минимум в рамках внешнеэкономических операций между членами данных объединений.

Но это все перспективы достаточно отдаленные, тогда как вопрос внедрения основного функционала ЦВЦБ является насущным, при этом его полноценное внедрение, в том числе офлайн-расчетов, планируется лишь к 2030 году [7], опять же в связи с представленными выше рисками для кредитной системы и нерешенными техническими вопросами.

Проанализировав ключевые преимущества и возможные риски ЦВЦБ, считаем целесообразным начинать ее внедрение с государственного сектора экономики в части финансирования государственных закупок. На наш взгляд, возможность «маркировки» денежных единиц для использования средств только по целевому назначению обозначенными заранее получателями является ключевым преимуществом новой формы расчетов для национальной экономики в целом. Опять же хозяйствующие субъекты, получившие в качестве оплаты ЦВЦБ, обеспечат ее постепенное внедрение в коммерческий сектор и простимулируют ее использование физическими лицами, которые, в свою очередь, могут самостоятельно оценить преимущества функционала «маркировки», когда, например, смогут «запрограммировать» карманные деньги своих детей на оплату обедов в школьных столовых, исключив возможность приобретения на них иных товаров.

Рис. 3. Основные преимущества и риски цифрового рубля
Fig. 3. The main advantages and risks of the digital ruble

В свое время распространение карт МИР национальной системы платежных карт также начиналось с государственного сектора экономики — их выдавали в качестве зарплатных сотрудникам бюджетной сферы.

Проанализировав технические и организационные недостатки, которые были обнаружены в ходе анализа использования данного инструмента ограниченным контингентом пользователей, разработчики их устранили и в дальнейшем беспрепятственно вывели на рынок платежных карт новый продукт, который, как оказалось по прошествии лет, стал не только достойной альтернативой банковским картам иностранных платежных систем, но и в ближайшей перспективе составит им достойную конкуренцию и на международном уровне, так как уже активно используется в дружественных Российской Федерации странах.

Разработку и внедрение государственных цифровых валют по всему миру и в Российской Федерации, в частности следует расценивать как новый этап развития глобальной цифровой экономики в рамках четвертой промышленной революции, так называемой концепции «Индустрия 4.0», в связи с чем, несмотря на потенциальные риски, невозможно отрицать необходимость перехода к новым формам расчетов как ключевого элемента новой цифровой экономики.

Список источников

1. Кочергин Д. А. Цифровые валюты центральных банков: опыт внедрения цифрового юаня и развитие концепции цифрового рубля // *Russian Journal of Economics and Law*. 2022. Т. 16. № 1. С. 51–78.
2. Поташова И. Ю., Гонта С. Н. Критический анализ внедрения цифрового рубля Банка России // *Вестник Академии знаний*. 2023. № 2 (55). С. 357–362.
3. Банк России. Концепция цифрового рубля. 2021. Апрель. 30 с. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 10.07.2023).
4. Гарипов Р. И., Максимова Н. Н. Влияние цифрового рубля на денежно-кредитную политику // *Управление в современных системах*. 2022. № 2. С. 3–11.
5. Бердышев А. В. Влияние цифрового рубля на ресурсную базу российских банков // *Вестник университета*. 2021. № 8. С. 155–159.
6. Пшеничников В. В. Обзор основных положений концепции цифрового рубля // *Современная экономика: проблемы и решения*. 2022. № 2 (146). С. 35–49.
7. Центральный Банк Российской Федерации. «Стратегия развития финансового рынка до 2030 года» — представлена Минфином России и Банком России на общественное обсуждение 13 сентября 2021 года. URL: <http://www.cbr.ru/press/event/?id=12197> (дата обращения: 23.07.2023).

References

1. Kochergin D. A. Digital currencies of central banks: the experience of introducing the digital yuan and the development of the concept of the digital ruble. *Russian Journal of Economics and Law*, 2022, vol. 16, no. 1, pp. 51–78. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.51-78>. (In Russ.)
2. Potashova I. Yu., Gonta S. N. Critical analysis of the implementation of the digital ruble of the Bank of Russia. *Bulletin of the Academy of Knowledge*, 2023, no. 2 (55), pp. 357–362. (In Russ.)
3. Bank of Russia. The concept of the digital ruble. 2021. April. 30 p. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (accessed 23.07.2023). (In Russ.)
4. Garipov R. I., Maksimova N. N. The impact of the digital ruble on monetary policy. *Management in modern systems*, 2022, no. 2, pp. 3–11. (In Russ.)
5. Berdyshev A. V. The impact of the digital ruble on the resource base of Russian banks. *Bulletin of the University*, 2021, no. 8, pp. 155–159. (In Russ.)
6. Pshenichnikov V. V. Overview of the main provisions of the concept of the digital ruble. *Modern economy: problems and solutions*, 2022, no. 2 (146), pp. 35–49. (In Russ.)
7. Central Bank of the Russian Federation. “Strategy for the Development of the Financial Market until 2030” — submitted by the Ministry of Finance of Russia and the Bank of Russia for public discussion of September 13, 2021. URL: <http://www.cbr.ru/press/event/?id=12197> (accessed 23.07.2023). (In Russ.)

Информация об авторах | Information about the authors

А. А. Бардаков — кандидат экономических наук
A. A. Bardakov — Candidate of Sciences (Economy)

Д. А. Корнилов — доктор экономических наук, профессор
D. A. Kornilov — Doctor of Sciences (Economy), Professor

Статья поступила в редакцию 20.06.2023, одобрена после рецензирования 25.08.2023, принята к публикации 15.09.2023.

The article was submitted 20.06.2023, approved after reviewing 25.08.2023, accepted for publication 15.09.2023.

Научная статья
УДК 330.101
<https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-17-25>

**Угрозообразующие и альтернативные последствия
теневой экономики для экономической безопасности страны
и хозяйствующих субъектов**

*Грачев Александр Владимирович¹, Толкачева Ольга Петровна²,
Виноградова Юлия Александровна³*

^{1,2,3}Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

¹grachevalexunder@rambler.ru

²olg-ol@mail.ru

³juliaros@rambler.ru

Аннотация

В статье представлены последствия теневой экономики для экономической системы страны, которые позволяют идентифицировать данное явление в качестве угрозы экономической безопасности страны и отдельных хозяйствующих субъектов. Кроме того, приведены и систематизированы исследования, в которых теневая экономика рассматривается в альтернативном от статуса угрозы экономической безопасности качестве.

Ключевые слова: теневая экономика, экономическая безопасность, угрозы, альтернативные подходы

Для цитирования

Грачев А. В., Толкачева О. П., Виноградова Ю. А. Угрозообразующие и альтернативные последствия теневой экономики для экономической безопасности страны и хозяйствующих субъектов // На страже экономики. 2023. № 3 (26). С. 17–25. <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-17-25>.

Original article

**Threat-forming and alternative consequences of the shadow economy
for the economic security of the country and economic entities**

Aleksandr V. Grachev¹, Olga P. Tolkacheva², Juliya A. Vinogradova³

^{1,2,3}St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

¹grachevalexunder@rambler.ru

²olg-ol@mail.ru

³juliaros@rambler.ru

Abstract

The article presents the consequences of the shadow economy for the economic system of the country, which make it possible to identify this phenomenon as a threat to the economic

© Грачев А. В., Толкачева О. П., Виноградова Ю. А., 2023

security of the country and individual economic entities. In addition, studies in which the shadow economy is considered as an alternative to the status of a threat to economic security are presented and systematized

Keywords: shadow economy, economic security, threats, alternative approaches

For citation: Grachev A. V., Tolkacheva O. P., Vinogradova Ju. A. Threat-forming and alternative consequences of the shadow economy for the economic security of the country and economic entities. *The Economy under Guard*, 2023, no. 3 (26), pp. 17–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-17-25>.

Введение

Наиболее распространенным и справедливым является позиционирование теневой экономики в системе обеспечения экономической безопасности в качестве угрозы или угрозообразующего фактора. О распространенности данной точки зрения свидетельствует тот факт, что за последние 5 лет на сайте Российского индекса научного цитирования размещено более 120 научных статей, в названии которых представлено словосочетание «теневая экономика как угроза экономической безопасности».

На уровне нормативных актов теневая экономика определена государством в качестве угрозы в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года.

Вместе с тем существуют и альтернативные точки зрения на место теневой экономики в системе экономической безопасности, которые также заслуживают внимания и анализа.

Материалы и методы

В рамках данной статьи анализу подлежали работы С. Ю. Ковтуновой [1], Н. П. Купрещенко [2], Д. В. Морозовой [3], Н. В. Аветян и С. Н. Мустафеевой [4], В. Л. Ахремцевой [5], в которых теневая экономика рассматривается в качестве угрозы экономической безопасности.

К работам, в которых представлены альтернативные взгляды на место теневой экономики в системе экономической безопасности, отнесены исследования таких авторов, как Д. Р. Пескова [6], О. М. Лизина [7], Н. Ю. Блиничкина [8], Д. Кассел [9], Ю. В. Латов [10], А. В. Грачев [11], Л. Косалс [12], А. И. Смирнов и Е. В. Рогозинский [13], С. Ю. Ковтунова [14].

Результаты и их обсуждение

В большинстве научных работ определены следующие отрицательные последствия теневой экономики для экономической безопасности государства: причинение ущерба государственному бюджету и, как следствие, всем получателям бюджетных средств; снижение эффективности макроэкономической политики вследствие отсутствия достоверной информации о реальном состоянии экономики в стране; замедление экономического роста; деформация структуры экономики; ухудшение инвестиционного климата и увеличение инвестиционных рисков; ухудшение конкурентной среды; рост коррупции; рост экономи-

ческой преступности; рост правового нигилизма у участников экономических отношений (девальвация норм права); перераспределение доходов в пользу незначительной части общества; снижение качества товаров и услуг; рост расходов государства на противодействие криминальной экономике и коррупции [1–4].

В отдельных работах происходит разделение негативного влияния теневой экономики на экономическую безопасность государства и отдельных хозяйствующих субъектов.

В работе В. Л. Ахремцевой и А. В. Грачева [5] предлагается разделить опасность теневой экономики на:

— «непосредственную (прямую) — для конкретных личностей и хозяйствующих субъектов, ставших жертвами противоправных действий со стороны субъектов теневой экономики;

— опосредованную (косвенную) — выраженную в высоком уровне ожиданий у населения, хозяйствующих субъектов и государства противоправных действий со стороны субъектов экономики».

Считаем, что теневую экономику необходимо рассматривать в качестве угрозы экономической безопасности:

1. Всей экономической системы страны.

2. Государства, как особого субъекта экономической системы страны, обладающего политико-властными полномочиями и экономическими ресурсами государственного бюджета.

3. Отдельных хозяйствующих субъектов с их разделением на:

— хозяйствующие субъекты легального (транспарентного) сектора экономики;

— хозяйствующие субъекты теневого сектора экономики (полностью ведущие деятельность в теневом секторе; использующие отдельные теневые практики хозяйствования).

Рассмотрим в чем проявляется деструктивный эффект теневой экономики для каждого из представленных объектов.

1. Теневая экономика оказывает деструктивное воздействие на всю экономическую систему страны посредством:

— сокращения расходов государства на социальные и иные цели;

— ухудшения инвестиционного климата;

— ухудшения конкурентной среды;

— роста производства и обращения опасных товаров, работ, услуг;

— роста преступлений экономической направленности, а также общего роста преступности;

— роста коррупции, так как использование теневых практик хозяйствования создает спрос на коррупционные услуги (для преодоления административных барьеров субъектами, чьи фактические характеристики не соответствуют достаточным для преодоления административных барьеров; для получения доступа к ресурсам (заказам); для непроведения или для искажения результатов контрольных мероприятий в отношении субъектов теневой экономики; для уклонения от санкций за нарушения; для получения доступа к государственным услугам, которые не могут быть оказаны субъектам теневой экономики в силу их нелегального статуса);

— роста несправедливого социального неравенства, в основе которого конкурентные преимущества, полученные посредством использования незаконных

теневых практик (сокращение налоговых издержек, получение возможностей (доступ к ресурсам, преодоление административных барьеров, уклонение от санкций за нарушения) от коррупционных сделок, получение дохода от производства и реализации нелегальных товаров).

2. Теневая экономика оказывает деструктивное воздействие на государство как на особый субъект экономической системы, обладающей политико-властными полномочиями и экономическими ресурсами государственного бюджета, посредством:

— сокращения пополнения государственного бюджета за счет уклонения от уплаты налогов, что приводит к снижению возможностей финансирования государством социальных и иных проектов;

— сокращения эффективности использования средств государственного бюджета за счет коррупции (прежде всего, в сфере государственных закупок, однако, неэффективность здесь можно рассматривать и в более широком смысле — как финансирование деятельности государственных чиновников, результаты которой из-за коррупции ниже возможных либо вообще незаконны); роста косвенных издержек от преступности, которые заключаются в затратах на содержание системы контролирующих и правоохранительных органов (их величина находится в прямой зависимости от уровня преступности и от масштабов теневой экономики);

— снижения результативности правоохранительных органов за счет коррупции или за счет несоответствия ресурсных возможностей правоохранительных органов растущему уровню преступности, что, помимо роста преступности, может привести либо к замещению государственных правоохранительных органов частными или криминальными субъектами, либо к смене властных структур (легально — в ходе выборов или нелегально — в ходе социальных бунтов и революций);

— снижения эффективности принятия управленческих решений из-за искаженной теневой экономикой информационной базы для принятия управленческих решений на макро- и микроуровнях (за счет искажения статистических данных и данных финансовой отчетности). Примером может выступать искаженная информация о занятости населения, которое официально не трудоустроено, но при этом трудится в теневом секторе. Государство на основе официальной информации выделяет ресурсы на борьбу с безработицей, масштабы которой официально больше, чем реально. Другим примером может выступать ситуация, когда теневая экономика проявляется в форме фиктивной «экономике приписок». В этом случае государство получает информацию о завышенных объемах производства и строительства, которые реально существенно ниже.

3. Теневая экономика оказывает деструктивное воздействие на отдельные хозяйствующие субъекты легального (транспарентного) сектора экономики посредством:

— нанесения прямого ущерба хозяйствующим субъектам, становящимся жертвами правонарушений, совершенных субъектами теневой экономики;

— роста косвенного ущерба от правонарушений, совершаемыми субъектами теневой экономики, в виде затрат хозяйствующих субъектов на обеспечение своей безопасности;

— ухудшения конкурентного положения хозяйствующих субъектов, неиспользуемых теневые практики хозяйствования: потеря клиентов; неполучение доступа к ресурсам (заказам); непреодоление или более медленное по сравнению с субъектами теневой экономики преодоление административных барьеров;

— создания условий, когда хозяйствующие субъекты вынуждены использовать теневые практики хозяйствования (например, необходимость хозяйствующего субъекта вступать в коррупционную сделку, когда иным способом получить искомое благо невозможно из-за коррумпированности чиновников).

4. Теневая экономика оказывает деструктивное воздействие на отдельные хозяйствующие субъекты теневого сектора экономики посредством:

— возникновения издержек на сокрытие теневой деятельности;

— возникновения издержек на уход от ответственности при выявлении теневой деятельности;

— возникновения издержек в виде санкций за совершенные и выявленные нарушения (издержки в виде штрафов; издержки в виде конфискованных товаров, оборудования; издержки в виде неполученного дохода за время действия наказания; издержки в виде возмещаемого материального ущерба жертвам правонарушений, совершенных в ходе осуществления теневой деятельности);

— возникновения издержек по защите прав собственности и иных издержек, обусловленных отсутствием или ограниченным характером возможностей субъектов теневой экономики заключать официальные контракты и обращаться в официальные государственные структуры.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что теневая экономика — это угроза экономической безопасности, чьи деструктивные последствия ощущают на себе не только экономическая система страны в целом, государство (как особый хозяйствующий субъект), отдельные хозяйствующие субъекты легального (транспарентного) сектора экономики, но и сами субъекты теневой экономики. Теневая экономика — это угроза, статус которой определен Стратегией экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года и Стратегией национальной безопасности Российской Федерации. Ее наиболее опасные проявления криминализированы уголовным законодательством и определены в качестве преступлений.

Несмотря на справедливое отнесение теневой экономики к числу угроз экономической безопасности, следует отразить точки зрения отдельных ученых и результаты отдельных исследований, в которых место теневой экономики в системе обеспечения экономической безопасности выходит за рамки угрозы.

Такие исследования условно можно разделить на:

1. Статистические исследования положительного влияния теневой экономики на экономический рост.

К числу таких исследований можно отнести работы Д. Р. Песковой [6], О. М. Лизиной [7], Н. Ю. Блиничкиной [8].

В данных работах статистические расчеты показывают, что при определенных условиях (трансформация экономической системы, незначительные масштабы теневой экономики) теневая экономика может выступать причиной экономического роста.

2. Исследования функций теневой экономики, положительно влияющих на экономическую безопасность хозяйствующих субъектов.

К числу таких исследований можно отнести работы Д. Кассела [9], Ю. В. Латова [10], А. В. Грачева [11], Л. Косалса [12], А. И. Смирнова и Е. В. Рогозинского [13], О. М. Лизиной [15].

3. Исследования использования теневых практик хозяйствования в качестве инструментов обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов легального (транспарентного) сектора экономики.

К числу таких исследований можно отнести работы С. Ю. Ковтуновой [14], Л. С. Пузыревского, А. В. Бабкина, А. В. Грачева [11], И. А. Соболя [16], в которых определены:

- «формы и способы удовлетворения нереализованных в легальном поле потребностей в безопасности в теневом секторе экономики;
- виды услуг, предоставляемых субъектами теневого сектора, которые направлены на обеспечение экономической безопасности»;
- виды теневых практик хозяйствования при осуществлении деятельности самими хозяйствующими субъектами».

Кроме того, в работе А. Н. Литвиненко [17] предлагаются альтернативные варианты позиционирования теневой экономики в системе обеспечения экономической безопасности, а именно: предлагается «рассматривать теневую экономику (помимо ее статуса угрозы и угрозообразующего фактора) как защищаемый объект; фактор обеспечения экономической безопасности (для всей экономической системы; для хозяйствующих субъектов теневого сектора; для отдельных хозяйствующих легального (транспарентного) сектора); инструмент обеспечения экономической безопасности».

Подводя итог, отметим, что положительное влияние теневой экономики для экономической безопасности хозяйствующих субъектов может проявляться:

- 1) в возможности трудоустройства, а, следовательно, получения источника дохода отдельными лицами (группами лиц);
- 2) возможности приобретения товаров, работ, услуг, финансовых ресурсов:
  - которые невозможно получить в легальном (транспарентном) секторе экономики по причине их ограниченного легального производства и оборота;
  - которые невозможно получить в легальном (транспарентном) секторе экономики по причине нелегального статуса хозяйствующего субъекта;
  - по более низкой цене, чем в легальном (транспарентном) секторе;
  - с более высокой скоростью, чем в легальном (транспарентном) секторе;
  - более высокого качества, чем в легальном (транспарентном) секторе (например, услуги по обеспечению силовой безопасности, услуги поиска информации);
- 3) возможности сокращения издержек субъектами теневой экономики за счет:
  - неуплаты налогов;
  - неуплаты платежей, необходимых для преодоления административных барьеров (регистрационные сборы, пошлины за оформление лицензий и т. п.);
  - использования дешевой рабочей силы;
  - ухода от ответственности за совершенные нарушения;
- 4) возможности получения дохода от реализации нелегальных товаров, работ, услуг;

5) возможности ухода от ответственности за допущенные нарушения за счет коррупционных сделок с сотрудниками контролирующих и правоохранительных органов.

Заключение

Можно согласиться с выводами исследователей альтернативных от статуса «угрозы» статусов теневой экономики в системе обеспечения экономической безопасности. Однако это возможно только в научных целях более комплексного исследования: причин ухода в «тень»; угроз хозяйствующих субъектов теневой экономики для увеличения интенсивности их воздействия; способов обеспечения своей экономической безопасности субъектами теневой экономики для формирования управленческих воздействий на минимизацию возможностей их использования. Для целей практической деятельности по обеспечению экономической безопасности страны теневую экономику следует рассматривать как «деструктивный феномен», угрозу, причиняющую колоссальный ущерб экономической системе.

Список источников

1. Ковтунова С. Ю. Механизм взаимодействия хозяйствующего субъекта с органами внутренних дел в системе противодействия теневым экономическим явлениям: дис. ... канд. эконом. наук. Санкт-Петербург, 2011. 189 с.
2. Купрещенко Н. П. Противодействие теневой экономике в системе обеспечения экономической безопасности России (теоретико-методологический подход): дис. ... д-ра эконом. наук. Москва, 2008.
3. Морозова Д. В. Теневая экономика в воспроизводственном процессе: дис. ... канд. эконом. наук. Москва, 2012.
4. Аветян Н. В., Мустафаева С. Н. Теневая экономика в России и ее последствия // Экономические науки. 2018. № 84-1. URL: <https://novainfo.ru/article/15038> (дата обращения: 01.06.2023).
5. Ahremtseva V. L., Grachev A. V. Economic Security of Shadow Economy: a Paradox or a Gap in Science? 2012. No. 3 (18). Pp. 272–278.
6. Пескова Д. Р. Теневая составляющая экономического роста: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Уфа, 2006. 22 с.
7. Лизина О. М. Теневая составляющая качественного экономического роста в России // Контентус. 2012. № 1. С. 9–17.
8. Блиничкина Н. Ю. Теневая экономика как угроза и как защитный механизм в период экономической трансформации // Научное знание современности. 2018. № 10 (22). С. 31–34.
9. Cassel D., Cichy U. Explaining the growing shadow economy in East and West: A comparative system approach // Comparative Economic Studies. Vol. 28. Pp. 20–41.
10. Латов Ю. В. Социальные функции теневой экономики в институциональном развитии постсоветской России: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Тюмень, 2008. 405 с.
11. Грачев А. В., Пузыревский Л. С., Бабкин А. В. Теневая экономика как инструмент обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2011. № 3 (125). С. 214–218.

12. Косалс Л. Я. Теневая экономика: как особенность российского капитализма // Вопросы экономики. 1998. № 10.
13. Смирнов А. И., Рогозинский Е. В. Функции теневой экономики в социально-экономической системе // Экономические науки. 2008. № 41. С. 133–138.
14. Ковтунова С. Ю. Теневая экономика: фактор развития производства или угроза экономической безопасности предприятия // Новое в науке: современные проблемы и тенденции: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции, Нефтекамск, 28 февраля 2015 года / под общ. ред. А. И. Вострцова. Нефтекамск: Наука и образование, 2015. С. 73–74.
15. Лизина О. М. Влияния теневой экономической деятельности на качество и темпы экономического роста // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 3-2 (50). С. 59–63.
16. Грачев А. В., Соболев И. А. Субъекты криминальной экономики как поставщики услуг безопасности государства и бизнеса // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 11. С. 30–35.
17. Грачев А. В., Литвиненко А. Н. Теневая экономика как элемент системы экономической безопасности // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 2. С. 132–137.

References

1. Kovtunova S. Y. The mechanism of interaction of an economic entity with internal affairs bodies in the system of countering shadow economic phenomena. Dissertation... candidate of economic sciences. Saint Petersburg, 2011. 189 p. (In Russ.)
2. Kupreschenko N. P. Counteraction to the shadow economy in the system of ensuring economic security of Russia (theoretical and methodological approach). Dissertation... doctor of economic sciences. Moscow, 2008. (In Russ.)
3. Morozova D. V. Shadow economy in the reproduction process. Dissertation... candidate of economic sciences. Moscow, 2012. (In Russ.)
4. Avetyan N. V., Mustafayeva S. N. Shadow economy in Russia and its consequences. *Economic sciences*, 2018, no. 84-1. URL: <https://novainfo.ru/article/15038> (accessed 01.06.2023). (In Russ.)
5. Grachev A. V., Ahremtseva V. L. Economic Security of Shadow Economy: a Paradox or a Gap in Science? 2012, no. 3 (18), pp. 272–278. (In Russ.)
6. Peskova D. R. The shadow component of economic growth. Author's abstract... candidate of economic sciences. Ufa, 2006. 22 p. (In Russ.)
7. Lizina O. M. The shadow component of qualitative economic growth in Russia. *Contentus*, 2012, no. 1, pp. 9–17. (In Russ.)
8. Blinichkina N. Y. The shadow economy as a threat and as a protective mechanism during economic transformation. *Scientific Knowledge modernity*, 2018, no. 10 (22), pp. 31–34. (In Russ.)
9. Cassel D., Cichy U. Explaining the growing shadow economy in East and West: A comparative system approach. *Comparative Economic Studies*, vol. 28, pp. 20–41. (In Russ.)
10. Latov Yu. V. Social functions of the shadow economy in the institutional development of post-Soviet Russia. Dissertation... doctor of sociological sciences. Tyumen, 2008. 405 p. (In Russ.)
11. Puzyrevsky L. S., Babkin A. V., Grachev A. V. Shadow economy as a tool for ensuring economic security of economic entities. *Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences*, 2011, no. 3 (125). Pp. 214–218. (In Russ.)

12. Kosals L. Ya. Shadow economy: as a feature of Russian capitalism. *Questions of Economics*, 1998, no. 10. (In Russ.)

13. Smirnov A. I., Rogozinsky E. V. The functions of the shadow economy in the socio-economic system. *Economic sciences*, 2008, no. 41, pp. 133–138. (In Russ.)

14. Kovtunova S. Y. Shadow economy: a factor in the development of production or a threat to the economic security of the enterprise. *New in science: modern problems and trends: materials of the International (correspondence) scientific and practical conference*, Neftekamsk, February 28, 2015 / gen. ed. by A. I. Vostretsov. Neftekamsk: Science and Education Publ., 2015. Pp. 73–74. (In Russ.)

15. Lizina O. M. The impact of shadow economic activity on the quality and pace of economic growth. *Bulletin of Cherepovets State University*, 2013, no. 3-2 (50), pp. 59–63. (In Russ.)

16. Sobol I. A. Subjects of the criminal economy as providers of state and business security services. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2011, no. 11, pp. 30–35. (In Russ.)

17. Litvinenko A. N., Grachev A. V. Shadow economy as an element of the economic security system. *Education. The science. Scientific personnel*, 2019, no. 2, pp. 132–137. (In Russ.)

Информация об авторах | Information about the authors

А. В. Грачев — кандидат экономических наук, доцент

A. V. Grachev — Candidate of Sciences (Economy), Associate Professor

О. П. Толкачева — кандидат экономических наук

O. P. Tolkacheva — Candidate of Sciences (Economy)

Ю. А. Виноградова — без ученой степени

Yu. A. Vinogradova — no academic degree

Статья поступила в редакцию 05.07.2023, одобрена после рецензирования 25.08.2023, принята к публикации 15.09.2023.

The article was submitted 05.07.2023, approved after reviewing 25.08.2023, accepted for publication 15.09.2023.

Научная статья

УДК 338.246.4

<https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-26-36>

Внедрение современных подходов к эффективному использованию ресурсов на промышленном предприятии

Кривотротов Вадим Васильевич, Калина Алексей Владимирович

^{1, 2}Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия,

¹v.v.krivorotov@urfu.ru

²a.e.kalina@urfu.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме внедрения в практику работы промышленных предприятий концепции бережливого производства как современному подходу, решающему актуальную задачу минимизации ресурсов с целью обеспечения экономической безопасности предприятия. Проанализирован опыт порядка двадцати проектов по внедрению, выявлены и структурированы общие проблемы. Описан подход к решению проблемы эффективного внедрения концепции бережливого производства для одного из крупных предприятий машиностроительного профиля.

Ключевые слова: эффективное использование ресурсов, экономическая безопасность, бережливое производство, проблемы внедрения

Для цитирования

Кривотротов В. В., Калина А. В. Внедрение современных подходов к эффективному использованию ресурсов на промышленном предприятии // На страже экономики. 2023. № 3 (26). С. 26–36. <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-26-36>.

Original article

Implementation of modern approaches to the efficient use of resources at the industrial enterprise

Vadim V. Krivotrotov¹, Alexey V. Kalina

^{1, 2}Ural Federal University after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

¹v.v.krivorotov@urfu.ru

²a.e.kalina@urfu.ru

Abstract

The article is devoted to the problem of introducing the concept of lean production into the practice of industrial enterprises as a modern approach that solves the urgent task of minimizing resources in order to ensure the economic security of the enterprise. The experience

of about twenty implementation projects is analyzed, common problems are identified and structured. An approach to solving the problem of effective implementation of the lean manufacturing concept for one of the large machine-building enterprises is described.

Keywords: efficient use of resources, economic security, lean manufacturing, problems of implementation

For citation

Krivotrotov V. V., Kalina A. V. Implementation of modern approaches to the efficient use of resources at the industrial enterprise. *The Economy under Guard*, 2023, no. 3 (26), pp. 26–36. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-26-36>.

Введение

Экономическая безопасность предприятия, в соответствии с ресурсной концепцией стратегии [1; 2] зависит от состояния его внутренней среды — эффективного использования ресурсов. Безусловно, влияние внешней среды никто не отменяет, но, как показывает практика крупных промышленных предприятий, факторы внутренней среды: используемые технологии, организация производства, качество персонала и качество менеджмента предприятия, располагаемые предприятием материальные и финансовые ресурсы, в контексте рассматриваемой проблемы более значимы. Современный этап развития российской промышленности актуализировал, обострил задачу обеспечения внутренней экономической безопасности предприятия, базис которой — эффективное использование ресурсов.

Есть разные подходы к управлению ресурсами внутренней среды. Наиболее известные и применяемые в российской практике — *LP* (бережливое производство) и *TQM* (управление качеством). Интересны для обсуждения и более «тонкие», специализированные производные этих систем, например, *Quick Response Manufacturing (QRM)* — быстро реагирующее, или маневренное, производство, позволяющее осуществлять быструю переналадку, а предприятию осуществлять производство небольших партий товара с крайне разнообразными характеристиками без несения высоких дополнительных расходов, целью которой является сокращение времени выполнения заказа [3].

Стоит отметить, что известная концепция Форда [4] положила начало вниманию издержкам и стремлению их минимизировать за счет рациональной организации труда [5]. Новые же концепции во многом ориентированы на создание ценности, которую получает клиент, и в качестве ключевого фактора успеха задействует персонал, который участвует в обеспечении качества и создании инноваций [6; 7].

И теория бережливого производства, и в теории *TQM* и *QRM* вышли из практики как обобщение практики управления, обеспечивающее минимизацию издержек. Но реальное внедрение этих теорий изобилует проблемами, которые нужно обсуждать и разрабатывать пути их минимизации [8; 9]. Авторы и их коллеги — кафедра «Организация машиностроительного производства» Уральского федерального университета и «Фабрика бережливого производства», на сегодняшний момент взаимодействовали с более чем двадцатью предприя-

ями по вопросам внедрения обсуждаемых концепций в практику работы предприятий [10]. Этот опыт позволил выявить ключевые проблемы при внедрении и показать вариант решения проблем на одном из исследуемых предприятий. Проблемы предприятий оказались достаточно схожими. Но способы разрешения проблем зависят от размера предприятий, технологической специфики производства, а главное — организационной культуры, сформировавшейся в данном коллективе [11; 12].

Проблемы внедрения концепции бережливого производства на производственных предприятиях Свердловской области

В ходе анализа потоков создания ценности группа консультантов и ответственных за внедрение бережливого производства специалистов предприятия охватывает все стадии технологического процесса внутри предприятия. В идеале в поток создания ценности вовлекаются не только подразделения, но и отдел закупок, и отдел продаж, и другие причастные структуры. Выделены наиболее часто встречающиеся, общие проблемы в деятельности предприятий, включая все заинтересованные структурные подразделения, которые влияют на получение качественного продукта для конечного потребителя (табл. 1).

С целью повышения результативности внедрения системы необходимо учесть особенности конкретной организации и спланировать собственный путь развития производственной системы. Очень часто встречается ситуация, когда на предприятии уже делалась попытка внедрения бережливого производства. Примерно одна треть российских предприятий имеют опыт внедрения бережливого производства, исчерпывающийся в большинстве случаев применением одного—двух инструментов [13]. «Кусочное» внедрение не приносит значительных результатов, и вскоре все возвращается в прежнее состояние, тогда появляется сверхзадача — убедить персонал, что система реально работает и продемонстрировать эффект, который может принести бережливое производство.

Универсальный перечень задач будет следующим:

- обучение персонала основным понятиям, методам, обсуждение возможностей и недостатков концепции бережливого производства;
- нахождение способа вовлечения персонала в процесс непрерывных улучшений и действенных способов формирования корпоративной культуры на основе концепции бережливого производства;
- разработка адекватной системы мотивации;
- минимизация шансов использования ложной информации;
- предоставление полномочий руководителям производственных подразделений и «группе бережливого производства», если таковая имеется на предприятии, организовывать работу по внедрению инструментов бережливого производства;
- взаимодействие с консалтинговыми фирмами, посещение передовых предприятий в области бережливого производства;
- разработка регламента документирования проектов по бережливому производству.

Таблица 1

Проблемы в деятельности предприятий

Table 1

Problems in the activities of enterprises

Вид проблемы	Характеристика
организационно-технологические	— некорректное планирование сроков производства и поставки комплектующих в связи с наличием недостатков в системе планирования; — большой запас комплектующих «на будущее», как следствие, — нерациональное использование производственных площадей, загромождение проходов и проездов и омертвление оборотных средств; — несвоевременность поступления комплектующих, что вызывает срыв сроков производства, неравномерную загрузку в течение месяца; — отсутствие идентификации и прослеживаемости товарно-материальных ценностей, что часто влечет за собой установку несоответствующего комплектующего в изделие, что в дальнейшем приводит к необходимости переделок сборки и исправления брака
проблемы персонала и организационной культуры	— отсутствие согласованности целей и концентрации на едином результате каждого производственного подразделения; — отсутствие в работе принципа «не принимай, не делай, не передавай брак»; — низкая удовлетворенность персонала работой; — сокрытие проблем на производстве от руководства; — неосведомленность персонала о преимуществах концепции бережливого производства и непонимание необходимости ее внедрения
проблемы «организации» процесса изменений	— осуществление организационных нововведений в директивном порядке, что снижает отдачу от персонала и снижает планируемый результат, общие проблемы руководства; — отстраненность высшего руководства от проблем изменений на уровне производства; — длительное согласование документации, протоколов, технических заданий

Совершенствование алгоритма внедрения бережливого производства

Если выявленные ранее проблемы указали на несовершенство процесса реализации системы бережливого производства, необходимо пересмотреть алгоритм его внедрения на предприятии. С учетом анализа процесса внедрения, выявления ошибок, сложностей, предприятию следует предложить более адаптированную под существующую ситуацию методику внедрения, включая переориентирование в части перечня внедряемых инструментов, смены формы внедрения, перераспределения ответственности.

Представим процесс внедрения, а также ошибки и сложности, возникшие на каждом этапе для конкретного предприятия машиностроительного профиля (табл. 2). Предприятие крупное, выпускает продукцию спецназначения и гражданского профиля. На данном предприятии процесс внедрения стартовал с одного структурного подразделения, занимающегося сборкой.

Таблица 2

Этапы процесса внедрения бережливого производства в сборочном цехе

Table 2

Stages of the process of implementing lean manufacturing in the assembly shop

Этап процесса внедрения	Сложности и проблемы	№ проблемы
1	2	3
Планирование деятельности по внедрению на следующий год	Отсутствие принятия во внимание готовности подразделения и предприятия к внедрению того или иного метода или инструмента	1
	Отсутствие анализа о необходимости внедрения того или иного метода или инструмента	2
	Несогласованное с руководителями производственных подразделений принятие решения о внедряемых методах и инструментах	3
	Отсутствие учета времени протекания процессов (согласование документов, закупка и др.)	4
Проведение хронометража для выбранного изделия	Отсутствие перечня контролируемых показателей, которые необходимо получить в результате наблюдения	5 7
	Неосведомленность участников процесса о целях проведения наблюдения (негативное восприятие)	6 8
Проведение аудита и анализа на соответствие системе 5S	Отсутствие адаптированного перечня критериев проведения проверки	7 9
	Неосведомленность участников процесса о целях проведения проверки (негативное восприятие)	8 11
	Запланированная дата проведения проверки (что в результате проиллюстрировало ситуацию, не соответствующую действительности)	9 13
	Запрет на доведение проблем до уровня руководства	10 14
Корректировка должностных инструкций начальников производства	Директивное возложение обязанностей по внедрению системы бережливого производства на руководителей подразделений	11 15
	Незнание концепции бережливого производства, непонимание необходимости внедрения, отсутствие опыта, незаинтересованность у руководителей	12 16
Организация рабочих мест по системе 5S на участках производства гражданского приборостроения	Директивное внедрение некоторых предметов на рабочем месте	13 18
	Жесткие ограничения на необходимое количество и номенклатуру предметов на рабочем месте	14 20
Внедрение элементов системы 5S при организации рабочего пространства участков производства гражданского приборостроения	Формальность реализации конкретного пункта (визуальное внедрение — зонирование и т. д. без учета повышения оптимальности организации рабочего пространства)	16 22
	Нерациональность затрат на реализацию пункта	17 23

Продолжение таблицы 2

1	2	3
	Нерациональность применения методов данного инструмента (например, применение зонирования там, где в нем нет необходимости).	18 25
	Отсутствие четкого понимания перечня предметов, оснащения, которое должно находиться на участке (не проведен анализ с участниками процесса)	19 26
Проведение обучения бережливому производству 100 % специалистов и руководителей производства	Директивное проведение обучения	20 27
	Проведение обучения в электронной системе	21 28
	Отсутствие реальной проверки полученных знаний	22 29
Проведение картирования потока создания ценности и формирование мероприятий по улучшению посредством формирования карты будущего состояния	Отсутствие предварительного изучения процесса, незнание его специфики	23 31
	Отсутствие в составе наблюдающих специалистов, разбирающихся в процессе, не заинтересованных в формировании ложной картины	24 32
	Длительное проведение картирования (более полугодя)	25 34
	Отсутствие некоторых норм времени в маршрутных картах технологического процесса, что усложняет подтверждение оптимальности затрачиваемого времени.	26 36
	Разработка плана мероприятий и формирование карты будущего состояния сотрудниками «группы бережливого производства». Отсутствие участников потока создания ценности в данном этапе	27 37
	Запрет на доведение некоторых проблем до уровня руководства	28 38
Реализация пилотного проекта по внедрению системы визуального управления на участке светотехнических изделий	Отсутствие адаптации представляемых показателей на стенде визуального управления и контроля к специфике производственного участка	29 40
	Не согласованный перечень показателей для визуализации с руководителем производственного подразделения (директивное внедрение)	30 41
	Отсутствие корректных показателей оценки результативности системы	31 43
	Длительные закупки и процессы изготовления требуемого оснащения	32 52
Иные проблемы	Несо согласованность действий сотрудников группы бережливого производства, отсутствие аккумулирования информации в общем доступе	33 46
	Соккрытие реальных проблем руководителями подразделений	34 47
	Сложность коммуникаций со специалистами и руководителями подразделений	35 48

Анализ таблицы показывает, что некоторые проблемы на различных этапах имеют схожую суть или дублируются; некоторые можно решить, применяя один и тот же метод. Мероприятия по решению проблем сгруппированы в таблицу 3.

Таблица 3

Мероприятия, направленные на решение общей совокупности проблем при внедрении бережливого производства

Table 3

Activities aimed at solving the general set of problems when implementing lean manufacturing

Мероприятие	Ожидаемый эффект	Номер проблемы
1	2	3
Проведение предварительной оценки целесообразности внедрения того или иного улучшения (в т. ч.: анкетирование участников процесса, оценка уровня корпоративной культуры, оценка внешних факторов и др.). При необходимости — создание регламентирующего документа	Снижение вероятности проведения нерезультативных работ. Снижение непроизводительных затрат времени, денежных средств и других ресурсов. Сокращение вероятности усложнения процесса. Снижение риска появления негативной реакции на внедрение улучшений	1, 2, 15, 16, 17, 18, 23
Вовлечение (в первое время при помощи распоряжений или создания групп по реализации проектов с доплатой каждому участнику) в проведение работ, анализа, формирование мероприятий всех представителей, участвующих в потоке создания ценности	Всестороннее рассмотрение проблем. Снижение риска непринятия во внимание особенностей той или иной деятельности. Минимизация риска принятия неправильного решения. Большее количество вариантов улучшения. Минимизация риска возникновения недовольства от принятых решений. Повышение вовлеченности в процесс внедрения бережливого производства	3, 6, 19, 23, 24, 26, 27, 30, 33, 35
Внесение изменений во внедряемые методики и инструменты, их корректировка с точки зрения удаления ненужных пунктов к внедрению с учетом специфики развития производственной системы, существующей среды производственных подразделений, имеющейся культуры производства	Сокращение времени внедрения метода / инструмента в связи с учетом специфики процессов предприятия. Повышение лояльности отношение к внедряемым методам / инструментам со стороны персонала	5, 7, 14, 29
Регламентирование сроков рассмотрения документов, выполнения операций на основе расчетов и прошлого опыта реализации данной деятельности. Закрепление ответственности за отслеживание за выполнением действий в срок на департамент документационного обеспечения, контроллинга	Сокращение длительности согласования документов. Снижение риска срыва сроков реализации мероприятий. Возможность более четкого планирования деятельности	4, 25, 32

Продолжение таблицы 3

1	2	3
Планирование проведения какого-либо анализа или проверки с разработкой критериев оценки, конкретизацией процесса проведения. Дальнейшее формирование отчетов на основании представления собранных показателей, цифровых данных	Возможность оценить процесс при наличии ранжирования критериев и возможность выяснить момент, когда процесс начнет демонстрировать отрицательную динамику. Возможность ведения статистики и проведение временного анализа показателей. Более наглядное представление целей проводимого исследования участникам процесса	5, 6, 8, 31
Проведение ознакомительного совещания или рассылка презентаций с демонстрацией запланированных проектов к внедрению. Проведение практических тренингов, решение кейсов, групповое моделирование. Создание проектного офиса или участка для проведения предварительного тестирования внедряемого инструмента или метода. Посещение предприятий для получения практических знаний	Повышение вовлеченности. Донесение важности, значимости, преимуществ внедрения бережливого производства. Снижение степени сопротивления работников в связи с более лояльным отношением их руководителей. Возможность снижения затрат	6, 8, 11, 12, 13, 20, 21, 22, 25, 31, 34
Проведение внеплановых проверок. Изменение системы наказания и поиска виновных на систему, позволяющую поднимать проблемы и решать их с привлечением всех специалистов, которые способны повлиять на ход решения проблемы (например, внедрение системы, при которой заявителю проблемы будет выплачиваться вознаграждение, а виновному — выговор, на третий раз — штраф)	Снижение количества несоответствий, возникающих в процессах. Снижение случаев сокрытия проблем. Более быстрое решение проблем. Осведомленность руководства о проблемах. Возможность наблюдения статистики о проблемах, выявление наиболее часто встречающихся	9, 10, 28, 34
Контроль выполнения мероприятий по внедрению бережливого производства на уровне генерального директора	Ускорение процесса внедрения. Вовлечение большего количества специалистов	Прямо или косвенно — все пункты
Придание огласки проекту, размещение в информационных системах, ресурсах, мониторах и других источниках предоставления информации	Повышение вовлеченности, осведомленности. Появление возможности привлечения новых идей	Прямо или косвенно — все пункты

Исходя из вышеперечисленных предлагаемых вариантов улучшения, представим бизнес-процесс внедрения бережливого производства (рис. 1).

Рис. 1. Бизнес-процесс «Внедрение бережливого производства»
Fig. 1. Business process “Implementation of lean production”

Входами данного процесса являются: информация о производствах (какие существуют производства, информация об их деятельности, выпускаемая продукция и т. п.), информация о передовом опыте внедрения, миссия и стратегия предприятия (для формулирования политики в области бережливого производства), распоряжение о внедрении бережливого производства (старта проекта), отчеты о внедрении бережливого производства в предыдущих периодах, план по стандартизации.

На выходе из данного процесса имеем: годовой отчет группы бережливого производства о проделанной работе, распоряжение о переносе срока части работ, если не все работы были завершены в срок в связи с различными причинами (например, длительный срок закупки, нерациональные изначальные сроки выполнения работ, отсутствие адаптации методов, инструментов и др.), политика в области бережливого производства, план и цели в области бережливого производства на следующий период (год), исходя из осуществленных ранее мероприятий и приобретенного опыта.

Управляющие воздействия для данного процесса: ГОСТы, стандарты организации, нормативная документация, бюджеты подразделений (в том числе бюджет группы бережливого производства), конструкторская и технологическая документация, используемая в процессе проведения картирования потока создания ценности.

Выводы

Если процесс внедрения преодолен, то выгоды очевидны:

- клиент получает свою ценность — качество продукта;
- минимальное время выполнения заказа;
- адекватную цену продукта.

Ценностью для самого производителя будет:

- минимизация издержек на потребляемые ресурсы;
- качественный продукт, востребованный рынком, а, следовательно, имидж.

Самым главным бонусом является новый (адаптивный) тип корпоративной культуры, который неизбежно формируется на предприятиях, успешно внедривших концепцию бережливого производства, обеспечивающий постоянные улучшения и инновационный потенциал коллектива. Как показывает опыт, это — самый надежный гарант экономической безопасности современного промышленного предприятия в условиях жесткой конкурентной среды.

Список источников

1. Коллис Д. Дж., Монтгомери С. А. Корпоративная стратегия. Ресурсный подход. Москва: Олимп-Бизнес, с. 62–73.
2. Тис Д. Выявление динамических способностей: природа и микрооснования(устойчивых) результатов компании // Российский журнал менеджмента. 2009. Т. 7. № 4. С. 60.
3. Сури Р. Время — деньги. Конкурентное преимущество быстрореагирующего производства. Москва: Просвещение / Бином, 2018. 326 с.
4. Форд Г. Движение вперед. Москва: Концептуал, 2019, 846 с.
5. Гастев А. К. Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда. Москва: URSS, 2011. 477 с.
6. ГОСТ Р 56020–2014 Бережливое производство. Основные положения и словарь. Москва: Стандартинформ, 2014. 33 с.
7. Вумек Д. П., Джонс Д. Т. Бережливое производство: как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании. Москва: Альпина Бизнес Букс, 2004. 473 с.
8. Бельш К. В. Комплексный подход к внедрению и оценке эффективности проектов по бережливому производству на промышленном предприятии // Вопросы инновационной экономики. 2018. Т. 8. № 3. С. 513.
9. Кондратьев Э. В., Новиков К. В. Непрерывное совершенствование в современном производстве // Методы менеджмента качества. 2015. № 10. С. 4–11.
10. Baranchikova S. G., Ershova I. V., Klyuev A. V., Cherepanova E. V. Optimization of the production plan taking according to the customers' strategic importance. Conference Series: materials Science and Engineering. 2020. Vol. 971. Issue 5.
11. Грачев А. Н. «5S»: от метода к культуре // Стандарты и качество. 2009. 5. С. 88–93.
12. Ротер М. Тойота Ката. Лидерство, менеджмент и развитие сотрудников для достижения выдающихся результатов. Санкт-Петербург: Питер Пресс. 2014. 304 с.
13. Дырина Е. Н. Сравнительный анализ российского и зарубежного опыта применения бережливого производства // Поколение будущего: взгляд молодых ученых. 2014. С. 106–109.

References

1. Collis D. J., Montgomery S. A. Corporate strategy. Resource approach. Moscow: Olymp-Business Publ. Pp. 62–73. (In Russ.)
2. Tis D. Identification of dynamic abilities: the nature and micro-foundations of the company's (sustainable) results. *Russian Journal of Management*, 2009, vol. 7, no. 4. (In Russ.)
3. Suri R. Time is money. Competitive advantage of fast-reacting production. Moscow: Prosveshcheniye / Binom Publ., 2018, 326 p. (In Russ.)
4. Ford G. Moving forward. Moscow: Conceptual Publ., 2019, 846 p. (In Russ.)
5. Gastev A. K. How to work. Practical introduction to the science of labor organization. Moscow: URSS Publ., 2011. 477 p. (In Russ.)
6. GOST R 56020-2014 Lean manufacturing. Basic provisions and dictionary. Moscow: Standartinform Publ., 2014. 33 p. (In Russ.)
7. Vumek D. P., Jones D. T. Lean manufacturing: how to get rid of losses and achieve prosperity of your company. Moscow: Alpina Business Books Publ., 2004. 473 p. (In Russ.)
8. Belysh K. V. An integrated approach to the implementation and evaluation of the effectiveness of lean production projects at an industrial enterprise. *Issues of innovative economy*, 2018, vol. 8, no. 3, pp. 513–530. (In Russ.)
9. Kondratiev E. V., Novikov K. V. Continuous improvement in modern production. *Methods of quality management*, 2015, no. 10, pp. 4–11. (In Russ.)
10. Baranchikova S. G., Ershova I. V., Klyuev, A. V., Cherepanova E. V. Optimization of the production plan taking according to the customers' strategic importance. Conference Series: materials Science and Engineering. 2020. Vol. 971. Issue 5. (In Russ.)
11. Grachev A. N. "5S" from method to culture. *Standards and quality*, 2009, no. 5, pp. 88–93. (In Russ.)
12. Rother M. Toyota Map. Leadership, management and employee development to achieve outstanding results. Saint Petersburg: Peter Press Publ., 2014. 304 p. (In Russ.)
13. Dyrina E. N. Comparative analysis of Russian and foreign experience in the application of lean production. *Generation of the future: a view of young scientists*, 2014. Pp. 106–109. (In Russ.)

Информация об авторах | Information about the authors

В. В. Кривотрогов — доктор юридических наук, профессор
V. V. Krivotrotov — Doctor of Sciences (Economy), Professor

А. В. Калина — кандидат экономических наук, доцент
A. V. Kalina — Candidate of Sciences (Economy), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 02.07.2023, одобрена после рецензирования 25.08.2023, принята к публикации 15.09.2023.

The article was submitted 02.07.2023, approved after reviewing 25.08.2023, accepted for publication 15.09.2023.

Научная статья
УДК 330.354: 796.034+004.032.26
<https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-37-47>

Искусственный интеллект в анализе человеческого капитала как основы экономической безопасности регионов Российской Федерации

Кузнецов Виктор Павлович¹, Летягина Елена Николаевна², Перова Валентина Ивановна³

¹Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, Нижний Новгород, Россия

^{2,3}Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

¹kuznecov_vp@mininuniver.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2039-6826>

²len@fks.unn.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6539-6988>

³perova_vi@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1992-5076>

Аннотация

На современном этапе, который характеризуется новыми угрозами и вызовами экономической безопасности России, человеческий капитал имеет основополагающее значение для инновационного развития экономики страны. В ракурсе инновационного развития представлена динамика изменения количества разработанных передовых производственных технологий по видам экономической деятельности (всего) по Российской Федерации за период 2017–2021 годов. Показано, что имеет место возрастание количества разработанных передовых производственных технологий, на который не оказала отрицательного воздействия внешняя конъюнктура. Ввиду важности человеческого капитала с точки зрения здоровья населения приведена доля внебюджетного инвестирования в развитие спортивной сферы в масштабе федеральных округов Российской Федерации за 2021 год, а также динамика численности населения (3–79), занимающегося физической культурой и спортом за период 2017–2021 годов. Согласно авторскому подходу к исследованию развития человеческого капитала, регионы России аттестовались с помощью 12 классификационных признаков, взятых с сайтов Росстата и Министерства спорта. В качестве метода исследования выступал эффективный и креативный метод кластерного анализа на базе нейронных сетей — существенного раздела искусственного интеллекта с применением информационных технологий. Результатом нейросетевого моделирования стало разграничение регионов Российской Федерации на 6 кластеров. Представлена архитектура кластерных образований, отражающая детальное вхождение регионов России в кластеры. Приведены усредненные значения исследуемых показателей развития человеческого капитала в отдельных кластерах и в целом по России. Проведен анализ развития человеческого капитала в регионах Российской Федерации через призму кластерных образований, который показал его разный уровень развития по совокупности исследуемых показателей. С учетом системного подхода, нацеленного на сбалансированность и совершенствование развития человеческого капитала в регионах России, метод исследования с применением искусственного интеллекта и результаты работы могут быть использованы при разработке стратегий и программ развития регионов России на

предстоящие периоды. Это послужит наращиванию обоснованности принятия управленческих решений в направлении увеличения качества человеческого капитала как первоисточника повышения экономической безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: человеческий капитал, экономическое развитие, экономическая безопасность, искусственный интеллект, кластерный анализ, нейронные сети

Для цитирования

Кузнецов В. П., Лetyгина Е. Н., Перова В. И. Искусственный интеллект в анализе человеческого капитала как основы экономической безопасности регионов Российской Федерации // На страже экономики. 2023. № 3 (26). С. 37–47. <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-37-47>.

Original article

Artificial intelligence in the analysis of human capital as the basis of economic security of the regions of the Russian Federation

Viktor P. Kuznetsov¹, Elena N. Letiagina², Valentina I. Perova³

¹Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin, Nizhny Novgorod, Russian Federation

^{2, 3}National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹ kuzneczov-vp@mail.ru

² len@fks.unn.ru

³ perova_vi@mail.ru

Abstract

At the present stage, which is characterized by new threats and challenges to Russia's economic security, human capital is of fundamental importance for the innovative development of the country's economy. From the perspective of innovative development, the dynamics of changes in the number of developed advanced production technologies by type of economic activity (total) in the Russian Federation for the period 2017–2021 is presented. It is shown that there is an increase in the number of advanced production technologies developed, which was not adversely affected by the external conjuncture. In view of the importance of human capital from the point of view of public health, the share of extra-budgetary investment in the development of sports on the scale of the federal districts of the Russian Federation for 2021, as well as the dynamics of the population (3–79 years) engaged in physical culture and sports for the period 2017–2021 is given. According to the author's approach to the study of human capital development, the regions of Russia were certified using 12 classification features taken from the websites of Rosstat and the Ministry of Sports. The research method was an effective and creative method of cluster analysis based on neural networks — an essential section of artificial intelligence with the use of information technology. The result of neural network modeling was the differentiation of the regions of the Russian Federation into 6 clusters. The architecture of cluster formations is presented, reflecting the detailed entry of Russian regions into clusters. The average values of the considered indicators of human capital development in clusters and their average values in Russia are given. The analysis of the development of human capital in the regions of the Russian Federation through the prism of cluster formations was carried out, which showed its different level of development ac-

ording to the totality of the studied indicators. Taking into account the systematic approach aimed at balancing and improving the development of human capital in the regions of Russia, the research method using artificial intelligence and the results presented in the work have practical significance. They can be effectively used in strategic planning of the development of Russian regions for the coming periods. This will serve to increase the validity of managerial decision-making in the direction of increasing the quality of human capital as the primary source of improving the economic security of the Russia.

Keywords: economic security, human capital, artificial intelligence, cluster analysis, neural networks

For citation

Kuznetsov V. P., Letiagina E. N., Perova V. I. Artificial intelligence in the analysis of human capital as the basis of economic security of the regions of the Russian Federation. *The Economy under Guard*, 2023, no. 3 (26), pp. 37–47. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-37-47>.

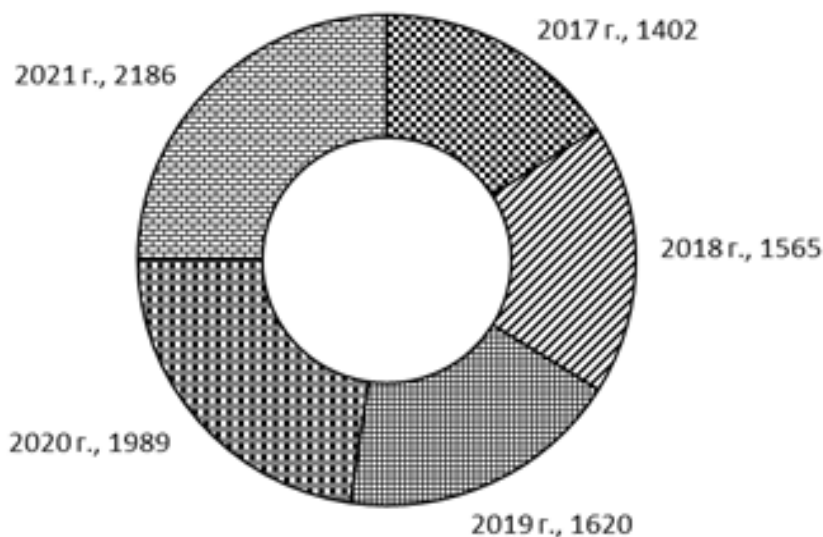
Введение

На современном этапе, характеризующемся новыми угрозами и вызовами экономической безопасности Российской Федерации, большое значение уделяется развитию человеческого капитала. Социально-экономическое развитие России, вектор которого направлен на путь инновационного опережения мировых достижений научно-технологического развития [1–4], в большой степени определяется состоянием человеческого капитала, являющегося основным элементом инновационного развития государства [5].

Для количественной оценки человеческого капитала часто применяется численный метод, в соответствии с которым на практике задействуются различные индексы, показывающие качество жизни людей. Наибольшее распространение получил индекс человеческого развития (ИЧР или *HDI*). Он представляет собой комплексный статистический показатель, состоящий из трех частей: индексов средних значений уровней образования, продолжительности здоровой жизни и достойного материального достатка населения.

В научных исследованиях развитие человеческого капитала, прежде всего, сопряжено с человеческими ресурсами как носителями знаний вследствие профессионального образования. Накопленные во время обучения фундаментальные знания, умения и навыки, которые согласуются с современными практическими запросами развития экономики Российской Федерации, будут повышать уровень инновационного потенциала регионов Российской Федерации и приумножать доход в экономику страны.

К факторам, содействующим увеличению внутренних резервов инновационной активности субъектов России, необходимо причислить разработанные национальные наукоемкие технологии, а также подготовку высококвалифицированных специалистов, которые осуществляют работу в этой сфере деятельности. Совершенствование инновационной сферы в регионах Российской Федерации тесно связано с существенным влиянием своевременного и качественного принятия управленческих результатов. На рисунке 1 представлено изменение количества разработанных передовых производственных технологий по видам экономической деятельности (всего) по Российской Федерации за период 2017–2021 годов [6].

Рис. 1. Число разработанных передовых производственных технологий по видам экономической деятельности (всего) по Российской Федерации за период 2017–2021 годов, ед.

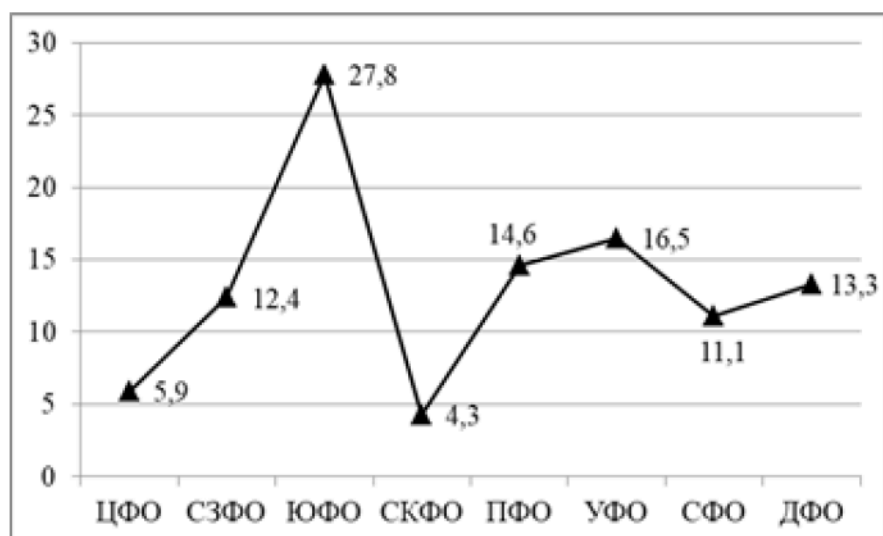
Fig. 1. The number of developed advanced production technologies by type of economic activity (total) in the Russian Federation for the period 2017–2021, units

Из результатов на рисунке 1 следует, что имеет место возрастание количества разработанных передовых производственных технологий, на который не оказала отрицательного воздействия внешняя конъюнктура.

С нашей точки зрения, при определении человеческого капитала очень важно учитывать и подход, связанный с веским влиянием физической активности людей на его качество, что будет укреплять здоровье и продолжительность жизни населения [7].

Сохранение населения, увеличение продолжительности жизни, укрепление здоровья и повышение качества жизни людей определены важными приоритетными направлениями развития государства [1; 8]. Одним из основных инструментов достижения этих целей является активизация физической активности граждан. Доказано, что занятия физической культурой и спортом сокращают вероятность сердечно-сосудистых и неврологических заболеваний, повышают сопротивляемость организма. Это способствует росту социально-экономического потенциала страны и усиливает национальную безопасность.

В связи с этим является немаловажным инвестирование в развитие физической культуры и спорта. На рисунке 2 приведена доля внебюджетного инвестирования в развитие данной сферы в фокусе федеральных округов Российской Федерации за 2021 год [9]. Результаты, представленные на рисунке 2, показывают значительное изменение внебюджетных инвестиций в спортивную сферу (более чем в 6 раз): наибольший вклад внебюджетного инвестирования наблюдается в Южном федеральном округе (ЮФО), а наименьший — в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО).

Рис. 2. Доля внебюджетных средств в финансировании физической культуры спорта в 2021 году
Fig. 2. The share of extra-budgetary funds in the financing of physical culture and sports in 2021

Материалы и методы

В ракурсе совершенствования качества человеческого капитала как первоисточника инновационного потенциала Российской Федерации особый интерес связан с анализом его современного состояния в регионах Российской Федерации. Исследование развития человеческого капитала является многофакторной задачей. При решении таких задач высокую отдачу показывают многомерные статистические методы анализа данных, которые исследовались в работе [10] путем эффективных методов использования паттернов.

Исследование показателей осуществлялось на основе кластерного анализа с использованием искусственных нейронных сетей (далее — ИНС). Для решения задач кластеризации многомерных данных, их визуального представления и снижения размерности авторы провели нейросетевое моделирование с помощью ИНС — самоорганизующихся карт Кохонена, реализованных на платформе российского аналитического программного пакета *Deductor*.

Результаты исследования

Для проведения исследований были отобраны статистические данные с сайтов Росстата [6] и Министерства спорта Российской Федерации [9]. В исследование включены 85 регионов России, аттестуемые классификационными признаками за 2021 год, согласно авторскому подходу:

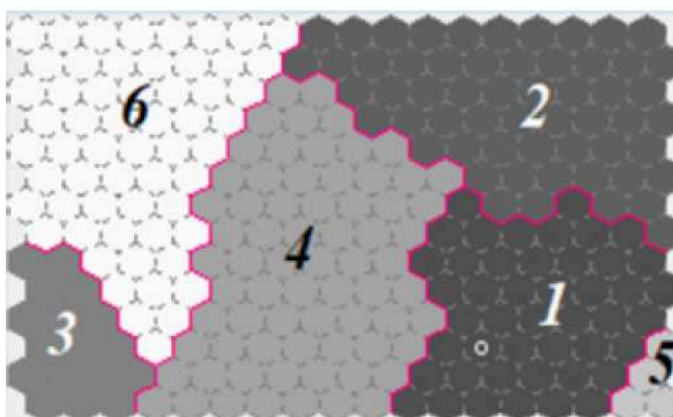
а) *показатели, отражающие достаток населения регионов Российской Федерации*: X_1 — реальная среднемесячная начисленная заработная плата работников, % к предыдущему году; X_2 — реальный размер назначенных пенсий, % к предыдущему году; X_3 — наличие предметов длительного пользования в домашних хозяйствах: мобильные телефоны (шт.) на 100 домашних хозяйств; X_4 — число собственных легковых автомобилей на тысячу человек населения (шт.);

б) показатели, аттестующие развитие образования населения регионов Российской Федерации: X5 — выпуск бакалавров, специалистов, магистров, тысяч человек; X6 — численность аспирантов, человек;

в) показатели, характеризующие развитие здравоохранения в регионах Российской Федерации: X7 — численность населения на одну больничную койку, чел.; X8 — заболеваемость на тысячу человек населения (зарегистрирована заболеваемость у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни) (шт.); X9 — численность врачей всех специальностей на 10 тысяч человек населения, человек;

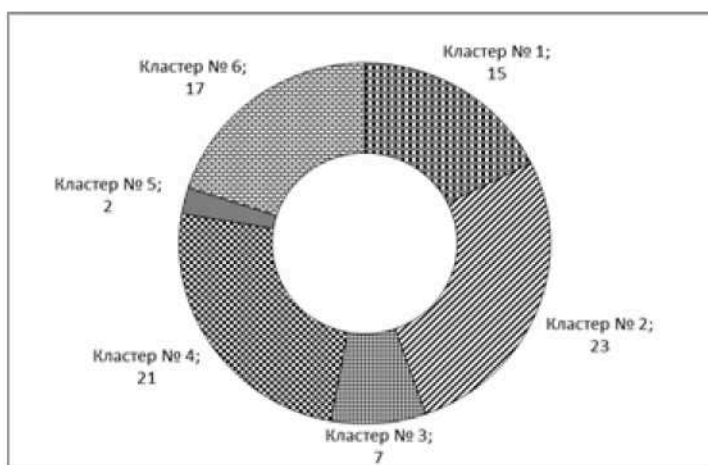
г) показатели, аттестующие развитие спортивной сферы регионов Российской Федерации: X10 — спортивные сооружения (всего), ед.; X11 — кадры, человек; X12 — доля занимающихся физической культурой и спортом (3–79 лет), %.

Результатом нейросетевого моделирования стала интеграция 85 регионов Российской Федерации по 6 кластерам (рис. 3).

Рис. 3. Самоорганизующаяся топологическая карта ранжирования регионов Российской Федерации по кластерам
Fig. 3. Self-organizing topological ranking map of the Russia's regions by clusters

Рисунок 4 иллюстрирует число регионов Российской Федерации в кластерных образованиях.

Рис. 4. Количество субъектов России в кластерах в 2021 году
Fig. 4. Number of Russian regions in clusters in 2021

Результаты, приведенные на рисунке 4, устанавливают проявленную сильную неравномерность распределения регионов Российской Федерации по кластерам. Наименьшее количество регионов Российской Федерации образовало кластер № 5, а наибольшее составило кластер № 2, что в 11,5 раз больше. Детальное вхождение регионов России в кластеры демонстрирует таблица 1.

Таблица 1

Архитектура кластеров в 2021 году

Table 1

Cluster architecture in 2021

Кластер	Регионы Российской Федерации
№ 1	Белгородская область, Московская область, Краснодарский край, Ростовская область, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Пермский край, Нижегородская область, Самарская область, Свердловская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Тюменская область, Челябинская область, Красноярский край, Кемеровская область.
№ 2	Брянская область, Владимирская область, Ивановская область, Калужская область, Орловская область, Ярославская область, Республика Карелия, Республика Коми, Ненецкий автономный округ, Архангельская область, Вологодская область, Республика Марий Эл, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Кировская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Алтай, Алтайский край, Иркутская область, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Амурская область, Чукотский автономный округ.
№ 3	Республика Калмыкия, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Чеченская Республика, Республика Тыва.
№ 4	Воронежская область, Костромская область, Липецкая область, Рязанская область, Тамбовская область, Тверская область, Тульская область, Калининградская область, Ленинградская область, Мурманская область, Новгородская область, Псковская область, Республика Адыгея, Волгоградская область, Оренбургская область, Пензенская область, Ульяновская область, Курганская область, Республика Хакасия, Камчатский край, Приморский край.
№ 5	г. Москва, г. Санкт-Петербург.
№ 6	Курская область, Смоленская область, Республика Крым, Астраханская область, г. Севастополь, Республика Северная Осетия – Алания, Ставропольский край, Республика Мордовия, Саратовская область, Новосибирская область, Омская область, Томская область, Республика Бурятия, Хабаровский край, Магаданская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область.

Из данных в таблице 1 имеем, что по совокупности исследуемых 12 индикаторов, характеризующих развитие человеческого капитала, вхождение регионов России в определенные кластеры не зависит от их территориального положения в федеральных округах Российской Федерации.

Усредненные значения рассматриваемых показателей представлены в таблице 2.

Результаты, сведенные в таблице 2, показывают, что через призму кластерных образований наблюдается разный уровень развития человеческого капитала. В регионах Российской Федерации, вошедших в кластер № 1, имеют место максимальные значения показателей реального размера назначенных пенсий (X2) и доли занимающихся физической культурой и спортом (X4).

Таблица 2

**Средние показатели развития человеческого капитала в России
по кластерам и в целом по стране за 2021 год**

Table 2

**Average indicators of human capital development in the Russia by cluster
and in the whole country for 2021**

Показатель	Номер кластера						Среднее значение по России
	1	2	3	4	5	6	
X1, %	103,9	102,9	97,8	103,5	105,5	102,4	102,8
X2, %	100,9	100,3	99,0	100,0	100,8	100,0	100,2
X3, штук	248,5	246,8	343,1	241,5	244,0	246,3	253,5
X4, штук	349,5	287,0	225,9	388,3	302,3	301,1	321,2
X5, человек	16,1	4,2	3,8	5,0	110,9	7,1	9,6
X6, человек	1 625,7	309,9	235,3	395,2	18 385,5	701,5	1 060,7
X7, человек	129,2	118,7	146,1	121,2	137,8	112,3	122,6
X8, штук	890,1	1 038,1	647,3	812,0	958,2	724,3	859,3
X9, человек	47,0	49,7	44,1	44,2	82,2	53,6	49,0
X10, единиц	858,7	2 575,2	1 612,3	3 121,2	18 198,5	2 645,6	4 073,4
X11, человек	9 778,3	2 591,8	2 686,3	2 010,4	35 083,5	2 857,3	4 764,1
X12, %	51,7	47,0	48,2	50,3	48,1	45,9	48,5

Наибольшее количество заболеваемости на 1 000 человек населения (зарегистрирована заболеваемость у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни) (X8) наблюдается в регионах, составивших кластер № 2.

Регионы, образовавшие кластер № 3, характеризуются семью самыми низкими показателями по сравнению с показателями регионов других кластерных образований и по сравнению со среднероссийскими индикаторами. Исключение в данном кластере составили 2 показателя с максимальными значениями: наличие предметов длительного пользования в домашних хозяйствах: мобильные телефоны на 100 домашних хозяйств (X3) и численность населения на одну больничную койку (X7).

Показатели развития человеческого капитала в регионах кластера № 4 также не больше средних значений показателей по стране, однако показатель числа собственных легковых автомобилей на 1 000 человек населения (X4) наибольший среди других кластеров.

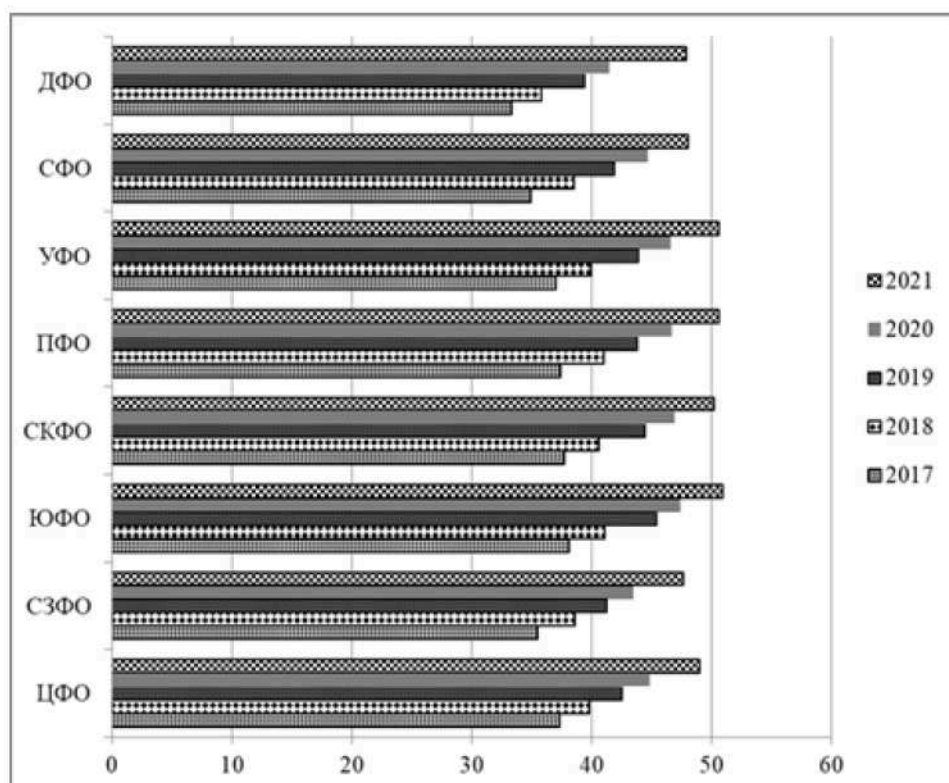
Регионы, составившие кластер № 5, аттестуются максимальными значениями шести из 12 показателей. Остальные 6 показателей этого кластера принимают значения на уровне или выше средних значений по стране. В данный кластер распределились только г. Москва и г. Санкт-Петербург.

Значения показателей регионов кластера № 6 находятся на уровне либо ниже среднероссийских значений, но в регионах этого кластера минимальное значение имеет показатель численности населения на одну больничную койку (X7) и показатель доли занимающихся физической культурой и спортом (3–79 лет) (X12).

Заключение

Таким образом, данные в таблице 2 свидетельствуют о неравномерном развитии человеческого капитала с точки зрения имеющегося достатка, состояния образования и здравоохранения, а также развития физической культуры и спорта в Российской Федерации.

С учетом системного подхода, нацеленного на сбалансированность и совершенствование развития человеческого капитала в регионах России, следует отметить, например, положительную динамику численности населения (3–79 лет), занимающегося физической культурой и спортом (рис. 5).

Рис. 5. Динамика доли населения федеральных округов Российской Федерации, занимающегося физической культурой и спортом в возрасте 3–79 лет, в период 2017–2021 годов, %

Fig. 5. Dynamics of the share of the population of the federal districts of the Russia engaged in physical culture and sports at the age of 3-79 years, in 2017–2021, %

Проведенное в статье нейросетевое моделирование и полученные результаты могут использоваться при разработке стратегий и программ социально-экономического развития регионов России на предстоящие периоды. Это создаст наращивание обоснованности принятия управленческих решений в фокусе увеличения качества человеческого капитала как первоисточника инновационного развития региональной экономики и повышения экономической безопасности государства.

Список источников

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 11.03.2023).
2. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 года № 642. URL: <https://base.garant.ru/71551998/> (дата обращения: 03.04.2023).
3. Богатырев А. В., Бубнова О. Ю. Опыт факторного анализа инновационной активности региона // На страже экономики. 2019. № 3 (10). С. 10–15. URL: <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2019-3-10-15> (дата обращения: 03.04.2023).
4. Чеботарев В. С., Шох М. А. Конкурентоспособность и экономическая безопасность регионов // На страже экономики. 2022. № 1 (20). С. 68–74. URL: <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2022-1-68-74> (дата обращения: 03.04.2023).
5. Любушин Н. П., Летягина Е. Н., Перова В. И. Исследование инновационного развития региональной экономики как императива устойчивого социально-экономического роста России с применением нейросетевого моделирования // Экономический анализ: теория и практика. 2021. Т. 20. № 8. С. 1394–1414. URL: <https://doi.org/10.24891/ea.20.8.1394> (дата обращения: 03.04.2023).
6. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru> (дата обращения: 03.04.2023).
7. Летягина Е. Н., Перова В. И. Нейросетевое моделирование развития детско-юношеского спорта Российской Федерации как фактора формирования человеческого капитала // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 2 (58). С. 40–47.
8. «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта: постановление Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2021 года № 1661. URL: <https://base.garant.ru/402891691/?ysclid=lgv9iwdxgy100470309> (дата обращения: 21.03.2023).
9. Министерство спорта Российской Федерации. URL: <http://minsport.gov.ru/> (дата обращения: 17.03.2023).
10. Aleskerov F. T., Gokhberg L. M., Egorova L. G., Myachin A. L., Sagieva G. S. (2014). A Method of Static and Dynamic Pattern Analysis of Innovative Development of Russian Regions in the Long Run, in: Springer Proceedings in Mathematics and Statistics. Vol. 104. Models, Algorithms and Technologies for Network Analysis. Dordrecht, L., Cham, Heidelberg, NY: Springer, Ch. 1, 1-8.

References

1. On national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030: decree of the President of the Russian Federation no. 474 of July 21, 2020. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (accessed 03.04.2023). (In Russ.)
2. On the Strategy of Scientific and Technological development of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation no. 642 of December 1, 2016. URL: <https://base.garant.ru/71551998/> (accessed 03.04.2023). (In Russ.)
3. Bogatyrev A. V., Bubnova O. Yu. Experience of factor analysis of innovative activity of the region. *The economy under guard*, 2019, no. 3 (10), pp. 10–15. URL: <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2019-3-10-15>. (In Russ.)

4. Chebotarev V. S., Shokh M. A. Competitiveness and economic security of regions. *The Economy under Guard*, 2022, no. 1 (20), pp. 68—74. (In Russ.)
5. Lyubushin N. P., Letiagina E. N., Perova V. I. Research of innovative development of regional economy as an imperative of sustainable socio-economic growth of Russia using neural network modeling. *Economic analysis: theory and practice*, 2021, vol. 20, no. 8, pp. 1394–1414. (In Russ.)
6. Federal State Statistics Service. URL: <https://www.gks.ru> (accessed 03.04.2023). (In Russ.)
7. Letiagina E. N., Perova V. I. Neural network modeling of the development of youth sports in the Russian Federation as a factor in the formation of human capital. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*, 2020, no. 2 (58), pp. 40–47. (In Russ.)
8. The State program of the Russian Federation “Development of physical culture and sports”. URL: https://minsport.gov.ru/2022/doc/statisticheskaya-informatsiya/III_RF.pdf (accessed 03.04.2023). (In Russ.)
9. Ministry of Sports of the Russian Federation. URL: <https://www.minsport.gov.ru> (accessed 03.04.2023). (In Russ.)
10. Aleskerov F. T., Gokhberg L. M., Egorova L. G., Myachin A. L., Sagieva G. S. A Method of Static and Dynamic Pattern Analysis of Innovative Development of Russian Regions in the Long Run, in: Springer Proceedings in Mathematics and Statistics. Vol. 104 Models, Algorithms and Technologies for Network Analysis. Dordrecht, L., Cham, Heidelberg, NY: Springer, Ch. 1, 2014, 1–8. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-09758-9_1.

Информация об авторах | Information about the authors

В. П. Кузнецов — доктор экономических наук, профессор
V. P. Kuznetsov — Doctor of Sciences (Economy), Professor

Е. Н. Летягина — кандидат экономических наук, доцент
E. N. Letiagina — Candidate of Sciences (Economy), Associate Professor

В. И. Перова — кандидат физико-математических наук, доцент
V. I. Perova — Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 15.05.2023, одобрена после рецензирования 25.08.2023, принята к публикации 15.09.2023.

The article was submitted 15.05.2023, approved after reviewing 25.08.2023, accepted for publication 15.09.2023.

Научная статья

УДК 338.2

<https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-48-55>

Трансформация угроз экономической безопасности на примере института фальшивомонетничества в России

Мячин Николай Валерьевич¹, Шкварок Владимир Михайлович²

^{1,2}Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,

¹nmyachin@mail.ru

²vshkvarok@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется федеральная и региональная статистика преступлений, связанных с подделкой, хранением и распространением поддельных денег в России. Авторы приходят к выводу, что снижение зарегистрированных преступлений этой направленности связано с улучшением технологий защиты купюр и изменением структуры денежной массы. По мнению авторов, спрос на преступления, связанные с подделкой денег, был поглощен преступлениями, совершенными с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации.

Ключевые слова: преступность, подделка денег, экономическая безопасность, угрозы экономической безопасности, мошенничество

Для цитирования

Мячин Н. В., Шкварок В. М. Трансформация угроз экономической безопасности на примере института фальшивомонетничества в России // На страже экономики. 2023. № 3 (26). С. 48–55. <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-48-55>.

Original article

Transformation of threats to economic security by the example of the institution of counterfeiting in the Russian economy

Nikolay V. Miachin¹, Vladimir M. Shkvarok²

^{1,2}Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

¹nmyachin@mail.ru

²vshkvarok@mail.ru

Abstract

The article analyzes federal and regional statistics of accidents related to forgery, storage and distribution of counterfeit money in Russia. The authors come to the conclusion that the registered violations are associated with the strengthening of banknote protection technologies and changes in the structure of the money supply. According to the authors, the demand for accidents associated with the counterfeiting of money was absorbed by particulars com-

mitted using information and telecommunication technologies or in the field of computer information.

Keywords: crime, money counterfeiting, economic security, threats to economic security, fraud

For citation

Miachin N. V., Shkvarok V. M. Transformation of threats to economic security by the example of the institution of counterfeiting in the Russian economy. *The Economy under Guard*, 2023, no. 3 (26), pp. 48–55. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-48-55>.

Закрытый перечень угроз экономической безопасности, который определен Указом Президента Российской Федерации [1] (далее — Стратегия), с одной стороны, не допускает дополнений и корректировок, но с другой, в силу динамики макроэкономического развития, не может оставаться неизменным на протяжении тринадцати лет с момента вступления Стратегии в силу. Поэтому неудивительно, что исследователи этой предметной области не только предлагают авторские трактовки понятия «угроза экономической безопасности страны» [2], но и расширяют в своих работах перечень угроз, определенный законодателем [3; 4]. По этой причине авторы настоящей статьи считают уместным предложить считать подделку денег угрозой экономической безопасности страны. Ведь несмотря на то, что законодатель прямо не упоминает подделку денег в тексте Стратегии, некоторые признаки указывают на значимое влияние преступного института на состояние национальной экономической безопасности.

Во-первых, когда домохозяйства и бизнес ожидают, что среди национальных наличных денег высока вероятность обнаружить поддельную купюру, то они будут чаще предпочитать расчеты в иностранной валюте, что приводит к уменьшению количества сделок и росту теневого сектора. А положения Стратегии прямо указывают на то, что защищенность экономики достигается, в том числе, за счет снижения критической зависимости национальной денежно-кредитной системы от колебаний конъюнктуры на международных финансовых и товарных рынках, и снижения использования иностранной валюты при осуществлении хозяйственной деятельности в российской юрисдикции.

Во-вторых, для вытеснения поддельных денег из оборота государство вынуждено тратить ресурсы, которые могли быть использованы на другие цели, в том числе, социальные. А повышение эффективности бюджетных расходов является одним из направлений государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности.

Наконец, в-третьих, масштабное изготовление и ввод в обращение поддельных денег увеличивает денежную массу и приводит к ее обесцениванию, что несовместимо с устойчивым развитием национальной финансовой системы.

В структуре экономических преступлений, согласно российскому законодательству [5], изготовление и сбыт поддельных банковских билетов и металлических монет Банка России находится в группе преступлений в сфере экономической деятельности, которые, в свою очередь, являются частью всех преступлений в сфере экономики наряду с преступлениями против собственности и преступлениями против интересов службы в коммерческих и иных орга-

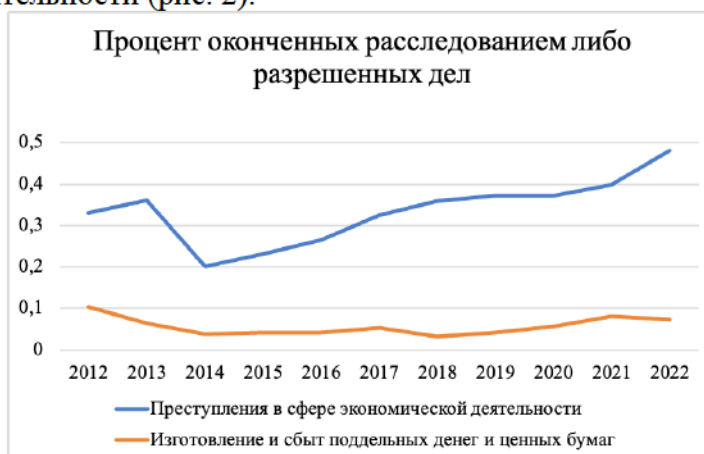
низациях. При этом преступления по статье 186 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) «Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг» (рис. 1)¹ занимают наибольшую долю среди преступлений в сфере экономической деятельности.

Рис. 1. Подделка денег и ценных бумаг в структуре преступлений в сфере экономической деятельности

Fig. 1. Counterfeiting of money and securities during changes in the field of economic activity.

Подделка денег (фальшивомонетничество) отличается от иных экономических преступлений тем, что связана непосредственно с созданием наличного средства платежа — уникального товара, право на распространение которого имеет только государство. Вероятно, эта отличительная черта приводит к тому, что преступления, связанные с изготовлением и сбытом поддельных денег, обладают большей степенью латентности, чем иные преступления в сфере экономической деятельности (рис. 2).

Рис. 2. Показатели раскрываемости преступлений в сфере экономической деятельности

Fig. 2. Crime detection rates in the field of economic activity

¹ Здесь и далее приводятся данные ГИАЦ МВД России.

Если мы посмотрим актуальную региональную статистику раскрываемости, то увидим достаточно хаотичную картину, которая, однако, отражает среднюю статистику раскрываемости по регионам за последние десять лет (рис. 3).

Рис. 3. Раскрываемость преступлений, связанных с изготовлением и сбытом поддельных денег

Fig. 3. Detection rate of crimes related to the production and sale of counterfeit money

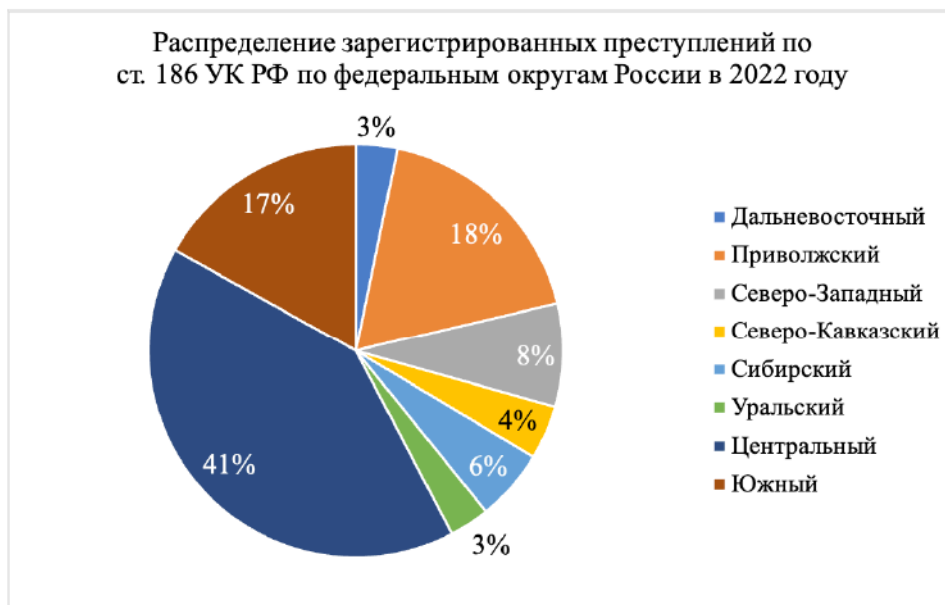
Наибольшая раскрываемость преступлений, связанных с изготовлением и сбытом поддельных денег, зафиксирована в Северо-Кавказском федеральном округе (8 %), а наименьшая — в Дальневосточном (4 %) и Сибирском федеральном округах (4 %). Вероятно, из-за небольшого количества таких преступлений в данных регионах главные ресурсы правоохранительных органов направлены на противодействие иным видам преступлений. Правда, самый «преступный» по изготовлению и сбыту поддельных денег — Центральный федеральный округ — обладает не самыми высокими показателями раскрываемости (рис. 4).

Рис. 4. Статистика раскрываемости в Центральном федеральном округе

Fig. 4. Detection statistics in the Central Federal District

Распределение преступлений в сфере изготовления и сбыта поддельных денег по регионам России (рис. 5) демонстрирует, что наибольшая доля приходится на Центральный федеральный округ, а наименьшая — на Уральский и Дальневосточный федеральные округа.

Рис. 5. Распределение преступлений в сфере изготовления и сбыта поддельных денег по регионам России
Fig. 5. Distribution of crimes in the sphere of production and sale of counterfeit money by regions of Russia

Глядя на эти данные, становится очевидно, что главные усилия правоохранительных органов должны быть направлены на противодействие подделке и сбыту поддельных денег именно в Центральном федеральном округе.

При этом спрос на подделку денег со стороны преступников будет оставаться до тех пор, пока существуют наличные деньги, а значит — еще долгое время. Но почему мы говорим о трансформации угроз в контексте настоящей статьи?

Динамика зарегистрированных преступлений по регионам за последние десять лет (2012–2022) демонстрирует несколько характерных черт.

1. Центральный федеральный округ остается лидером по числу зарегистрированных преступлений по статье 186 УК РФ. В среднем, ежегодно там выявляется около 6 тыс. преступлений, что стабильно составляет порядка 40 % от всех преступлений этой направленности в стране.

2. Наименьшая доля преступлений, связанных с изготовлением и сбытом поддельных денег, традиционно фиксируется в Дальневосточном и Северо-Кавказском федеральных округах — порядка 500 преступлений в каждом регионе в год.

3. Практически во всех регионах количество зарегистрированных преступлений по статье 186 УК РФ снижается с 2020 года. Наиболее явно этот тренд выражен в Центральном федеральном округе. За счет этого вклада снижается общее количество преступлений этой направленности по всей стране (рис. 6).

Рис. 6. Динамика зарегистрированных преступлений по изготовлению и сбыту поддельных денег в России

Fig. 6. Dynamics of registered crimes related to the production and sale of counterfeit money in Russia

Это снижение мы объясняем двумя причинами. Во-первых, технологии защиты купюр регулярно совершенствуются, и преступникам становится все сложнее подделать официальные билеты Банка России. Об этом говорит статистика: за последние десять лет количество выявленных поддельных банкнот в России снизилось в три раза, и сегодня на миллион купюр в обращении приходится лишь четыре поддельных [6]. Во-вторых, все большую долю платежей составляют платежи в электронной форме, а величина кредитной эмиссии в России давно превысила размеры наличной эмиссии [7]. Спрос домохозяйств и компаний на наличные деньги снижается, а за ним — и спрос преступников на подделку денег.

Как и многие другие нелегальные товары (наркотики, оружие), фальшивые деньги распространяются через Даркнет по цене в 20–30 % от номинала в зависимости от качества исполнения купюры. Такие подделки используются, в основном, в криминальном (торговля наркотиками) или околоскриминальном (например, проституция) бизнесе, а в белую экономику они попадают по остаточному принципу и достаточно оперативно выявляются при проверке в магазинах или банках. Сами мошенники, разумеется, отмывают фальшивые деньги более аккуратными способами — через покупки на мелкооптовых рынках или при приобретении частных услуг. Отсюда становится ясно, что поддельные деньги обращаются, в основном, в теневой сфере, а их влияние на белую экономику с каждым годом снижается.

Трансформация же данной угрозы заключается в том, что совокупный спрос на преступления в финансово-кредитной сфере не изменился в объеме, но из-

менился по структуре. На наш взгляд, снижение количества преступлений, связанных с подделкой и распространением поддельных денег было компенсировано ростом зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, где мошенники изымают деньги у населения с использованием методов социальной инженерии. За последние пять лет количество зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, выросло более чем в пять раз — с 90 587 в 2017 году до 522 065 в 2022 году [8].

Список источников

1. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 года № 208 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20, ст. 2902.
2. Феофилова Т. Ю., Литвиненко А. Н., Радыгин Е. В. Экономическая безопасность в контексте новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. Т. 12. № 7 (340). С. 107–118.
3. Ускова Т. В. «Ключевые угрозы экономической безопасности России» // Проблемы развития территории. № 1 (99). 2019. С. 7–16.
4. Елкина О. С. «Формирование специфических угроз экономической безопасности» // Теоретическая экономика. № 10 (70). 2020. С. 73–77.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954, ст. 186.
6. Данные о поддельных денежных знаках, выявленных в банковской системе России. URL: https://www.cbr.ru/statistics/cash_circulation/den_zn/2022/ (дата обращения: 19.04.2023).
7. Денежная масса (национальное определение). Банк России. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/ms/> (дата обращения: 19.04.2023).
8. Статистика МВД России. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 25.03.2023).

References

1. On the Strategy for the Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030: decree of the President of the Russian Federation no. 208 of May 13, 2017. *Collection of legislative acts of the RF*, 2017, no. 20, art. 2902. (In Russ.)
2. Feofilova T. Yu., Litvinenko A. N., Radygin E. V. Economic security in the context of the new National Security Strategy of the Russian Federation. *National interests: priorities and security*, 2016, vol. 12, no. 7 (340), pp. 107–118. (In Russ.)
3. Uskova T. V. Key threats to the economic security of Russia. *Problems of the development of the territory*, no. 1 (99), 2019, pp. 7–16. (In Russ.)
4. Elkina O. S. Formation of specific threats to economic security. *Theoretical economics*, no. 10 (70), 2020, pp. 73–77. (In Russ.)
5. The Criminal Code of the Russian Federation no. 63-FZ of June 13, 1996. *Collection of legislative acts of the RF*, 1996, no. 25, art. 2954, art. 186. (In Russ.)
6. Data on counterfeit banknotes detected in the Russian banking system. URL: https://www.cbr.ru/statistics/cash_circulation/den_zn/2022/ (accessed 19.04.2023). (In Russ.)

7. Money supply (national definition). Bank of Russia. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/ms/> (accessed 19.04.2023). (In Russ.)

8. Statistics of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://mvd.rf/deyatelnost/statistics> (accessed 25.03.2023). (In Russ.)

Информация об авторах | Information about the authors

Н. В. Мячин — кандидат экономических наук

N. V. Miachin — Candidate of Sciences (Economy)

В. М. Шкварок — кандидат экономических наук, доцент

V. M. Shkvarok — Candidate of Sciences (Economy), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 08.06.2023, одобрена после рецензирования 25.08.2023, принята к публикации 15.09.2023.

The article was submitted 08.06.2023, approved after reviewing 25.08.2023, accepted for publication 15.09.2023.

Научная статья
УДК 338.246.87
<https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-56-62>

Противодействие корпоративной коррупции: социоэкономические, национально-культурные и организационные аспекты

Рогачева Вероника Валерьевна¹, Родионов Алексей Владимирович²

^{1,2}Академия ФСИН России, Рязань, Россия

¹veronika.vrv@yandex.ru

²avrpost@bk.ru

Аннотация

В статье представлены результаты исследования социоэкономических, национально-культурных и организационных аспектов противодействия корпоративной коррупции. Определено влияние общественного восприятия на распространение корпоративной коррупции в странах мира. Исследованы возможные характеристики корпоративной коррупции в зависимости от национальных особенностей способа хозяйствования. Схематически представлена классификация организационных структур и соответствующих им особенностей корпоративной коррупции.

Ключевые слова: корпоративная коррупция, финансовая безопасность, предприятия, угрозы, противодействие

Для цитирования

Рогачева В. В., Родионов А. В. Противодействие корпоративной коррупции: социоэкономические, национально-культурные и организационные аспекты // На страже экономики. 2023. № 3 (26). С. 56–62. <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-56-62>.

Original article

Combating corporate corruption: socioeconomic, national-cultural and organizational aspects

Veronika V. Rogacheva¹, Alexey V. Rodionov²

^{1,2}Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation

¹veronika.vrv@yandex.ru

²avrpost@bk.ru

Abstract

The article presents the results of a study of socioeconomic, national-cultural and organizational aspects of combating corporate corruption. The influence of public perception on the spread of corporate corruption in the countries of the world is determined. The possible characteristics of corporate corruption depending on the national characteristics of the way

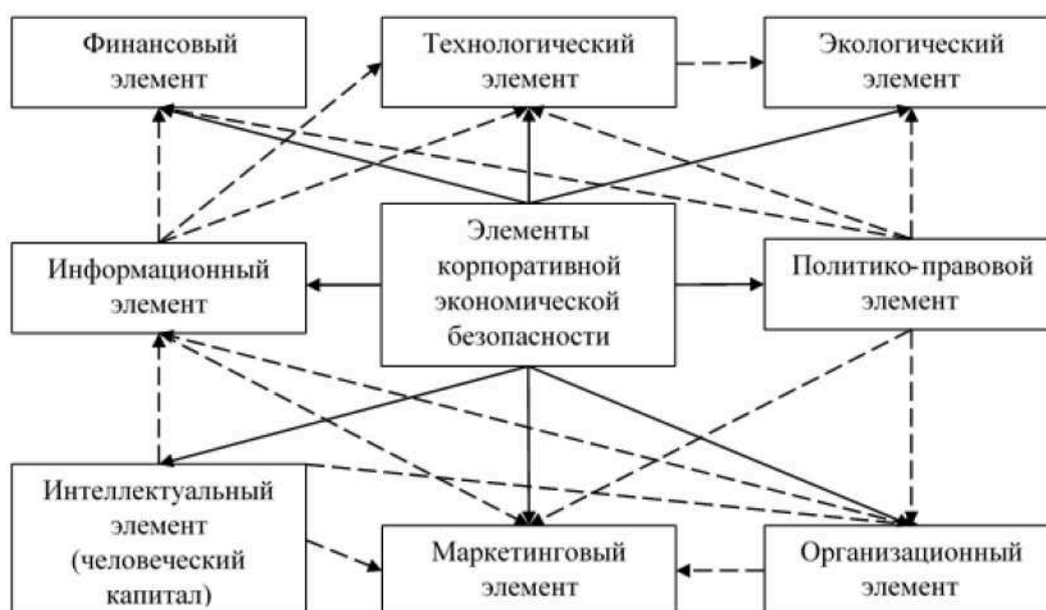
of managing have been studied. The classification of organizational structures and their corresponding features of corporate corruption is schematically presented.

Keywords: corporate corruption, financial security, enterprises, threats, counteraction

For citation

Rogacheva V. V., Rodionov A. V. Combating corporate corruption: socio-economic, national-cultural and organizational aspects. *The Economy under Guard*, 2023, no. 3 (26), pp. 56–62. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-56-62>.

Под состоянием экономической безопасности хозяйствующего субъекта можно понимать отсутствие внешних и внутренних угроз его деятельности, а также комплекс элементов и соответствующих им мероприятий (рис. 1). Многие крупные компании сталкиваются с хищением данных и финансовых ресурсов, то есть нарушением информационной и финансовой безопасности. На рынке высокотехнологичной продукции один из первых громких случаев произошел в 2003 году. Американская компания-производитель сетевого оборудования “Cisco Systems” подала в суд на китайскую компанию “Huawei” за незаконное копирование и использование программного обеспечения. Стороны смогли прийти к соглашению, и иск был отозван, но этот случай создал прецедент [1]. Возвращаясь к комплексному представлению экономической безопасности, стоит отметить взаимосвязь каждого ее элемента:

Рис. 1. Взаимосвязь элементов экономической безопасности
Fig. 1. Interrelation of elements of economic security

Таким образом, можно заключить, что на информационную и финансовую безопасность компании влияют прежде всего следующие аспекты: уровень компетентности ее человеческого капитала, способ разграничения доступа к внутренней информации, правовые санкции и ограничения, вид принятой ор-

ганизационной структуры. Каждый из вышеперечисленных элементов формируется в зависимости не только от принятых руководителем решений, но и от внутригосударственных условий, специфических для каждой страны. Для оценки уровня различий между различными государствами по части способа хозяйствования (в том числе и на частных предприятиях), обратимся к методике социолога Г. Хофстеде.

Основными критериями, по которым Хофстеде дифференцировал страны, являются следующие:

1. Индивидуализм, коллективизм — характеризуют положение человека в обществе (вне или внутри системы) и уровень сплоченности (индивидуализм — США, Австралия, Канада; коллективизм — Колумбия, Пакистан, Тайвань).

2. Дистанция власти — характеризует отношение людей к определенной общественной иерархии и различиям между странами (высокая дистанция власти — Филиппины, Индия, Россия).

3. Неопределенность — характеризует уровень стремления людей к стабильности и преодолению неизвестности (высокий индекс избегания неопределенности — Греция и Португалия).

4. Маскулинность, феминность — характеризуют общие тенденции общественного поведения в контексте готовности к сотрудничеству и экологичному взаимодействию или же, напротив, к напористости и личному героизму (маскулинность — Япония, Германия; феминность — Дания, Швеция, Норвегия).

5. Долгосрочная, краткосрочная ориентация — характеризует степень применения опыта прошлого в хозяйственной деятельности настоящего (долгосрочная ориентация — Япония и Китай).

6. Индугенция, сдержанность — характеризует свободу действий в обществе в контексте определенных человеческих потребностей [2; 3].

В современной социологии некоторые критерии, выделенные Г. Хофстеде, подвергаются критике. К тому же нельзя точно сказать, как та или иная общественная структура будет реагировать на определенные стимулы в постоянно меняющихся экономических и правовых условиях. Вместе с тем система Г. Хофстеде хоть и обобщенно, но помогает разделить страны и, как следствие, их экономические системы между собой.

Теперь обратимся к основным понятиям, непосредственно влияющим на восприятие финансовой безопасности организации с правовой точки зрения. Согласно Федеральному закону от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ (ред. от 10 июля 2023 г.) «О противодействии коррупции», коррупция — это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами [4]. Экономические преступления вообще включают в себя: уклонение от налогов, коррупционную деятельность (дачу и / или получение взятки), намеренное банкротство, уклонение от погашения кредита и незаконное взятие кредита, отмывание прибыли и др. Среди результатов

экономической и финансовой противозаконной деятельности можно выделить и увеличение масштабов коррупции, и растущий общественный разрыв, вызванный большими объемами незаконной прибыли [5]. Для предприятия, столкнувшегося с нарушением его финансовой безопасности (ввиду коррумпированности сотрудников и их незаконных операций) последствия могут выражаться в следующем: нарушение коммерческой и производственной тайны, утрата потенциальной прибыли от результатов НИОКР, банкротство, снижение объемов прибыли и продаж за счет ухудшения качества продукции.

Для того, чтобы можно было проследить взаимосвязь между классификацией Г. Хофстеде и уровнем риска коррумпированности сотрудников предприятия в той или иной стране, необходимо обратиться к такому показателю, как индекс восприятия коррупции (рис. 2).

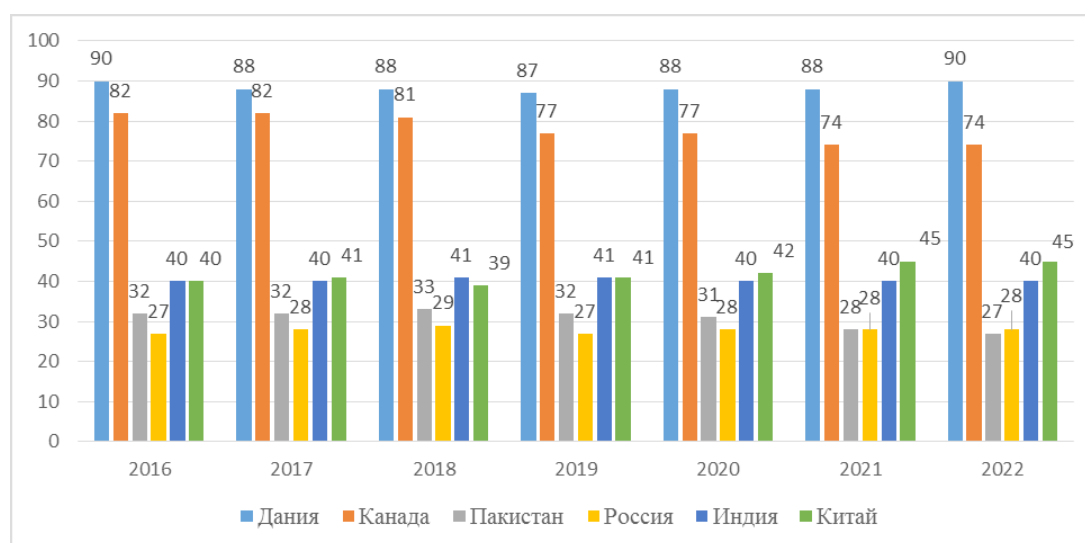

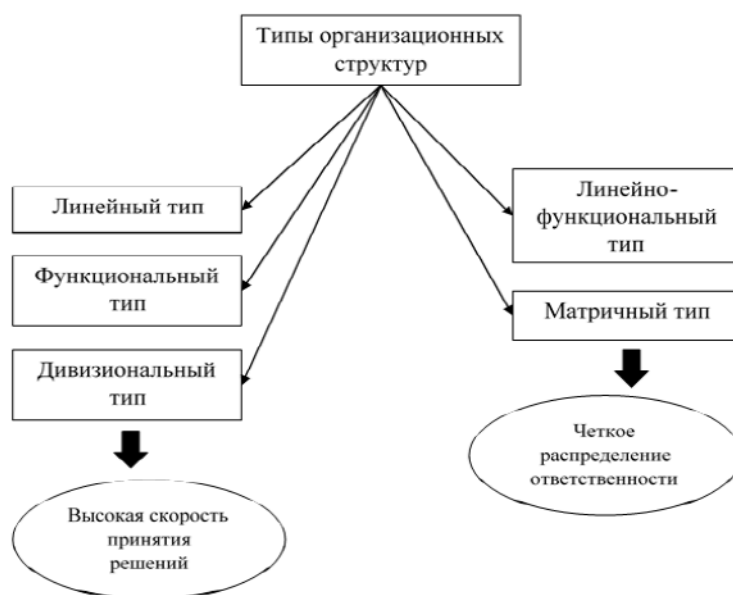
Рис. 2. Динамика индекса восприятия коррупции в странах мира в период 2016–2022 годов [6]

Fig. 2. Dynamics of the index of monitoring the situation in the countries of the world 2016–2022 [6]

Результаты сравнения показателей индекса с классификацией стран по Г. Хофстеде дают неоднозначные результаты. В Канаде индекс восприятия коррупции высок, хотя страна обладает ярко выраженным признаком индивидуализма, а в Пакистане, выделяющемся ярким коллективизмом, этот индекс гораздо ниже. Индекс восприятия коррупции, как и классификацию Г. Хофстеде, нельзя считать абсолютно верными характеристиками для анализа финансовой безопасности предприятий в той или иной стране. В случае дифференцирования государств по определенным признакам не учитываются изменяющиеся экономические и правовые условия. При подсчете индекса восприятия коррупции не учитываются такие важнейшие показатели, как площадь территории государства, численность населения, форма политического строя и др. [7]. Таким образом, проследить потенциальную предрасположенность сотрудников к незаконной финансовой деятельности внутри предприятия или вне его с помощью классификации Г. Хофстеде или анализа индекса восприятия коррупции невоз-

можно — эти системы слишком неконкретны и не охватывают должного объема данных для качественного их анализа. Теперь стоит обратиться к другому элементу безопасности предприятия — организационному, который также непосредственно влияет и на информационную защищенность организации (рис. 3).

При подборе оптимального типа организационной структуры предприятию необходимо, прежде всего, определить свои цели и стратегию поведения на рынке [8]. Существует пять основных типов организационных структур, которые можно разделить на две группы по соответствующему каждому главному преимуществу для предприятия:

Рис. 3 Классификация организационных структур
Fig. 3. Classification of organizational structures

Линейную, функциональную и дивизиональную структуры можно также определить общим блоком так называемых бюрократических структур. К нему также можно отнести и линейно-функциональную структуру, являющуюся смешением первым двух [9].

Линейный тип — самый простой. Все работники подчиняются непосредственному начальнику, то есть одному лицу. Такая структура может быть эффективной только при небольшом числе сотрудников предприятия, в ином случае велик риск нарушения его информационной безопасности.

При функциональном типе подчиненные разбиты на группы по сфере их деятельности. Здесь может нарушаться информационный обмен между подразделениями, что замедляет работу предприятия. К тому же сотрудники одного блока не могут контролировать или проверять деятельность других, что также ведет к увеличению риска неправомерной финансовой деятельности внутри организации.

Смешанный тип, то есть линейно-функциональный, подходит для тех предприятий, чья деятельность не претерпевает с течением времени серьезных изменений. Это плохо адаптируемая и наименее гибкая структура, но при этом с четким распределением обязанностей между работниками — это значительно

ускоряет выявление нарушений финансовой и информационной безопасности предприятия.

Дивизиональная структура имеет схожие с функциональным типом недостатки — здесь сотрудники разделяются по блокам в соответствии с продукцией или услугой, над которыми они работают. Также нарушается информационный обмен между подразделениями и возможность взаимопроверки.

Матричный тип наиболее характерен для крупных предприятий. При данной структуре у каждой группы работников есть «вертикальный» и «горизонтальный» руководитель. Этот тип ввиду такого двойного контроля значительно снижает возможность возникновения нарушений информационной и финансовой безопасности предприятия.

Таким образом, можно определить основные факторы, влияющие на степень финансовой защищенности предприятия: правовые условия в стране и тип организационной структуры. Чем более конкретное и исчерпывающее определение коррупции и экономическим преступлениям в целом дается в нормативных правовых актах, тем выше вероятность несомнения противоправного деяния. При этом такой показатель, как Индекс восприятия коррупции, совершенно точно нельзя считать исчерпывающей характеристикой при анализе экономических отношений в той или иной стране — при расчете не учитывается политический строй, экономико-географическое положение и ряд других важнейших факторов. Организационная структура, выбираемая руководителем исходя из целей предприятия, в значительной степени оказывает влияние на его информационную и финансовую безопасность. Наиболее эффективными с этой точки зрения типами организационных структур являются матричный и линейно-функциональный. Классификация стран социолога Г. Хофстеде по определенным признакам не является точной и достаточно полной для того, чтобы строить структуру предприятия, исходя из нее.

Список источников

1. История компании Huawei: «Великолепное достижение». URL: <https://trends.rbc.ru/> (дата обращения: 12.06.2023).
2. Граф А. А. Анализ модели исследования национальной культуры Г. Хофстеде // Актуальные вопросы экономики и управления: сборник научных трудов VII Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Магнитогорск, 3 апреля 2023 года. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова, 2023. С. 27–32.
3. Гайсумов А. С. Культурные измерения Хофстеде и их применение в анализе проблем, возникающих у транснациональных компаний на международных рынках // Вестник Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова. 2019. Т. 35. № 3. С. 111–115.
4. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 15.07.2023).
5. Смородина Е. П., Булавина А. С. Уголовно-правовые особенности финансовых и экономических преступлений // Цифровая и отраслевая экономика. 2022. № 3-4 (28). С. 86–93.

6. Опубликован Индекс восприятия коррупции за 2022 год. URL: <https://anticor.hse.ru/> (дата обращения: 15.07.2023).
7. Скляр Е. М., Пономарев А. В. Контроль за исполнением международно-правовых обязательств государств в сфере противодействия коррупции: проблемы корректности Индекса восприятия коррупции // *Modern Science*. 2022. № 6-1. С. 243–247.
8. Организационная структура предприятия как главный борец с хаосом в бизнес-процессах. URL: <https://sovcombank.ru/blog> (дата обращения: 17.07.2023).
9. Пятаев Д. А. Выбор наиболее подходящего типа организационной структуры компании, в зависимости от ее работы // *Человек. Социум. Общество*. 2023. № 3. С. 193–196.

References

1. Huawei History: “A Magnificent Achievement”. URL: <https://trends.rbc.ru/> (accessed 12.06.2023). (In Russ.)
2. Graf A. A. Analysis of G. Hofstede’s model for studying national culture. Current issues of economics and management: collection of scientific papers of the VII All-Russian (national) scientific and practical conference, Magnitogorsk, April 3, 2023. Magnitogorsk: Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov Publ., 2023. Pp. 27–32. (In Russ.)
3. Gaisumov A. S. Hofstede’s cultural dimensions and their application in the analysis of problems arising for transnational companies in international markets. *Bulletin of the Chechen State University named after A. A. Kadyro*, 2019, vol. 35, no. 3, pp. 111–115. (In Russ.)
4. On anti-corruption: federal law no. 273-FZ of December 25, 2008. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (accessed 15.07.2023). (In Russ.)
5. Smorodina E. P., Bulavina A. S. Criminal legal features of financial and economic crimes. *Digital and industry economics*, 2022, no. 3-4 (28), pp. 86–93. (In Russ.)
6. The 2022 Corruption Perceptions Index has been published. URL: <https://anticor.hse.ru/> (accessed 15.07.2023). (In Russ.)
7. Sklyar E. M., Ponomarev A. V. Monitoring the fulfillment of international legal obligations of states in the field of combating corruption: problems of correctness of the Corruption Perception Index. *Modern Science*, 2022, no. 6-1, pp. 243–247. (In Russ.)
8. The organizational structure of an enterprise as the main fighter against chaos in business processes. URL: <https://sovcombank.ru/blog> (accessed 17.07.2023). (In Russ.)
9. Pyataev D. A. Choosing the most suitable type of organizational structure of a company, depending on its work. *Chelovek. Society*, 2023, no. 3, pp. 193–196. (In Russ.)

Информация об авторах | Information about the authors

В. В. Рогачева — без ученой степени
V. V. Rogacheva — no academic degree

А. В. Родионов — доктор экономических наук, доцент
A. V. Rodionov — Doctor of Sciences (Economy), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 10.06.2023, одобрена после рецензирования 26.08.2023, принята к публикации 15.09.2023.

The article was submitted 10.01.2023, approved after reviewing 26.08.2023, accepted for publication 15.09.2023.

Научная статья

УДК 316.6

<https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-63-67>

Социально-психологические аспекты экономической безопасности личности

Серебровская Наталья Евгеньевна¹, Щербакова Мария Павловна²

¹Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия, serebrovskaya-n@yandex.ru

²Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия,
m100809shcher@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрена проблема психологической безопасности личности в ситуации глобальных угроз и внешних вызовов, психологическая обусловленность экономической безопасности населения как социального феномена. Содержательно изучен и проанализирован социально-психологический аспект экономической безопасности, обоснована необходимость создания новых социально-экономических форматов и механизмов с опорой на качество жизни и социальный капитал.

Ключевые слова: безопасность, государство, личность, политика, экономика

Для цитирования

Серебровская Н. Е., Щербакова М. П. Социально-психологические аспекты экономической безопасности личности // На страже экономики. 2023. № 3 (26). С. 63–67. <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-63-67>.

Original article

Socio-psychological aspects of economic security of the individual

Natalia E. Serebrovskaya¹, Maria P. Shcherbakova²

¹National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, serebrovskaya-n@yandex.ru

²Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, m100809shcher@yandex.ru

Abstract

The article examines the problem of psychological security of the individual in a situation of global threats and external challenges, and the psychological conditionality of the economic security of the population as a social phenomenon. The socio-psychological aspect of the economic security has been substantively studied and analyzed, the need to create new socio-economic formats and mechanisms based on quality of life and social capital has been substantiated.

Keywords: security, state, personality, politics, economy

© Серебровская Н. Е., Щербакова М. П., 2023

For citation

Serebrovskaya N. E., Shcherbakova M. P. Socio-psychological aspects of economic security of the individual. *The Economy under Guard*, 2023, no. 3 (26), pp. 63–67. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-63-67>.

Обеспечение экономической безопасности страны и отдельно взятых социально-экономических сфер жизнедеятельности населения сегодня становится крайне актуальной темой для обсуждения на разных уровнях. Это связано с нарастанием глобальных угроз в виде кризисных явлений в политике, экономике, финансовой и продовольственной сфере, энергетике и др. Способность нивелировать или по крайней мере купировать в какой-то части эти угрозы определяет не только уровень адаптации общества и государства к быстро меняющимся внешним условиям, но и создает условия для стабильности процесса социально-экономического развития страны и повышает уровень ее конкурентоспособности в мировом пространстве.

Актуальность изучения и повышения уровня экономической безопасности нашей страны выходит на повестку дня еще и в связи с многократным усилением внешнего давления, нарастанием внешних санкций, а также откровенно враждебных и вредительских действий в отношении России со стороны недружественных государств в течение последних лет. И эта тенденция, к сожалению, растет [1]. А перспективы стабилизации создавшейся внешнеэкономической ситуации являются крайне неопределенными на сегодняшний день.

Именно поэтому возникает острая необходимость в конструктивной переработке уже имеющегося в разработке нового инструментария обеспечения экономической безопасности как на общем социальном, так и на личностном уровне, дающего возможность быстро реагировать на меняющиеся условия жизнедеятельности.

Общество складывается из отдельно взятых личностей, а личность, в свою очередь, не может существовать вне этого общества. Одной из базовых потребностей человека является потребность в безопасности. Она значительно увеличивается при росте разного рода угроз (внешнеполитических, экономических и социальных). Изучение психологических аспектов экономической безопасности отражает степень выраженности тех факторов и условий, которые нарушают обычное состояние равновесия и базовой защищенности людей, могут нанести вред их личным интересам и устоявшемуся укладу жизнедеятельности.

Необходимо отметить психологическую обусловленность экономической безопасности как социального феномена. Социально-экономические институты воспроизводят потребности личности как общественные, так и личные. Человек по сути является одновременно и субъектом, и объектом любой системы безопасности, а также не только стратегическим ориентиром процесса экономического развития, но необходимым условием и фактором экономической безопасности общества и государства. Социальные ожидания людей по отношению к государству связаны с отсутствием угроз и обеспечением своей безопасной жизнедеятельности.

Настоящая непростая внешнеполитическая ситуация требует новой парадигмы поведения государства с ориентацией на человеческие аспекты сознания и создания новых современных форматов социально-экономических отношений. Одним из механизмов в этом может выступать интеграция развития и эффектив-

ное использование ресурсов с опорой на качество жизни и социальный капитал. В этой связи на первый план выходит необходимость стимулирования процесса формирования системы реализации социального тонуса.

За последнее время российское законодательство пополнилось множеством нормативных актов, которые так или иначе затрагивают проблемы безопасности¹. Экономическая безопасность страны во многом определяется безопасными условиями на местах. Своевременное выявление угроз, реагирование на них, профилактические мероприятия и нейтрализация деструктивных последствий очень важны на местах, на региональном уровне. Безопасность страны и ее граждан в целом складывается из грамотной работы всех субъектов государственного управления. Необходимостью является эффективное взаимодействие федеральной и региональной власти, совмещение стратегий и тактик глобализации и регионализации в разработке подходов в работе. При этом немаловажным необходимо считать и сотрудничество власти и общества, вовлечение не только государственных структур, но и частного бизнеса в разработку системы российской экономической безопасности.

Важно учитывать целый ряд факторов, подчас уникальных, связанных с уровнем развития территории, географическими особенностями, климатом, имеющимися природными ресурсами, численностью и составом населения, проживающим на этой территории, наличием инфраструктуры и т. д.

Государству принадлежит важная роль по наращиванию работы, призванной содействовать тесному взаимодействию между разными социальными группами и слоями общества, а также активации общественных связей и контактов как на вертикальном, так и на горизонтальном уровнях. Власть при этом реализует свою консолидирующую функцию. И современная ситуация с отсутствием стабильности, быстрыми социально-экономическими изменениями и характеризующаяся многочисленными внешними и внутренними вызовами, создает стрессогенные условия жизнедеятельности людей. Происходит обострение социальных конфликтов, нарушается привычный общественный порядок жизни. Чувствительность социальных проблем обостряется на фоне национальных особенностей и традиций, экономических источников и ресурсов разных групп населения, напрямую влияет на снижение социального капитала, и, как следствие, способствует понижению уровня экономической безопасности страны.

Человек, являющийся по сути центром любого общественного явления, независимо от его характера крайне уязвим и нуждается в обеспечении безопасных условий своей жизнедеятельности. Именно от него зависит в конечном итоге эффективность общественного развития. И чем сложнее складывается ситуация социально-экономического развития страны, тем в большей степени необходимо создание перспективных направлений построения новых социально-экономических отношений. При этом важным инструментом оздоровления последних и поддерживающих социальный статус населения страны является построение институциональной среды и стимулирование эффективного использования разного рода ресурсов государства, в том числе и общественных. Опасным явлением

¹ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 года № 208. URL: <http://www.consultant.ru/document/consdocLAW216629/> (дата обращения: 15.06.2023).

является попытка подмены реальной общественной деятельности и общественной активности ее имитацией, так как именно общественные форматы, непосредственно инициированные и созданные самими гражданами и группами населения, создают здоровую почву для стабилизации социальной ситуации и здоровые условия для преодоления внешних и внутренних угроз [4].

Необходимо всячески стимулировать и поддерживать создание и использование социальных ресурсов и социального капитала во всех областях жизнедеятельности общества и государства, расширять их, способствовать их распространению в разных форматах как на общегосударственном, так и на местном и региональном уровнях. Именно эти ресурсы являются той «несущей конструкцией», которая обеспечивает экономическую безопасность нашей страны.

Социальная обусловленность экономической безопасности как глобальной характеристики зависит от тех социальных процессов, которые происходят в обществе, и тех отношений, которые в нем складываются. Экономическая безопасность, детерминируется теми институтами, которые относятся к социально-экономической системе, но при этом воспроизводят те общественные и личные потребности, носителями которых является личность.

Именно поэтому личность становится не только стратегическим ориентиром экономического развития, но и необходимым его условием и фактором экономической безопасности государства, повышения устойчивости экономической системы российского общества на всех ее уровнях [5–8].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что экономическая безопасность личности тесно связана с государством, где она проживает. Человек и государство воздействуют друг на друга.

В настоящее время существует несколько направлений экономической безопасности личности:

1. Права, свободы всех граждан.
2. Защита личных данных.
3. Трудовая безопасность.

Отдельными направлениями также являются безопасность личности в области образования, культуры, а также медицинского обслуживания.

Следует отметить, что в нашем государстве обеспечивается экономическая безопасность личности. Для этого вырабатывается оптимальная стратегия, которая включает в себя характеристику существующих угроз, оценку состояния государственной экономики и ее соответствие существующим критериям безопасности личности. Кроме того, предпринимаются действия (административные, правовые, экономические) соответствующими институтами государственной власти. Далее они оценивают состояние выполнения созданных программ, а также контролируют состояние экономической защищенности личности.

Список источников

1. Уланова О. И. Специфика экономической безопасности государства // Сурский вестник. 2021. № 1 (13). С. 82–86.
2. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 года № 208. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (дата обращения: 01.07.2023).

3. Скобцова А. С. Вопросы оценки экономической безопасности государства // Санкт-Петербургский научный вестник. 2021. № 1 (10). С. 10–14.
4. Гуреева М. А. Экономическая безопасность государства. Противодействие спектру угроз — от материально-вещественных до информационно-цифровых. Москва, 2021. 2-е изд. 341 с.
5. Макарейко Н. В. Экономическая безопасность в системе национальной безопасности // На страже экономики. 2020. № 2 (13). С. 74–80.
6. Масальский М. Г., Андреев Г. О. Экономическая безопасность в современной системе международной экономической безопасности // Форум молодых ученых. 2020. № 10 (50). С. 428–432.
7. Осипова В. А. Информационная безопасность как элемент экономической безопасности // Вектор экономики. 2020. № 3 (45). С. 49–52.
8. Хоменко А. А. Экономическая безопасность как составляющая национальной безопасности // Наука через призму времени. 2020. № 4 (37). С. 78–81.

References

1. Ulanova O. I. Specifics of the economic security of the state. *Surskiy vestnik*. 2021, no. 1 (13), pp. 82–86. (In Russ.)
2. On the Economic Security Strategy of the Russian Federation for the period until 2030: decree of the President of the Russian Federation no. 208 of May 13, 2017. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629. (In Russ.)
3. Skobtsova A. S. Issues of assessing the economic security of the state. *St. Petersburg Scientific Bulletin*, 2021, no. 1 (10), pp. 10–14. (In Russ.)
4. Gureeva M. A. Economic security of the state. Countering the spectrum of threats — from material to informational and digital. Moscow, 2021. 2nd edition. 341 p. (In Russ.)
5. Makareiko N. V. Economic security in the national security system. *The Economy under Guard*, 2020, no. 2 (13), pp. 74–80. (In Russ.)
6. Masalsky M. G., Andreev G. O. Economic security in the modern system of international economic security. *Forum of young scientists*, 2020, no. 10 (50), pp. 428–432. (In Russ.)
7. Osipova V. A. Information security as an element of economic security. *Vector of Economics*, 2020, no. 3 (45), pp. 49–52. (In Russ.)
8. Khomenko A. A. Economic security as a component of national security. *Science through the prism of time*, 2020, no. 4 (37), pp. 78–81. (In Russ.)

Информация об авторах | Information about the authors

Н. Е. Серебровская — доктор психологических наук, профессор
N. E. Serebrovskaya — Doctor of Sciences (Psychology), Professor

М. П. Щербакова — кандидат социологических наук
M. P. Shcherbakova — Candidate of Sciences (Sociology)

Статья поступила в редакцию 15.05.2023, одобрена после рецензирования 25.08.2023, принята к публикации 15.09.2023.

The article was submitted 15.05.2023, approved after reviewing 25.08.2023, accepted for publication 15.09.2023.

Научная статья

УДК 330.354

<https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-68-77>

Структура доходов консолидированного бюджета Российской Федерации за 1991–2021 годы

Шумилин Олег Валентинович

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, oleg0410@mail.ru

Аннотация

Анализ экономической безопасности государства включает рассмотрение его бюджетных доходов, используемых при реализации социальных и экономических программ государства и защиты. Доходы бюджетов являются важнейшей частью системы обеспечения жизнедеятельности государства на всех уровнях государственного управления.

В статье приведен анализ источников информации о доходах консолидированного бюджета Российской Федерации, позволивших обеспечить сопоставимость данных за рассматриваемый исторический период, а также обнаружить несоответствие данных Росстата и Казначейства России. В статье представлены достоверные сопоставимые фактические данные о налоговых доходах, неналоговых доходах и безвозмездных поступлениях в консолидированный бюджет Российской Федерации за 1991–2021 годы. В работе одновременно с обычными расчетными показателями анализа временного ряда рекомендованы к использованию среднегодовые показатели оценки поступления доходов в консолидированный бюджет, что дает дополнительные возможности оценки количественных и качественных изменений доходной части бюджета Российской Федерации.

Ключевые слова: консолидированный бюджет, налоговые доходы, неналоговые доходы, безвозмездные поступления, временной ряд

Для цитирования

Шумилин О. В. Структура доходов консолидированного бюджета Российской Федерации за 1991–2021 годы // На страже экономики. 2023. № 3 (26). С. 68–77. <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-68-77>.

Original article

Structure of revenues of the consolidated budget of the Russian Federation for 1991–2021

Oleg V. Shumilin

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, oleg0410@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9193-7928>

Abstract

Analysis of the economic security of the state includes consideration of its budget revenues used in the implementation of social and economic programs of the state and protection. Budget revenues are the most important part of the state life support system at all levels of government.

The article provides a list of activities, including the analysis of sources of information on the income of the consolidated budget of the Russian Federation, which made it possible to ensure the comparability of data for the historical period under consideration, as well as to detect a discrepancy between the data of Rosstat and the Treasury of Russia.

The article presents reliable comparable actual data on tax revenues, non-tax revenues and gratuitous receipts to the consolidated budget of the Russian Federation for 1991–2021. In the work, along with the usual calculated indicators of the analysis of the time series, the average annual indicators for assessing the receipt of income in the consolidated budget are recommended for use, which provides additional opportunities for assessing quantitative and qualitative changes in the revenue part of the budget of the Russian Federation.

Keywords: consolidated budget, consolidated budget, tax revenues, non-tax revenues, gratuitous receipts, time series

For citation

Shumilin O. V. The structure of revenues of the consolidated budget of the Russian Federation for 1991–2021. *The Economy under Guard*, 2023, no. 3 (26), pp. 68–77. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-68-77>.

Доходы бюджета — это поступающие в бюджет денежные средства, за исключением средств, являющихся в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации (далее — БК РФ) источниками финансирования дефицита бюджета [1, с. 21].

В статье 20 БК РФ установлены группы доходов бюджетов, которыми являются налоговые и неналоговые доходы и безвозмездные поступления [2]. Причем состав налоговых и неналоговых доходов не конкретизируется.

Автор отнес к налоговым доходам следующие подгруппы доходов бюджета: налоги на прибыль, доходы; налоги на товары (работы, услуги), реализуемые на территории Российской Федерации; налоги на товары, ввозимые на территорию Российской Федерации; налоги на совокупный доход; налоги на имущество; налоги, сборы и регулярные платежи за пользование природными ресурсами; государственная пошлина; задолженность и перерасчеты по отмененным налогам, сборам и иным обязательным платежам. Отметим, что государственная пошлина, являясь по своей сути сбором, в соответствии со статьей 41 БК РФ [2] относится к налоговым доходам бюджета [3, с. 272].

Из неналоговых доходов бюджетов выделим две подгруппы: страховые взносы на обязательное социальное страхование и доходы от внешнеэкономической деятельности [2]. Приведенная классификация групп доходов бюджетов необходима для понимания дальнейших действий автора по формированию временного ряда доходов консолидированного бюджета Российской Федерации.

Рассмотрение любого социально-экономического явления предполагает наличие системы показателей, раскрывающих суть рассматриваемого события. Расчеты реальных соотношений групп консолидированного бюджета государ-

ства и их доли в их общей сумме позволяют уточнить старые и выявить новые пути совершенствования финансовой системы страны.

Анализ поступлений доходов в консолидированный бюджет Российской Федерации в динамике невозможен без достоверной информационной базы, размещаемой, как правило, в виде временных рядов. Напомним, что статистический временной ряд представляет собой последовательность числовых значений статистического показателя, упорядоченных по времени [4, с. 93].

Рассмотрение налоговых доходов, являющейся основной частью консолидированного бюджета государства, в динамике с использованием анализа временных рядов постоянно привлекает внимание исследователей. Как правило, работы, посвященные анализу доходов консолидированного бюджета, в том числе и налоговых доходов, проводят оценку поступлений в бюджет Российской Федерации, ограничиваясь каким-либо небольшим отрезком времени. Так, С. В. Курышева рассматривает налоговые доходы за 2005–2012 годы [5], А. Д. Васильченко приводит анализ налоговых поступлений в консолидированный бюджет Российской Федерации за 2006–2018 годы [6]. В диссертационных исследованиях также, как правило, рассматриваются отдельные временные промежутки поступления налоговых доходов в бюджет государства. Например, Е. В. Астафьева проводит анализ структуры налоговых поступлений в 1999–2003 годы [7], Е. К. Батырова ограничивается периодом 2011–2019 годов [8].

Оценка временных рядов доходов консолидированного бюджета в длительной динамике к настоящему времени не нашла своего отражения в научных исследованиях. Одной из причин такого положения дел является отсутствие сопоставимых данных о доходах консолидированного бюджета Российской Федерации.

Целью данной работы является сформировать и дать краткую оценку изменений временных рядов структуры доходов консолидированного бюджета Российской Федерации за 1991–2021 годы.

Для достижения поставленной цели будут решены следующие задачи: выявлены источники информации по основным группам консолидированного бюджета Российской Федерации, предъявлены сопоставимые данные по группам доходов консолидированного бюджета, представлены краткие результаты аналитических расчетов сформированного временного ряда.

Объект исследования — национальная экономика Российской Федерации.
Предмет исследования — показатели поступления доходов консолидированного бюджета Российской Федерации, являющихся важнейшими характеристиками экономической безопасности государства.

Источники информации о доходах консолидированного бюджета Российской Федерации — сайт Росстата Электронная версия приложения к «Российскому статистическому ежегоднику» «Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2021 гг.» [9] (кроме 2005 г.). В «Российском статистическом ежегоднике 2008 года» (с. 537) и в электронной версии приложения к «Российскому статистическому ежегоднику» «Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2021 гг.» [9] доход консолидированного бюджета за 2005 год обозначен в объеме 8 579 637 млн. рублей, в «Отчете об ис-

полнении консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов» Казначейства России — 9 695 841 млн рублей [11]. В выпусках Российского статистического ежегодника в разделе «Государственные финансы» помещается ссылка о том, что данные представлены Федеральным казначейством [12, с. 509 (2014), с. 537 (2015)]. В связи с вышеизложенным автором было принято решение использовать данные за 2005 год, размещенные на сайте Казначейства России.

Единого источника данных о налоговых и неналоговых доходах и безвозмездных поступлениях с 1991 года автором не обнаружено. Автор отобрал заслуживающие доверия и максимально полно раскрывающие структуру поступлений в консолидированный бюджет Российской Федерации источники информации, а именно, статистические сборники Росстата и официальный сайт Казначейством России. Представленные далее временные ряды групп консолидированного бюджета Российской Федерации построены в соответствии со статьями 20 и 41 БК РФ [2].

В целях достижения поставленной цели работы, формирования временного ряда групп консолидированного бюджета Российской Федерации, классификацию доходов консолидированного бюджета Российской Федерации по наличию исходной информации можно условно разделить на три временных этапа. Первый этап с 1991 по 1994 год, время становления налогово-бюджетной системы государства. Второй этап, с 1995 по 2002 год, выделение в статистических изданиях отдельной строкой налоговых доходов. Третий этап, с 2003 года по настоящее время, публикации Казначейством России «Отчетов об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов» с подробной расшифровкой статей доходов.

Основной проблемой формирования временных рядов поступлений в бюджет страны — это обеспечение сопоставимости уровней рассматриваемого показателя [13, с. 100]. В нашем случае несопоставимость временного ряда связана с отнесением различных статей бюджетной классификации к налоговым или неналоговым доходам консолидированного бюджета в различные периоды времени.

Источником данных о доходах консолидированного бюджета Российской Федерации за 1991–1994 годы послужил «Российский статистический ежегодник 2002 года» [14, с. 531]. Данные из ежегодника были распределены следующим образом:

— за 1991 год к налоговым доходам отнесены: налог с оборота, государственные налоги из прибыли и налог на прибыль; к неналоговым доходам отнесены: доходы от внешнеэкономической деятельности и прочие доходы;

— за 1992–1994 годы к налоговым доходам отнесены: налог на прибыль, налог на добавленную стоимость, подоходный налог с физических лиц, акцизы, платежи за пользование недрами и природными ресурсами и отчисления в бюджет на покрытие затрат по геологоразведочным работам по полезным ископаемым; к неналоговым доходам отнесены: доходы от внешнеэкономической деятельности, от приватизации и прочие доходы.

Информация о группах консолидированного бюджета Российской Федерации за 1995–2002 годы заимствована из «Российского статистического ежегодника

2008 года» [15, с. 637]. С 1995 по 2002 год к налоговым доходам относили налоги на внешнюю торговлю и внешнеэкономические операции, что соответствовало нормативной правовой базе того времени. Налоговые доходы были определены как разность между налоговыми доходами и налогами на внешнюю торговлю и внешнеэкономические операции. Неналоговые доходы были определены как разность между доходами консолидированного бюджета и суммой налоговых доходов и безвозмездных платежей.

За период с 2003 года по настоящее время источником информации о доходах консолидированного бюджета служат публикации «Отчетов об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов» Казначейства России, где представлена подробная расшифровка статей доходов. В отчетах Казначейства России отдельно налоговые и неналоговые доходы не представлены. Автор разделил налоговые и неналоговые доходы из отчетов Казначейства России в соответствии с упомянутыми выше статьями 20 и 41 БК РФ [2].

Анализ нормативных правовых актов и приведенных выше источников данных позволил сформировать сопоставимые достоверные временные ряды по налоговым доходам, неналоговым доходам и безвозмездным поступлениям консолидированного бюджета Российской Федерации за 1991–2021 годы. Сводные данные о группах доходов консолидированного бюджета Российской Федерации за 1991–2021 годы представлены в таблице 1.

Как правило, после размещения фактических данных о каком-либо социально-экономическом показателе приводятся данные об абсолютных изменениях и темпах роста (прироста) изучаемого явления. В данной работе такие данные не приводятся, так как они, по нашему мнению, для рассматриваемого показателя малоинформативны. В таблице 2 представлены показатели структуры налоговых доходов, неналоговых доходов и безвозмездных поступлений в доходах консолидированного бюджета Российской Федерации за 1991–2021 годы.

Более отчетливую оценку изменений поступлений в консолидированный бюджет Российской Федерации получим, используя значения средних темпов роста. В таблице 3 показаны результаты расчетов средних темпов роста (применена средняя геометрическая) групп консолидированного бюджета Российской Федерации.

Отметим, что с 2006 года среднегодовые темпы роста находятся приблизительно на одном уровне. Заметим, что до 2011 года среднегодовые темпы роста неналоговых доходов были ненамного выше налоговых доходов, а после 2011 года наблюдается преимущественный рост налоговых доходов.

Предложенный длительный временной ряд доходов консолидированного бюджета Российской Федерации и его групп: налоговых и неналоговых доходов и безвозмездных поступлений в консолидированный бюджет Российской Федерации дает возможность всесторонне рассмотреть структуру доходов бюджета.

Считаем, что при анализе длительных временных рядов целесообразно использовать показатели среднегодовых значений темпов роста (прироста), являющихся хорошим индикатором изменений временного ряда за рассматриваемый промежуток времени.

Таблица 1

**Доходы консолидированного бюджета Российской Федерации
за 1991–2021 (млрд рублей; 1992–1997, трлн рублей)**

Table 1

**Revenues of the consolidated budget of the Russian Federation
for 1991-2021 (billion rubles; 1992–1997, trillion rubles)**

Год	Консолидированный бюджет Российской Федерации	В том числе:		
		Налоговые доходы	Неналоговые доходы	Безвозмездные поступления
1991	310,0	205,2	104,8	
1992	5,3	4,5	0,9	
1993	49,7	35,6	14,1	
1994	172,4	116,2	56,2	
1995	437,0	339,4	94,9	2,7
1996	558,5	450,2	104,8	3,5
1997	711,6	566,9	135,2	9,5
1998	686,8	530,2	146,4	10,2
1999	1 213,6	921,3	277,2	15,1
2000	2 097,7	1 478,4	618,1	1,2
2001	2 683,7	2 013,7	685,0	-15,0
2002	3 519,2	2 813,4	762,5	-56,7
2003	4 138,7	2 917,9	1 312,1	-91,2
2004	5 429,9	3 640,1	1 940,2	-150,4
2005	9 695,8	4 923,3	3 445,1	1 327,4
2006	10 625,8	6 055,4	4 548,8	21,6
2007	13 368,3	7 867,7	5 482,4	18,2
2008	16 169,1	9 137,0	6 957,8	74,3
2009	13 599,7	7 206,6	6 260,8	132,4
2010	16 031,9	8 971,3	6 946,5	114,1
2011	20 855,4	11 280,1	9 422,0	153,2
2012	23 435,1	12 655,3	10 687,8	92,1
2013	24 442,7	13 032,5	11 297,2	113,0
2014	26 766,1	14 414,9	12 217,0	134,2
2015	26 922,0	15 517,0	11 300,0	105,0
2016	28 181,5	16 308,9	11 749,8	122,8
2017	31 046,7	19 277,6	11 670,2	98,8
2018	37 320,3	23 602,0	13 591,7	126,7
2019	39 497,6	25 320,9	14 019,3	157,4
2020	38 205,7	23 633,3	13 145,8	1 426,6
2021	48 118,4	31 795,4	15 850,7	472,3

Таблица 2

**Структура доходов консолидированного бюджета Российской Федерации
за 1991–2021 годы (в %) ***

Table 2

**Structure of revenues of the consolidated budget of the Russian Federation
for 1991–2021 (%)**

Год	Консолидированной бюджет Российской Федерации	В том числе:		
		Налоговые доходы	Неналоговые доходы	Безвозмездные поступления
1991	100,0	66,2	33,8	х
1992	100,0	83,7	16,3	х
1993	100,0	71,7	28,3	х
1994	100,0	67,4	32,6	х
1995	100,0	77,7	21,7	0,6
1996	100,0	80,6	18,8	0,6
1997	100,0	79,7	19,0	1,3
1998	100,0	77,2	21,3	1,5
1999	100,0	75,9	22,8	1,2
2000	100,0	70,5	29,5	0,1
2001	100,0	75,0	25,5	-0,6
2002	100,0	79,9	21,7	-1,6
2003	100,0	70,5	31,7	-2,2
2004	100,0	67,0	35,7	-2,8
2005	100,0	50,8	35,5	13,7
2006	100,0	57,0	42,8	0,2
2007	100,0	58,9	41,0	0,1
2008	100,0	56,5	43,0	0,5
2009	100,0	53,0	46,0	1,0
2010	100,0	56,0	43,3	0,7
2011	100,0	54,1	45,2	0,7
2012	100,0	54,0	45,6	0,4
2013	100,0	53,3	46,2	0,5
2014	100,0	53,9	45,6	0,5
2015	100,0	57,6	42,0	0,4
2016	100,0	57,9	41,7	0,4
2017	100,0	62,1	37,6	0,3
2018	100,0	63,2	36,4	0,3
2019	100,0	64,1	35,5	0,4
2020	100,0	61,9	34,4	3,7
2021	100,0	66,1	32,9	1,0

* Расчеты произведены автором по состоянию на 7 марта 2023 года.

Таблица 3

Средние темпы роста Российской Федерации за 1991–2021 годы (в %)

Table 3

Average growth rates of the Russian Federation for 1991–2021 (%)

Годы	Среднегодовые темпы роста, в %		
	Доходы консолидированного бюджета Российской Федерации	Налоговые доходы	Неналоговые доходы
По пятилетиям			
1993–1995	434,5	423,8	477,8
1996–2000	136,9	134,2	145,5
2001–2005	135,8	127,2	141,0
2006–2010	110,6	112,8	115,1
2011–2015	110,9	111,6	110,2
2016–2020	107,3	108,8	103,1
2016–2021	110,2	112,7	105,8
По десятилетиям			
1993–2000	211,1	206,6	227,2
2001–2010	122,6	119,8	127,4
2011–2020	109,1	110,2	106,6
2011–2021	110,5	112,2	107,8
По историко-экономическим периодам			
1993–1996	320,0	317,0	331,3
1997–2008	132,4	128,5	141,9
2009–2018	108,7	110,0	106,9
2019–2021	108,8	110,4	105,3
По историческим основаниям			
1993–1999	217,2	223,6	209,5
2000–2021	118,2	117,5	120,2
Итого:			
1993–2021	136,9	135,8	140,3

Список источников

1. Финансы России. 2022: статистический сборник. Росстат. Москва, 2022. 392 с.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 года № 145-ФЗ. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 19.04.2023).
3. Егорова Т. В. Место государственной пошлины в системе налогов и сборов Российской Федерации // Вестник ТГУ. Вып. 11 (91), 2010. С. 271–280.
4. Квитчук М. А., Шумилин О. В. Теория статистики: учебное пособие. Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017. 139 с.
5. Курьшева С. В. Налоговые доходы России в 2005–2012 гг. // Аудиторские ведомости. 2014. № 5. С. 74–78.
6. Васильченко А. Д. Налоговые поступления в бюджетную систему России: статистическая оценка и меры по мобилизации // Налоги и налогообложение. 2019. № 5. с. 45–57.

7. Астафьева Е. В. Статистический анализ динамики налоговых поступлений: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Москва, 2004. 23 с.
8. Батырова Д. К. Статистическая оценка перспектив налоговых поступлений в бюджет России: дис. ... канд. эконом. наук. Санкт-Петербург, 2020. 231 с.
9. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13396> (дата обращения: 21.02.2023).
10. Российский статистический ежегодник. 2015: статистический сборник. Росстат. Москва, 2015. 728 с.
11. Официальный сайт Казначейства России. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannyj-byudzheth/> (дата обращения: 04.03.2023).
12. Российский статистический ежегодник. 2014: статистический сборник. Росстат. Москва, 2014. 693 с.; Российский статистический ежегодник. 2015: статистический сборник. Росстат. Москва, 2015. 728 с.
13. Статистика финансов: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Статистика» / под ред. М. Г. Назарова. 3-е изд., испр. Москва: Омега-Л, 2007. 460 с.
14. Российский статистический ежегодник. 2002: статистический сборник. Госкомстат России. Москва, 2002. 690 с.
15. Российский статистический ежегодник. 2008: статистический сборник. Росстат. Москва, 2008. 847 с.

References

1. Finances of Russia. 2022: statistical collection Rosstat. Moscow, 2022. 392 p. (In Russ.)
2. Budget Code of the Russian Federation no. 145-FZ of July 31, 1998. Access from the reference legal system "Garant" (accessed 19.04.2023). (In Russ.)
3. Egorova T. V. The place of the state duty in the system of taxes and fees of the Russian Federation. *Bulletin of TSU*, 2010, issue 11 (91), pp. 271–280. (In Russ.)
4. Kvitchuk M. A., Shumilin O. V. Theory of statistics: textbook. Saint Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2017. 139 p. (In Russ.)
5. Kuryshcheva S. V. Tax revenues of Russia in 2005–2012. *Auditor's sheet*, 2014, no. 5, pp. 74–78. (In Russ.)
6. Vasilchenko A. D. Tax revenues in the Russian budget system: statistical assessment and mobilization measures. *Taxes and taxation*, 2019, no. 5, pp. 45–57. (In Russ.)
7. Astafieva E. V. Statistical analysis of the dynamics of tax revenues. Author's abstract... candidate of economic sciences. Moscow, 2004. 23 p. (In Russ.)
8. Batoryova D. K. Statistical assessment of the prospects for tax revenues to the budget of Russia. Dissertation... candidate of economic sciences. Saint Petersburg, 2020. 231 p. (In Russ.)
9. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13396> (accessed 21.02.2023). (In Russ.)
10. Russian statistical yearbook. 2015: statistical collection. Rosstat. Moscow, 2015. 728 p.
11. Official website of the Russian Treasury. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannyj-byudzheth/> (accessed 04.03.2023). (In Russ.)
12. Russian Statistical Yearbook. 2014: statistical collection. Rosstat. Moscow, 2014. 693 p.; Russian statistical yearbook. 2015: statistical collection. Rosstat. Moscow, 2015. 728 p. (In Russ.)

13. Finance statistics: textbook. for university students studying in the specialty “Statistics” / ed. by M. G. Nazarova. 3rd ed., rev. Moscow: Omega-L Publ., 2007. 460 p. (In Russ.)
14. Russian Statistical Yearbook. 2002: statistical collection. Goskomstat. Russia. Moscow, 2002. 690 p. (In Russ.)
15. Russian Statistical Yearbook. 2008: statistical collection / Rosstat. Moscow, 2008. 847 p. (In Russ.)

Информация об авторе | Information about the author

О. В. Шумилин — кандидат экономических наук, доцент

O. V. Shumilin — Candidate of Sciences (Economy), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 22.05.2023, одобрена после рецензирования 25.08.2023, принята к публикации 15.09.2023.

The article was submitted 22.05.2023, approved after reviewing 25.08.2023, accepted for publication 15.09.2023.

Научная статья

УДК 331.5

<https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-78-90>

Аналитический обзор структуры и динамики занятости в неформальном секторе

Алымова Анна Сергеевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, alymova.anuta@yandex.ru

Аннотация

Масштаб неформального сектора увеличивается с каждым годом. На сегодняшний день в нем задействовано более 14,5 миллионов человек. Легализация трудовых отношений выдвинута в качестве задачи, решение которой направлено на повышение национальной безопасности России. Для разработки наиболее эффективных мер по снижению уровня неформальной занятости необходимо иметь представление о ее структуре и тенденциях ее изменений. В статье рассматривается распределение долей, задействованных в неформальном секторе в зависимости от демографических признаков, уровня образования, статуса, основных видов деятельности и географического положения. Анализ предоставленных Росстатом данных позволяет сделать вывод о том, что около трети неформально занятых относятся к молодежи (не старше 34 лет). Более половины работающих в этом секторе мужчин составляют именно эту возрастную группу. Пенсионеры и предпенсионеры больше представлены женщинами. С каждым годом в структуре неформального сектора увеличивается доля лиц, имеющих высшее и среднее профессиональное образование. Подавляющее большинство лиц, задействованных в исследуемом секторе (94 %), рассматривают работу в нем как единственный источник дохода. Кроме того, ежегодно увеличивается число работающих по найму и снижается количество самозанятых. Около 80 % всех работников неформального сектора заняты в 5 сферах (обрабатывающие производства, сельское хозяйство, строительство, торговля, транспортировка и хранение). Отмечается несоответствие удельного веса отдельных отраслей в структуре неформального и формального сектора. Наконец, регионы России сильно разнятся по доле неформально занятых в общей структуре занятости. Так, Северо-Кавказский федеральный округ опережает Центральный федеральный округ в три раза по этому показателю.

Ключевые слова: неформальный сектор, структура неформального сектора, неформальная занятость

Для цитирования

Алымова А. С. Аналитический обзор структуры и динамики занятости в неформальном секторе // На страже экономики. 2023. № 3 (26). С. 78–90. <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-78-90>.

Original article

Analytical review of the structure and dynamics of employment in the informal sector

Anna S. Alymova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod,
Russian Federation, alymova.anuta@yandex.ru

Abstract

The scale of the informal sector is increasing every year. To date, more than 14.5 million people have been involved in it. The legalization of labor relations is put forward as a task, the solution of which is aimed at improving the national security of Russia. To develop the most effective measures to reduce the level of informal employment, it is necessary to have an idea of its structure and trends of its changes. The article examines the distribution of the shares of those involved in the informal sector depending on demographic characteristics, level of education, status, main activities and geographical location. An analysis of the data provided by Rosstat allows us to conclude that about a third of the informally employed are young people (no older than 34 years). More than half of the men working in this sector make up this age group. Pensioners and pre-retirees are more represented by women. The share of people with higher and secondary vocational education in the structure of the informal sector is increasing every year. The vast majority of people involved in the sector under study (94 %) consider working in it as the only source of income. In addition, the number of employees increases annually and the number of self-employed decreases. About 80 % of all workers in the informal sector are employed in 5 areas (manufacturing, agriculture, construction, trade, transportation and storage). There is a discrepancy between the specific weight of individual industries in the structure of the informal and formal sectors. Finally, the regions of Russia vary greatly in the share of informally employed in the overall employment structure. Thus, the North Caucasus Federal District is three times ahead of the Central Federal District in this indicator.

Keywords: informal sector, structure of the informal sector, informal employment

For citation

Alymova A. S. Analytical review of the structure and dynamics of employment in the informal sector. *The Economy under Guard*, 2023, no. 3 (26), pp. 78–90. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-78-90>.

Федеральная служба государственной статистики (далее — Росстат) в ежегодных статистических отчетах публикует сведения о состоянии рынка труда. Занятости в неформальном секторе посвящен третий раздел статистического сборника «Рабочая сила, занятость и безработица в России». Отсутствие государственной регистрации в качестве юридического лица принято ведомством в качестве критерия отнесения субъекта к единице неформального сектора. В предоставляемой Росстатом статистике в неформальный сектор входят следующие категории лиц [1, с. 88] (рис. 1).

На протяжении 20 лет наблюдается неуклонный рост количества занятых в неформальном секторе. С 2001 года его масштаб увеличился практически в два раза (табл. 1).

индивидуальные предприниматели
лица, работающие по найму у индивидуальных предпринимателей и физических лиц
помогающие члены семьи в собственном деле, принадлежащем кому-либо из родственников
работающие на индивидуальной основе, без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя
занятые в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского хозяйства, лесного хозяйства, охоты и рыболовства для продажи или обмена

Рис. 1. Перечень лиц, входящих в неформальный сектор в соответствии с методологией Росстата
Fig. 1. List of persons entering the informal sector in accordance with Rosstat methodology

Таблица 1

Количество лиц, занятых в неформальном секторе

Table 1

Number of persons employed in the informal sector

Год	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Численность (тыс. человек)	8 155	8 600	10 637	10 787	12 092	11 667	12 080
Год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Численность (тыс. человек)	13 837	13 382	11 482	12 922	13 600	14 096	14 387
Год	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Численность (тыс. человек)	14 827	15 370	14 324	14 581	14 800	14 122	14 571

С 2001 по 2008 год происходил постоянный рост (исключение составляет только 2006 г.) количества лиц, занятых в неформальном секторе, прирост составил 69,7 %. После этого в течение двух лет рассматриваемый показатель снизился до состояния, близкого к 2006 году. Количество зарегистрированных, неформально занятых приблизилось к отметке 2008 года только в 2012 году, после чего ни разу не опускалось ниже. Наибольшее значение рассматриваемого показателя зафиксировано в 2016 году, когда в неформальном секторе было выявлено более 15 миллионов человек. Прирост к 2001 году составил 88,5 %, а к кризисному 2008 году — 11 %. Несмотря на то, что рекорд 2016 года по количеству занятых в неформальном секторе до сих пор не обновлен, статистические данные свидетельствуют об увеличении этого показателя. Хотя рассматриваемый показатель в 2021 году по сравнению с

2016 годом снизился на 5,2 %, прирост относительно базового 2001 года составил 78,7 %.

Отметим, что неформальный сектор по-разному реагирует на кризисы. Если после 2008 года произошел значительный отток работников из него, то после 2014 года в течение всего 2 лет численность учтенных неформально занятых увеличилась на 2 миллиона человек. Этот факт имеет особенно важное значение ввиду новой волны принятия пакетов санкций в отношении России.

Представленное количество задействованных в неформальном секторе включает в себя и индивидуальных предпринимателей. Их деятельность носит законный характер. Не нарушены процедуры регистрации, постановки на учет, исполняются обязанности по уплате налогов, сборов и других обязательных платежей. Деятельность индивидуальных предпринимателей является подотчетной и подконтрольной. Многие авторы, в том числе Э. Черси [2, с. 101], полагают, что неформально занятые преследуют законные цели, но достигают их нелегальными или полунелегальными средствами. Иными словами, их целью является изготовление или оборот разрешенных товаров, а также оказание не запрещенных услуг, однако деятельность связана с частичным нарушением закона (уклонение от уплаты налогов, неофициальный найм работников и т. д.). Мы разделяем эту точку зрения. Поэтому интерес представляет рассмотрение доли именно этой категории занятых в неформальном секторе (табл. 2).

Таблица 2

**Доля индивидуальных предпринимателей
в структуре неформального сектора**

Table 2

Share of individual entrepreneurs in the structure of the informal sector

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Количество ИП, тыс.	2 332	2 782	3 066	3 460	3 762	3 968	4 086	4 071	3 984
Доля ИП в неформальном секторе, %	21,6	23,0	26,3	28,6	27,2	29,7	35,6	31,5	29,3

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Количество ИП, тыс.	3 477	3 538	3 633	3 723	3 837	3 973	4 047	3 702	3 622
Доля ИП в неформальном секторе, %	24,7	24,6	24,5	24,2	26,8	27,2	27,3	26,2	24,9

Полученные результаты свидетельствуют о том, что количество индивидуальных предпринимателей меняется независимо от изменений масштаба неформального сектора. Так, в 2010 году было зарегистрировано максимальное число индивидуальных предпринимателей, в то время как неформальный сектор продолжал сокращаться. К 2021 году прирост количества индивидуальных

предпринимателей по отношению к значению 2010 года составил — 11 %, а прирост количества занятых в неформальном секторе составил 26 %.

Изучение демографической структуры неформального сектора показывает преобладание в нем мужчин. Подобным образом ситуация складывается и в общей структуре рабочей силы. Однако соотношение мужчин и женщин в формальном и неформальном секторах разное. Так, в составе рабочей силы 51,4 % мужчин и 48,6 % женщин. В неформальном же секторе доля мужчин составляет 55,2 %, а женщин — 44,8 %. Абсолютный прирост мужчин также превышает абсолютный прирост женщин в рассматриваемом секторе.

Возрастная структура неформального сектора представлена в виде круговой диаграммы (рис. 2).

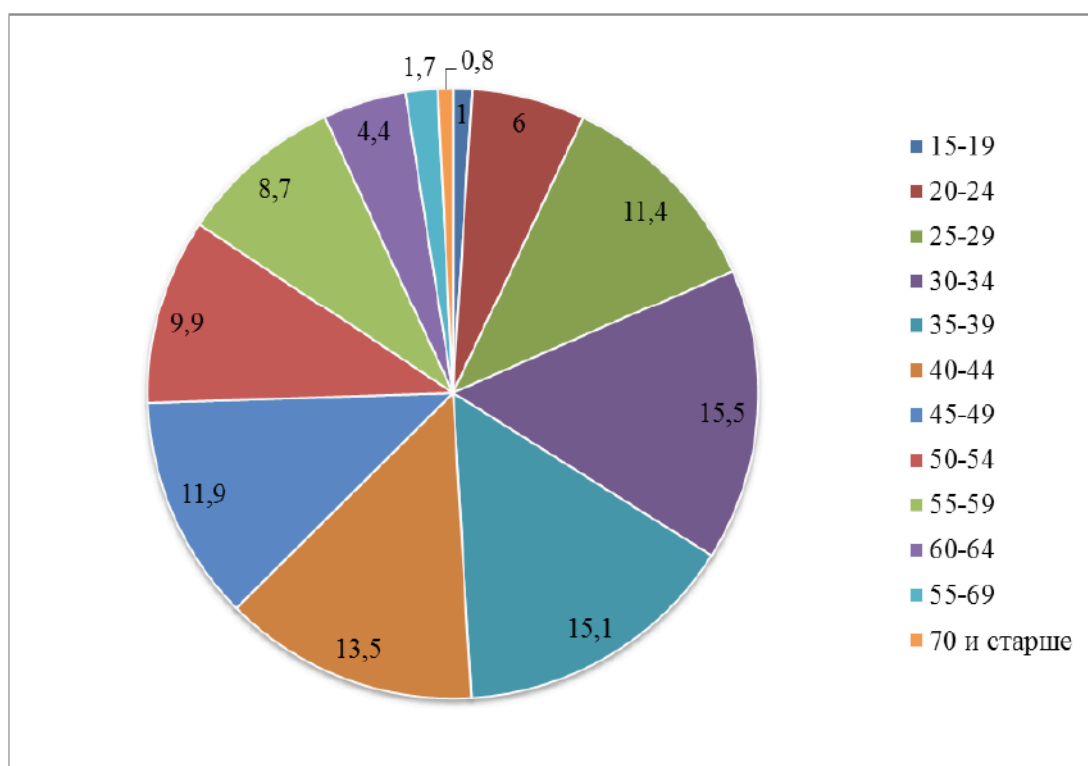

Рис. 2. Доля лиц разных возрастных групп в неформальном секторе, %
Fig. 2. The share of people of different age groups in the informal sector, %

Из представленных данных видно, что около трети занятых в неформальном секторе составляют молодые люди (лица в возрасте от 15 до 34 лет). При этом самой многочисленной является группа лиц в возрасте 30–34 года. Закономерным будет предположение о том, что лица, вошедшие в неформальный сектор в подростковом возрасте, студенческие годы или сразу после выпуска из учебного заведения, остаются работать в нем и дальше, игнорируя сферу официально оформленных трудовых отношений или зарегистрированного предпринимательства. Каждая следующая возрастная группа составляет меньшую долю в структуре, чем предыдущая.

Практически каждый второй подросток (группа 15–19 лет) занят в неформальном секторе. Их удельный вес в общей численности занятых составляет

45,8 %, что более чем вдвое превышает удельный вес неформально занятых в каждой из возрастных групп от 25 до 69 лет. Во многом это объясняется законодательными ограничениями по трудоустройству несовершеннолетних. Второй по этому показателю выступает группа старше 70 лет. Порядка 40 % лиц указанного возраста заняты в неформальном секторе. Такая ситуация складывается в результате стремления самих пенсионеров найти возможность для заработка в компаниях с гибким графиком, меньшей степенью ответственности с одной стороны и мотивацией работодателей сокращать в своем штате количество лиц пожилого возраста.

Старшее поколение в большей степени представлено женщинами. Больше половины неформально занятых мужчин относятся к молодежи, в то время как большая часть женщин в этом секторе — старше 35 лет. Абсолютные же числа демонстрируют перевес женщин в структуре возрастных групп старше 65 лет. В первую очередь это объясняется большей продолжительностью жизни.

Говоря о структуре неформального сектора, стоит обратить внимание на образовании его участников (табл. 3). На протяжении всего рассматриваемого периода наблюдается тенденция к повышению его уровня. Так, с 2009 по 2021 год на 0,5 % снизилось количество лиц, не имеющих основного общего образования, на 0,9 % — имеющих основное общее и на 6,2 % — имеющих среднее общее образование.

Таблица 3

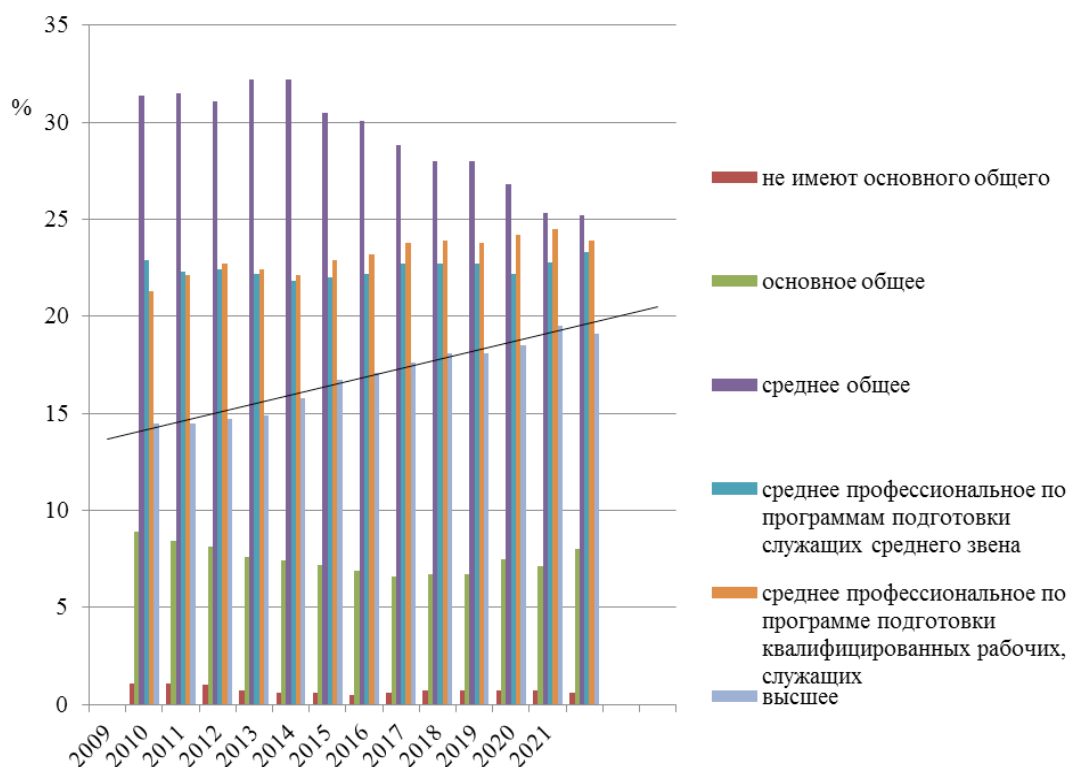
Уровень образования лиц, занятых в неформальном секторе

Table 3

Level of education of persons employed in the informal sector

год	Уровень образования					
	не имеют основного общего	основное общее	среднее общее	среднее профессиональное по программам подготовки служащих среднего звена	среднее профессиональное по программе подготовки квалифицированных рабочих, служащих	высшее
2009	1,1	8,9	31,4	22,9	21,3	14,5
2010	1,1	8,4	31,5	22,3	22,1	14,5
2011	1	8,1	31,1	22,4	22,7	14,7
2012	0,7	7,6	32,2	22,2	22,4	14,9
2013	0,6	7,4	32,2	21,8	22,1	15,8
2014	0,6	7,2	30,5	22	22,9	16,7
2015	0,5	6,9	30,1	22,2	23,2	17,1
2016	0,6	6,6	28,8	22,7	23,8	17,6
2017	0,7	6,7	28	22,7	23,9	18,1
2018	0,7	6,7	28	22,7	23,8	18,1
2019	0,7	7,5	26,8	22,2	24,2	18,5
2020	0,7	7,1	25,3	22,8	24,5	19,5
2021	0,6	8	25,2	23,3	23,9	19,1

Значительно выросли доли лиц, получивших среднее профессиональное и высшее образование. Теперь каждый пятый неформально занятый закончил вуз. Предполагается, что доля лиц с высшим образованием в структуре неформального сектора продолжит расти (рис. 3).

Рис. 3. Динамика изменения долей лиц с разным уровнем образования в структуре неформальной занятости

Fig. 3. Dynamics of changes in the shares of persons with different levels of education in the structure of informal employment

Таким образом, рассматриваемый сектор ежегодно наполняется высококвалифицированными работниками, которые не идут в формальные компании. Это свидетельствует о росте привлекательности неформальной занятости не только для лиц, которым в силу отсутствия необходимых знаний и навыков, а также уровня образования затруднен вход в формальный сектор, но и для так называемых качественных кадров.

Неформальная занятость может быть нескольких типов:

- 1) только в неформальном секторе;
- 2) совмещение работы в формальном и неформальном секторе. При этом занятость в последнем может быть основной или дополнительной работой.

Наибольшее число лиц, задействованных в неформальном секторе, рассматривают его как единственный источник дохода. Их доля составляет 94 %. О росте привлекательности неформальной занятости в качестве единственного источника дохода говорит рост указанного показателя на 5 % за последние 10 лет. Определенные изменения произошли и в соотношении долей лиц, совмещающих трудовую деятельность в обоих секторах. Так, в 2011 году коли-

чество лиц с дополнительной работой в 78 раз превышало количество лиц, для которых занятость в неформальном секторе является основной работой (при совмещении с работой в формальном секторе). Спустя 10 лет численность первых превышает численность вторых в 34 раза. При этом оба показателя снизились. Доля тех, кто занят в неформальном секторе в качестве основной работы, а дополнительный доход получает в формальном секторе, составляет всего 0,1 %.

Интересным представляется соотношение неформально нанятых и неформально самозанятых. Социологи утверждают, что самозанятые склонны оценивать свой статус выше, чем статус нанятых (в том числе в фирму формального сектора). Объясняется это наличием субъективной власти, более высоким уровнем благосостояния, уверенности в будущем [3, с. 189–191]. Оценивая перспективы развития, исследователи приходят к выводу о том, что неформально самозанятые представляют собой «предпринимательский резерв», а нанятые в неформальном секторе — «убежище маргиналов» [4, с. 70]. И так, в 2011 году соотношение этих категорий занятых было практически равным (52,2 % самозанятых против 47,8 % нанятых). Теперь удельный вес «предпринимательского резерва» составляет лишь 36,5 %, тогда как «убежище маргиналов» выросло до 63,5 %. Тренд таких изменений прослеживается и в формальном секторе.

Наконец рассмотрим структуру неформального сектора по сферам деятельности (табл. 4). В 2010 году 87,9 % занятых в неформальном секторе были задействованы в 5 из 18 сферах. Эти направления деятельности в таблице выделены цветом (красным — самые популярные, желтым — существенно превосходящие невыделенные сферы, но отстающие от выделенных красным). К 2020 году суммарная доля занятых в этих сферах лиц снизилась до 78,6 %. Наибольшая разница наблюдается в сельском хозяйстве, охоте и рыболовстве, доля которого уменьшилась на 12,4 %, в результате чего это направление перестало занимать лидирующее положение в структуре неформального сектора. Сейчас около трети лиц (30,9 %) заняты в сфере торговли и ремонта автотранспортных средств. За прошедшие 10 лет существенно выросла доля таких направлений, как деятельность гостиниц и общественного питания, обрабатывающих производств, транспортировки и хранения.

Серьезные несоответствия в распределении удельного веса занятых в конкретных областях деятельности указывает на наличии более благоприятных условий для ее осуществления в одном из секторов. Особого внимания требует ситуация, когда в неформальном секторе доля занятых в одном из видов экономической деятельности гораздо больше, чем в формальном (табл. 5). Представляется, что именно для этих сфер деятельности в неформальном секторе созданы наиболее благоприятные условия. На это необходимо обращать внимание при разработке мер по сокращению неформальной занятости.

В заключении рассмотрим территориальное распределение лиц, занятых в неформальном секторе. Федеральные округа сильно разнятся по удельному весу неформально занятых (рис. 3). В среднем по России по итогам 2021 года доля задействованных в неформальном секторе составила 20,3 %. В трех федеральных округах (Центральный, Северо-западный и Уральский) этот показатель ниже общероссийского. В Северо-Кавказском федеральном округе, традиционно выделяющемся на фоне других высоким уровнем неформальной занятости, рассматриваемый показатель более чем в 2 раза превышает средний по стране.

Таблица 4

Структура неформального сектора по сферам деятельности

Table 4

Structure of the informal sector by area of activity

Виды экономической деятельности	Доля в структуре неформальной занятости, %		
	2010	2015	2020
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов	0,2	0,3	0,2
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	0,8	0,8	1,5
Деятельность в области информации и связи	0,6	0,6	0,9
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	0,5	0,6	0,8
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	1,9	3,2	3,9
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	0,6	0,8	0,8
Деятельность профессиональная, научная и техническая; деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	2,4	3,1	3,9
Добыча полезных ископаемых	0,1	0,1	0,2
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	0,2	0,2	0,2
Обрабатывающие производства	8,3	8,6	10,2
Образование	0,6	0,8	1,2
Сельское хозяйство, охота, рыболовство	29,1	23,4	16,7
Строительство	10,2	11,7	10,1
Торговля; ремонт автотранспортных средств	32,4	31,2	30,9
Транспортировка и хранение	7,9	8,8	10,7
Финансовая и страховая деятельность	0,2	0,2	0,3
Иные виды экономической деятельности	0,2	0,2	0,1

Так как методология Росстата предусматривает включение индивидуальных предпринимателей в состав неформального сектора, интересным представляется рассмотрение удельного веса занятых неформально в различных федеральных округах без учета индивидуальных предпринимателей. В таблице 6 представлены соответствующие данные за 2021 год.

Приведенные данные показывают, что соотношение федеральных округов по удельному весу неформального сектора в структуре занятости не меняется от того, учитываются ли индивидуальные предприниматели. Вместе с тем увеличился разрыв между округами с наименьшим и наибольшим удельным весом неформально занятым. Так, этот показатель с учетом индивидуальных предпринимателей в Северо-западном федеральном округе в 3,3 раза меньше, чем в Северо-Кавказском, а разница без учета индивидуальных предпринимателей пятикратна.

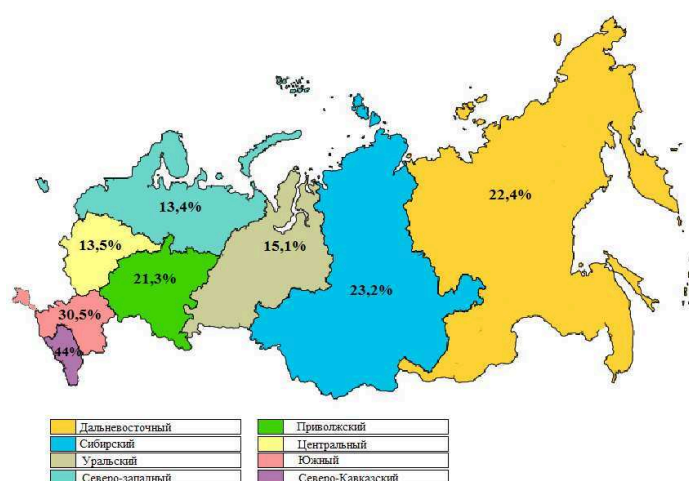
Таблица 5

**Сравнение долей занятых в основных сферах деятельности
в формальном и неформальном секторе**

Table 5

**Comparison of shares of employment in main activities
in the formal and informal sectors**

Виды экономической деятельности	Доля в структуре, %	
	фор- мальный сектор	нефор- мальный сектор
Торговля; ремонт автотранспортных средств	15,6	30,7
Обрабатывающие производства	14,3	10,7
Образование	9,5	1,3
Транспортировка и хранение	8,9	10,5
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	7,9	1,5
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	7,2	отсутствует
Строительство	6,6	10,5
Деятельность профессиональная, научная и техническая; деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	6,1	3,9
Сельское хозяйство, охота, рыболовство	4	16
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	2,7	0,3
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	2,4	4,1
Добыча полезных ископаемых	2,3	0,2
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	2	0,8
Предоставление прочих услуг	2,5	7,6

**Рис. 4. Занятые в неформальном секторе в % к общей численности
занятого населения по федеральным округам (по состоянию на 2021 г.)**
**Fig. 4. Employed in the informal sector as a percentage of the total employed
population by federal districts (as of 2021)**

Таблица 6

**Расчет удельного веса занятых в неформальном секторе
без учета индивидуальных предпринимателей по федеральным округам**

Table 6

**Calculation of the share of people employed in the informal sector excluding
individual entrepreneurs by federal district**

Федеральный округ	Всего занятых, тысяч человек [5]	Количество неформально занятых, тысяч человек [5]	Количество ИП, тысяч [6]	Неформальный сектор без ИП, тысяч человек	Удельный вес занятых в неформальном секторе (без учета ИП) в % к занятому населению
Северо-Кавказский	4 064,7	1 789,9	154,4	1 635,5	40,2
Южный	7 781,5	2 371,6	505,9	1 865,7	24,0
Сибирский	7 966,6	1 848,5	367,5	1 481,0	18,6
Дальневосточный	3 984,1	893,1	189,6	703,5	17,7
Приволжский	14 142,9	3 009,0	638,8	2 370,2	16,8
Уральский	6 034,9	912,9	301,6	611,3	10,1
Центральный	20 549,4	2 781,4	1 089,3	1 692,1	8,2
Северо-западный	7 195,3	964,5	382,2	582,3	8,1

Таким образом, в результате рассмотрения структурной динамики неформальной занятости можно сформулировать несколько выводов.

Во-первых, официальная статистика демонстрирует неуклонный рост данного сектора. Во многом это связано с сокращением рабочих мест в формальной экономике. В таком контексте неформальный сектор представляется подспорьем в обеспечении занятости населения.

Во-вторых, наблюдается тенденция к увеличению числа лиц, рассматривающих неформальную занятость в качестве основного и / или единственного источника заработка. Становится все меньше работников, использующих возможности неформального сектора для вторичной занятости и получения дополнительного дохода.

В-третьих, и в формальном, и в неформальном секторах прослеживается тенденция уменьшения числа лиц, занятых не по найму. В неформальном секторе этот тот самый резерв, который потенциально мог бы перейти в сферу законной предпринимательской деятельности. Рост количества субъектов предпринимательства положительно сказывается на количестве качественных формальных рабочих мест. Увеличение же доли наемных работников может привести к росту злоупотреблений со стороны работодателей. В формальном секторе права работников защищены законом, предусмотрены специальные процедуры их защиты. При неформальной занятости многие механизмы защиты не работают по причине отсутствия необходимых документов, закрепляющих соответствующий статус.

В-четвертых, неформальный сектор наиболее привлекателен для подростков и лиц предпенсионного и пенсионного возраста. Практически половина из

них занята неформально. Лица в возрасте 30–44 лет составляют основу неформального сектора. Это позволяет сделать вывод о том, что лица, выбравшие для себя такой тип занятости в юном возрасте, потом не покидают этот сектор. Молодежь, не получившая должной поддержки при попытке трудоустроиться официально, в большинстве случаев находит возможность заработка в неформальной экономике, развивая именно этот сектор. В этой связи необходимо начинать стимулировать людей к формальной занятости как можно раньше, чтобы предпринимательский потенциал молодежи раскрывался в сфере регулируемых отношений. Это наиболее эффективный способ сокращения неформальной занятости.

В-пятых, наблюдается повышение уровня образования у занятых в неформальном секторе. Сокращается доля тех, кто имеет лишь общее образование или не имеет и такового. Удельный вес работников и самозанятых с высшим и средним профессиональным образованием ежегодно увеличивается. Неформальный сектор перестал выполнять роль лишь вспомогательной площадки для заработка для лиц без образования, занимающихся примитивным трудом, оказывающих услуги низкого качества.

В-шестых, преобладающим видом экономической деятельности выступает оптовая и розничная торговля. Эта же сфера наиболее распространена и среди занятых формально. В рассматриваемом нами секторе преобладают занятые в сфере оказания различных услуг. Такие сферы, как водоснабжение, образование, обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха, добыча полезных ископаемых и другое слабо представлены в неформальном секторе. Кроме того, некоторые виды деятельности вообще в нем отсутствуют.

В-седьмых, региональная структура неформальной занятости неоднородна. Наблюдается зависимость уровня неформальной занятости от уровня социально-экономического развития регионов. Чем более высок технологический и промышленный потенциал региона, тем ниже уровень неформальной занятости.

Список источников

1. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы): статистический сборник / Росстат. 2022. Москва, 2022. 151с.
2. Chersi E. The Informal Economy in Latin America // Cato Journal. 1997. Vol. 17. № 1. Pp. 99–108.
3. Зудина А. А. Формальные и неформальные работники на российском рынке труда: сравнительный анализ самооценок социального статуса // Мир России. 2013. № 4. С. 174–202.
4. Некипелова Д. В. Неформальная занятость в российской федерации: тенденции распространения и направления государственного регулирования: дис. ... канд. эконом. наук. Москва, 2020. 199с.
5. Приложение к сборнику «Рабочая сила, занятость и безработица в России» (информация в разрезе субъектов Российской Федерации). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения: 21.01.2023).
6. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <https://rmsp.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 21.01.2023).

References

1. Labor force, employment and unemployment in Russia (based on the results of sample surveys of the labor force): statistical collection. *Rosstat*, 2022, Moscow, 2022. 151 p. (In Russ.)
2. Chersi E. The Informal Economy in Latin America. *Cato Journal*, 1997, vol. 17, no. 1, pp. 99–108.
3. Zudina A. A. Formal and informal workers in the Russian labor market: a comparative analysis of self-assessments of social status. *The world of Russia*, 2013, no. 4, pp. 174–202. (In Russ.)
4. Nekipelova D. V. Informal employment in the Russian Federation: trends in the spread and directions of state regulation. Dissertation... candidate of economic sciences. Moscow, 2020. 199 p. (In Russ.)
5. Appendix to the collection “Labor force, employment and unemployment in Russia” (information in the context of the subjects of the Russian Federation). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (accessed 21.01.2023). (In Russ.)
6. Unified Register of Small and medium-sized businesses. URL: <https://rmsp.nalog.ru/index.html> (accessed 21.01.2023). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.06.2023, одобрена после рецензирования 25.08.2023, принята к публикации 15.09.2023.

The article was submitted 10.06.2023, approved after reviewing 25.08.2023, accepted for publication 15.09.2023.

Научная статья
УДК: 338.246.2
<https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-91-102>

Унифицированный подход к оценке закупочной деятельности государственных заказчиков

Соболева Владислава Олеговна

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
vladislava_soboleva@vk.com

Аннотация

Национальным планом развития конкуренции в Российской Федерации на 2018–2020 годы для федеральных органов исполнительной власти, государственных компаний и государственных корпораций поставлена задача при организации закупочной деятельности обеспечить внедрение показателей, характеризующих эффективность закупок товаров, работ, услуг, в том числе для подведомственных органов и подразделений. Данная задача была реализована через систему ведомственных нормативных правовых актов, утвердивших соответствующие показатели и методики их оценки. Ввиду отсутствия единых методических подходов к разработке описанных моделей, они носят индивидуальный характер, отражающий специфику деятельности каждого ведомства. Аналогичный децентрализованный подход реализован в разрезе административного и территориального деления Российской Федерации. Тем не менее научное сообщество неоднократно обращало внимание на необходимость создания единой справедливой модели оценки эффективности государственных закупок как ключевого критерия развития хозяйственной системы страны. Поскольку сложившаяся ситуация исходит из индивидуализированного подхода оценки эффективности государственных закупок, то проведение сопоставления итоговых показателей закупочной деятельности различных ведомств как на федеральном, так и на субъектовом уровнях существенно затруднено. В статье анализируются некоторые из существующих моделей оценки эффективности системы государственных закупок, разработанных федеральными органами исполнительной власти. На основе полученных результатов и с учетом проведенного опроса практических работников по линии государственных закупок и преподавателей экономических кафедр была разработана авторская методика оценки государственных закупок.

Ключевые слова: государственные закупки, эффективность, оценка деятельности, метод экспертных оценок

Для цитирования

Соболева В. О. Унифицированный подход к оценке закупочной деятельности государственных заказчиков // На страже экономики. 2022. № 3 (26). С. 91–102. <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-91-102>.

Original article

Unified approach to the evaluation of procurement activities of government customers

Vladislava O. Soboleva

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, vladislava_soboleva@vk.com

Abstract

The National Plan for the Development of Competition in the Russian Federation for 2018–2020 for federal executive authorities, state-owned companies and state corporations has set the task of ensuring the introduction of indicators characterizing the effectiveness of procurement of goods, works, services, including for subordinate bodies and divisions, when organizing procurement activities. This task was implemented through a system of departmental regulatory legal acts that approved the relevant indicators and methods of their assessment. Due to the lack of uniform methodological approaches to the development of the described models, they are individual in nature, reflecting the specifics of the activities of each department. A similar decentralized approach is implemented in the context of the administrative and territorial division of the Russian Federation. Nevertheless, the scientific community has repeatedly drawn attention to the need to create a single fair model for evaluating the effectiveness of public procurement as a key criterion for the development of the country's economic system. Since the current situation proceeds from an individualized approach to evaluating the effectiveness of public procurement, it is significantly difficult to compare the final indicators of procurement activities of various departments both at the federal and at the subject levels. The article analyzes some of the existing models for evaluating the effectiveness of the public procurement system developed by Federal executive authorities. Based on the results obtained and taking into account the survey of practitioners in the field of public procurement and teachers of economic departments, the author's methodology for evaluating public procurement was developed.

Keywords: public procurement, efficiency, evaluation of activities, the method of expert assessments

For citation

Soboleva V. O. Unified approach to the evaluation of procurement activities of government customers. *The Economy under Guard*, 2023, no. 3 (26), pp. 91–102. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-91-102>.

Введение

Проблематика оценки эффективности деятельности государственных заказчиков неоднократно поднималась в научном сообществе [1–7]. Исследуемая проблема нашла свое отражение не только в научном сообществе, но и в нормативных правовых актах [8].

Однако в обход научным изысканиям и законодательной инициативе проблема создания единой методики оценки деятельности остается открытой.

Анализ

Стоит обратить внимание на разработанные федеральными органами исполнительной власти (далее — ФОИВ) [9–28]. Первоначально необходимо акцентировать внимание на названиях установленных методик, в которых присутствует термин «эффективность». В отечественной практике сложилась терминологическая путаница в виду неправильного трактования данного понятия через смежные с ним, например: «эффект», «результат» и «результативность» [6].

Под «эффективностью» стоит понимать соотношение затраченных ресурсов на достижение определенной цели (в рассматриваемой сфере — удовлетворение потребностей организаций — заказчиков) и реальных итогов этого процесса [5]. Представленные модели не отвечают данному подходу, а направлены на отражение самой закупочной деятельности через коэффициентное освещение входящих в нее элементов, а не ее результата. В дальнейшем исследовании рассматривается не заявленная нормативными правовыми актами «эффективность», а непосредственно теоретический подход к оценке работы служб государственного заказа.

Для оценки согласованности предложенных моделей с целью определения возможности из сопоставления и сравнения был использован Метод экспертных оценок [4].

Первый этап анализа заключался в формировании системы показателей в единую матрицу. При этом ФОИВ рассматривались в качестве экспертов. Соответственно, представленные нормативные правовые акты расценивались в качестве ответов на вопросы: «Какие показатели следует применять для оценки эффективности произведенных закупок?» и «Какие из приведенных показателей наиболее существенны для исследуемой области?».

Второй этап заключался в ранжировании анализируемых показателей исходя из их позиции в нормативных правовых актах. При этом был учтен факт расхождения сводимых моделей в выбранных показателях, и для каждого органа исполнительной власти в последующий анализ были включены и неиспользуемые ими показатели. В связи с чем для присвоения ранга показателям, которые первоначально отсутствовали в исходных моделях, была применена формула связанного ранга (1), результат описан в таблице № 1.

Третий этап заключался в расчете коэффициента конкордации с учетом присутствия определенной доли связанных рангов, исходя из чего коэффициент конкордации определен по формуле (2), а величина T_j по формуле (3).

$$t_{n/i} = \frac{\sum t_n - \sum t_{исп.}}{a} \quad (1);$$

$$W = \frac{12S}{m^2(n^3-n) - m\sum T_j} \quad (2);$$

$$T_j = \sum t_j^3 - t_j \quad (3),$$

где t_n — ранги, выставленные экспертами;

$t_{исп.}$ — использованные экспертами ранги;

a — количество неиспользованных рангов.

m — количество привлеченных экспертов;

n — число экспертируемых факторов;
 S — сумма квадратов отклонений суммы рангов каждого фактора от среднего ранга;
 t_j — число одинаковых, то есть связанных, рангов.

По результатам анализа получено: $W=0,47$, что ниже порога согласованности (0,5).

Четвертый этап заключался в анкетировании [29] действующих специалистов системы государственного заказа (первая группа респондентов) и преподавателей экономических кафедр (вторая группа респондентов). Участникам было предложено проранжировать приведенные показатели исходя из их значимости для оценки деятельности по производству закупок товаров, работ, услуг государственными заказчиками, где «1» — наиболее значимый показатель, «20» — наименее значимый. В исследовании приняло участие по 16 представителей каждой из сторон: $W_1 = 0,82$ и $W_2 = 0,77$.

Для удобства анализа приняты условные обозначения:

- A1 — Министерство здравоохранения;
  - A2 — Министерство внутренних дел;
  - A3 — Министерство образования и науки;
  - A4 — Министерство обороны;
  - A5 — Министерство сельского хозяйства;
  - A6 — Министерство спорта;
  - A7 — Министерство транспорта;
  - A8 — Министерство экономического развития;
  - A9 — Федеральная антимонопольная служба;
  - A10 — Федеральная налоговая служба;
  - A11 — Федеральная служба государственной статистики;
  - A12 — Федеральная служба по интеллектуальной собственности;
  - A13 — Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки;
  - A14 — Федеральное архивное агентство;
  - A15 — Федеральное агентство воздушного транспорта;
  - A16 — Федеральное дорожное агентство;
  - A17 — Федеральное агентство лесного хозяйства;
  - A18 — Федеральное агентство по недропользованию;
  - A19 — Федеральное агентство по рыболовству;
  - A20 — Федеральное агентство по управлению государственным имуществом.
- C1 — Экономия денежных средств;
  - C2 — Среднее количество поданных заявок;
  - C3 — Доля освоенных бюджетных средств за отчетный период;
  - C4 — Доля обоснованных жалоб на действия (бездействие) заказчика при проведении конкурентных процедур;
  - C5 — Доля закупок, при проведении которых допущены нарушения порядка планирования;
  - C6 — Доля контрактов, заключенных по результатам состоявшихся конкурентных процедур;

C7 — Доля контрактов, заключенных по НМЦК;

C8 — Доля контрактов, при исполнении которых имели место нарушения исполнения обязательств по контракту;

C9 — Количество изменений плана–графика закупок в пересчете на одну опубликованную закупку;

C10 — Доля неиспользованных на конец отчетного года бюджетных ассигнований на закупки товаров, работ, услуг;

C11 — Доля несостоявшихся закупок;

C12 — Доля закупок, осуществленных у СМП и СОНО;

C13 — Доля закупок малого объема;

C14 — Доля необоснованных жалоб на действия (бездействие) заказчика;

C15 — Доля отмененных закупок, проводимых конкурентными способами определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей);

C16 — Доля закупок, проведенных конкурентными способами определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), по которым были направлены запросы о даче разъяснений положений документации;

C17 — Доля несостоявшихся закупок, проведенных конкурентными способами определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей);

C18 — Доля закупок, проведенных конкурентными способами определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), по которым был нарушен срок публикации протоколов комиссии в единой информационной системе;

C19 — Доля контрактов, заключенных с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем) по результатам несостоявшихся конкурентных способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей);

C20 — Доля заявок, допущенных к участию в конкурентных процедурах.

Стоит обратить внимание на создавшееся противоречие в видении моделей эффективности (см. рис. 1): практически и теоретически ориентированные группы экспертов выдвигали на первый план разные показатели, которые, по их мнению, могут отражать эффективность. Наиболее существенные различия отмечены в отношении 70 % показателей, за исключением C1, C8, C9, C10, C11, C17.

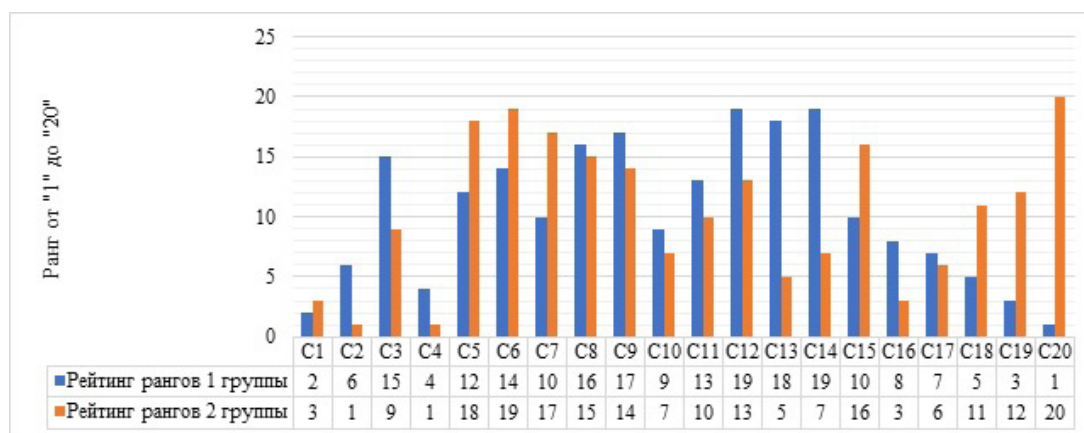

Рис. 1. Соотношение групповых рангов

Fig.1. The ratio of group ranks

Таблица 1

Сводная аналитическая таблица экспертных оценок

Table 1

Summary analytical table of expert assessments

	A1	A2	A3	A4	A5	A6	A7	A8	A9	A10	A11	A12	A13	A14	A15	A16	A17	A18	A19	A20
C1	1,00	2,00	2,00	1,00	1,00	1,00	1,00	2,00	1,00	2,00	3,00	2,00	14,50	5,00	1,00	1,00	2,00	2,00	2,00	1,00
C2	3,00	4,00	4,00	11,50	3,00	3,00	4,00	4,00	2,00	1,00	4,00	4,00	3,00	2,00	4,00	3,00	4,00	13,50	4,00	12,00
C3	6,00	13,50	13,50	11,50	13,00	12,50	13,00	13,00	4,00	12,50	14,15	13,50	14,50	14,00	13,50	13,00	13,50	1,00	13,50	12,00
C4	5,00	6,00	6,00	2,00	5,00	12,50	13,00	5,00	5,00	3,00	14,15	6,00	8,00	7,00	13,50	13,00	6,00	6,00	6,00	3,00
C5	13,50	1,00	1,00	11,50	13,00	12,50	13,00	1,00	13,00	12,50	14,15	1,00	14,50	1,00	13,50	13,00	1,00	3,00	1,00	12,00
C6	2,00	3,00	3,00	11,50	2,00	2,00	2,00	3,00	13,00	12,50	14,15	3,00	14,50	3,00	2,00	2,00	3,00	13,50	3,00	12,00
C7	13,50	13,50	13,50	11,50	13,00	12,50	3,00	13,00	13,00	12,50	14,15	13,50	14,50	4,00	3,00	13,00	13,50	13,50	13,50	12,00
C8	4,00	5,00	5,00	11,50	4,00	12,50	5,00	13,00	13,00	12,50	6,00	5,00	14,50	6,00	5,00	4,00	5,00	13,50	5,00	12,00
C9	13,50	13,50	13,50	11,50	13,00	12,50	13,00	13,00	13,00	12,50	1,00	13,50	14,50	14,00	13,50	13,00	13,50	13,50	13,50	12,00
C10	13,50	13,50	13,50	11,50	13,00	12,50	13,00	13,00	13,00	12,50	2,00	13,50	14,50	14,00	13,50	13,00	13,50	13,50	13,50	12,00
C11	13,50	13,50	13,50	11,50	13,00	12,50	13,00	13,00	13,00	12,50	5,00	13,50	14,50	14,00	13,50	13,00	13,50	13,50	13,50	12,00
C12	13,50	13,50	13,50	11,50	13,00	12,50	13,00	13,00	13,00	4,00	14,15	13,50	7,00	14,00	6,00	5,00	13,50	4,00	13,50	2,00
C13	13,50	13,50	13,50	11,50	13,00	12,50	13,00	13,00	13,00	12,50	14,15	13,50	14,50	14,00	13,50	13,00	13,50	5,00	13,50	12,00
C14	13,50	13,50	13,50	11,50	13,00	12,50	13,00	13,00	13,00	12,50	5,00	13,50	14,50	14,00	13,50	13,00	13,50	13,50	13,50	12,00
C15	13,50	13,50	13,50	11,50	13,00	12,50	13,00	13,00	13,00	12,50	14,15	13,50	1,00	14,00	13,50	13,00	13,50	13,50	13,50	12,00
C16	13,50	13,50	13,50	11,50	13,00	12,50	13,00	13,00	13,00	12,50	14,15	13,50	2,00	14,00	13,50	13,00	13,50	13,50	13,50	12,00
C17	13,50	13,50	13,50	11,50	13,00	12,50	13,00	13,00	13,00	12,50	14,15	13,50	4,00	14,00	13,50	13,00	13,50	13,50	13,50	12,00
C18	13,50	13,50	13,50	11,50	13,00	12,50	13,00	13,00	13,00	12,50	14,15	13,50	5,00	14,00	13,50	13,00	13,50	13,50	13,50	12,00
C19	13,50	13,50	13,50	11,50	13,00	12,50	13,00	13,00	13,00	12,50	14,15	13,50	6,00	14,00	13,50	13,00	13,50	13,50	13,50	12,00
C20	13,50	13,50	13,50	11,50	13,00	4,00	13,00	13,00	3,00	12,50	14,15	13,50	14,50	14,00	13,50	13,00	13,50	13,50	13,50	12,00

Заключение

Таким образом, федеральные органы исполнительной власти применяют разные по содержанию модели оценки эффективности произведенных закупок, которые тем не менее имеют общие структурные основы. Было выявлено противоречие между моделями, выстроенными по результатам анкетирования практических работников системы государственного заказа, и моделями, предложенными экспертным преподавательским сообществом.

Создавшаяся ситуация определяет необходимость разработки унифицированной модели оценки, призванной примерить практическую и теоретическую стороны жизни рассматриваемой сферы.

Предложения

Основу разработанной унифицированной модели составляет принцип поэтапной оценки. Преимущество такого подхода заключается в возможности адресного выявления проблемных мест.

С учетом этапности и установленных процедурных способах определения победителя для оценки деятельности служб государственного заказа целесообразно использовать следующие экономические показатели (см. рис. 2).

Этап **Планирования**, включающий в себя процедуры определения текущих и будущих потребностей организации–заказчика, их согласования и утверждения Плана–графика – детализированного по срокам и объемам закупок основополагающего документа стратегического планирования.

- Доля закупок, при проведении которых допущены нарушения порядка планирования;
- Количество изменений плана–графика закупок в пересчете на одну опубликованную закупку.

Этап **Исполнения**, включающий в себя процедуры подготовки извещения о проводимых закупках, его публикацию, анализа и оценки поданных заявок, подведения итогов закупочной процедуры и заключения контракта

- Доля контрактов, заключенных по результатам проведения открытого конкурса в электронной форме;
- Доля контрактов, заключенных по результатам проведения закрытого конкурса и, обособленно, закрытого конкурса в электронной форме;
- Доля контрактов, заключенных по результатам проведения открытого аукциона в электронной форме;
- Доля контрактов, заключенных по результатам проведения закрытого аукциона в электронной форме;
- Доля контрактов, заключенных по результатам проведения запроса котировок в электронной форме;
- Доля отмененных закупок, проводимых конкурентными способами определения поставщиков;
- Доля контрактов, заключенных с единственным поставщиком;
- Доля контрактов, заключенных с единственным поставщиком по результатам несостоявшихся конкурентных способов определения поставщиков.

Рис. 2 Авторская коэффициентная методика оценки деятельности служб государственного заказа

Fig. 2 The author's coefficient methodology for evaluating the activities of state order services

Таким образом, предложенный перечень показателей может быть использован не только для поэтапной оценки деятельности служб государственного заказа, но и в

разреze предметного деления объекта закупки, что позволит выявить проблемные места не только на уровне деятельности, но и по отдельным экономическим отраслям.

Список источников

1. Матвеева Н. С. Оценка эффективности и результативности государственных (муниципальных) закупок // *Финансы и кредит*. 2018. № 3 (771).
2. Павлова Н. С., Плеханова Л. С. Критерии эффективности государственных закупок: неучтенные эффекты // *Закон*. 2021. № 8.
3. Пономарев А. А. Методические подходы к оценке эффективности организационно-экономического механизма управления системой государственных закупок // *Инновации и инвестиции*. 2022. № 12.
4. Примакин А. И., Большакова Л. В. Метод экспертных оценок в решении задач обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2012. № 1 (53).
5. Шабашев В. А., Батиевская В. Б. Генезис и классификация понятия «Экономическая эффективность» // *Сибирский аэрокосмический журнал*. 2014. № 2 (54).
6. Штеле Е. А., Вечерковская О. Б. К вопросу о понятии «эффективность» // *Экономический анализ: теория и практика*. 2017. № 5 (464).
7. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ (ред. от 29 мая 2023 года) // *Собрание законодательства РФ*. 2013. № 14, ст. 1652.
8. Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» (вместе с «Национальным планом развития конкуренции в Российской Федерации на 2018–2020 годы»): указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2017 года № 618 // *Собрание законодательства РФ*. 2017. № 52. Ч. I, ст. 8111.
9. Об утверждении перечня показателей, характеризующих эффективность закупок товаров, работ, услуг, осуществляемых Министерством здравоохранения Российской Федерации и подведомственными Министерству здравоохранения Российской Федерации организациями: приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 16 марта 2020 года № 177 // *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.03.2020).
10. Об утверждении Перечня показателей, характеризующих эффективность закупок товаров, работ, услуг, в том числе подведомственными организациями в системе МВД России: приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 18 декабря 2018 года № 840 // *Собрание законодательства РФ*. 2017. № 52, ст. 8111.
11. Об утверждении Перечня показателей, характеризующих эффективность закупок товаров, работ, услуг Министерства обороны Российской Федерации, территориальных органов Министерства обороны Российской Федерации, подведомственных ему федеральных государственных казенных, бюджетных и автономных учреждений, федеральных государственных унитарных предприятий: приказ Министра обороны Российской Федерации от 29 апреля 2019 года № 231. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.04.2019).
12. Об утверждении перечня показателей, характеризующих эффективность закупок товаров, работ, услуг Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, в том числе подведомственных ему организаций: приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 12 ноября 2018 года № 520. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.11.2018).

13. Об утверждении перечня показателей, характеризующих эффективность закупок товаров, работ, услуг, в том числе подведомственными организациями Министерства спорта Российской Федерации: приказ Министерства спорта Российской Федерации от 21 ноября 2018 года № 951. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.11.2018).

14. Об утверждении перечня показателей, характеризующих эффективность закупок товаров, работ, услуг для нужд Министерства экономического развития Российской Федерации, закупок товаров, работ, услуг, осуществляемых подведомственными Министерству экономического развития Российской Федерации федеральными государственными учреждениями: приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 16 ноября 2018 года № 629. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.11.2018).

15. Об утверждении перечня показателей, характеризующих эффективность закупок товаров, работ, услуг для нужд Росархива и подведомственных ему учреждений: приказ Федерального архивного агентства Российской Федерации от 14 февраля 2020 года № 14. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.02.2020).

16. Об утверждении Порядка оценки эффективности закупок товаров, работ, услуг, осуществляемых Федеральным агентством по недропользованию, его территориальными органами и подведомственными ему организациями: приказ Федерального агентства по недропользованию Российской Федерации от 30 октября 2018 года № 482. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.10.2018).

17. Об утверждении перечня показателей, характеризующих эффективность закупок товаров, работ, услуг, в том числе подведомственными организациями и территориальными управлениями Федерального агентства по рыболовству: приказ Федерального агентства по рыболовству Российской Федерации от 13 ноября 2018 года № 667. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.11.2018).

18. Об утверждении Перечня показателей, характеризующих эффективность закупок товаров, работ, услуг Федеральной службой государственной статистики, ее территориальными органами и подведомственными организациями: приказ Федеральной службы государственной статистики от 15 ноября 2018 года № 672. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.11.2018).

19. Об утверждении перечня показателей, характеризующих эффективность закупок товаров, работ, услуг, в том числе подведомственными организациями Федеральной антимонопольной службы: приказ Федеральной антимонопольной службы от 12 ноября 2018 года № 1523/18. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.11.2018).

20. Об утверждении перечня показателей, характеризующих эффективность закупок товаров, работ, услуг Федерального агентства воздушного транспорта, территориальных органов и подведомственных организаций: приказ Федерального агентства воздушного транспорта от 5 мая 2022 года № 272–П. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.05.2022).

21. Об утверждении перечня показателей, характеризующих эффективность закупок товаров, работ, услуг, в том числе подведомственными организациями и территориальными органами Рослесхоза: приказ Федерального агентства лесного хозяйства от 13 июля 2018 года № 566. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.07.2018).

22. Об утверждении перечня показателей, характеризующих эффективность закупок товаров, работ, услуг, в том числе подведомственными организациями и территориальными органами Росимущества: приказ Федерального агентства по управлению государственным имуществом от 26 февраля 2019 года № 44. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.02.2019).

23. Об утверждении перечня показателей, характеризующих эффективность закупок товаров, работ, услуг, в том числе подведомственными учреждениями федеральной службы по ин-

теллектуальной собственности: приказ Федеральной службы по интеллектуальной собственности от 15 февраля 2019 года № 22. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.02.2019).

24. Об утверждении перечня показателей, характеризующих эффективность закупок товаров, работ, услуг Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, в том числе подведомственных федеральной службе по надзору в сфере образования и науки организаций: приказ Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 28 сентября 2018 года № 1336. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.09.2018).

25. Об утверждении показателей, характеризующих эффективность закупок, и порядка их применения: приказ Федеральной налоговой службы от 23 ноября 2018 года № ММВ–7–5/655. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.11.2018).

26. Об утверждении перечня показателей, характеризующих эффективность закупок товаров, работ, услуг, в том числе подведомственными организациями Министерства образования и науки Российской Федерации: распоряжение Министерства образования и науки Российской Федерации от 7 марта 2018 года № Р–130. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.03.2018).

27. Об утверждении перечня показателей, характеризующих эффективность закупок товаров, работ, услуг: распоряжение Министерства транспорта Российской Федерации от 26 марта 2020 года № ИА–63–р. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.03.2020).

28. Об утверждении перечня показателей, характеризующих эффективность закупок товаров, работ, услуг, в том числе подведомственными казенными и бюджетными учреждениями Федерального дорожного агентства: распоряжение Федерального дорожного агентства от 7 апреля 2020 года № 1244–р. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.04.2020).

29. Ранжирование экономических показателей. URL: <https://anketolog.ru/s/730893/vrWJ5EE2> (дата обращения: 21.06.2023).

References

1. Matveeva N. S. Evaluation of the efficiency and effectiveness of state (municipal) procurement. *Finance and credit*, 2018, no. 3 (771). (In Russ.)
2. Pavlova N. S., Plekhanova L. S. Criteria for the effectiveness of public procurement: unaccounted effects. *Law*, 2021, no. 8. (In Russ.)
3. Ponomarev A. A. Methodological approaches to assessing the effectiveness of the organizational and economic mechanism of public procurement system management. *Innovations and investments*, 2022, no. 12. (In Russ.)
4. Primakin A. I. Bolshakova L. V. Method of expert assessments in solving problems of ensuring economic security of an economic entity. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 1 (53). (In Russ.)
5. Shabashev V. A., Batievskaya V. B. Genesis and classification of the concept of “Economic efficiency”. *Siberian Aerospace Journal*, 2014, no. 2 (54). (In Russ.)
6. Shtele E. A., Vecherkovskaya O. B. On the question of the concept of “efficiency”. *Economic analysis: theory and practice*, 2017, no. 5 (464). (In Russ.)
7. On the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs: federal law no. 44–FZ of April 5, 2013 (as amended of May 29, 2023). *Collection of legislative acts of the RF*, 2013, no. 14, art. 1652. (In Russ.)
8. On the main directions of state policy for the development of competition (together with the “National Plan for the Development of Competition in the Russian Federation for 2018–2020”): decree of the President of the Russian Federation no. 618 of December 21, 2017. *Collection of legislative acts of the RF*, 2017, no. 52, part I, art. 8111. (In Russ.)

9. On approval of the list of indicators characterizing the effectiveness of procurement of goods, works, services carried out by the Ministries of Health of the Russian Federation and organizations subordinate to the Ministry of Health of the Russian Federation: order of the Ministry of Health of the Russian Federation no. 177 of March 3, 2020. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 16.03.2020). (In Russ.)

10. On approval of the List of indicators characterizing the effectiveness of procurement of goods, works, services, including by subordinate organizations in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation no. 840 of December 18, 2018. *Collection of legislative acts of the RF*, 2017, no. 52, art. 8111. (In Russ.)

11. On approval of the List of indicators characterizing the effectiveness of procurement of goods, works, services of the Ministry of Defense of the Russian Federation, territorial bodies of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Subordinate Federal state state, budgetary and autonomous institutions, Federal State unitary enterprises: order of the Minister of Defense of the Russian Federation no. 231 of April 29, 2019. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 29.04.2019). (In Russ.)

12. On approval of the list of indicators characterizing the effectiveness of procurement of goods, works, services of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation, including organizations subordinate to it: order of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation no. 520 of November 12, 2018. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 12.11.2018). (In Russ.)

13. On approval of the list of indicators characterizing the effectiveness of procurement of goods, works, services, including by subordinate organizations of the Ministry of Sports of the Russian Federation: order of the Ministry of Sports of the Russian Federation no. 951 of November 21, 2018. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 21.11.2018). (In Russ.)

14. On Approval of the list of indicators characterizing the effectiveness of procurement of goods, Works, services for the Needs of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Procurement of Goods, Works, services carried out by Federal state Institutions Subordinate to the Ministry of Economic Development of the Russian Federation: order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation no. 629 of November 16, 2018. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 16.11.2018). (In Russ.)

15. On approval of the list of indicators characterizing the effectiveness of procurement of goods, works, services for the needs of the Rosarchiv and its subordinate institutions: order of the Federal Archival Agency of the Russian Federation no. 14 of February 14, 2020. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 14.02.2020). (In Russ.)

16. On Approval of the Procedure for Evaluating the Effectiveness of Purchases of Goods, Works, Services carried out by the Federal Agency for Subsoil Use, its Territorial Bodies and Organizations subordinate to it: order of the Federal Agency for Subsoil Use of the Russian Federation no. 482 of October 30, 2018. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.10.2018). (In Russ.)

17. On approval of the list of indicators characterizing the effectiveness of procurement of goods, Works, services, including by subordinate organizations and Territorial administrations of the Federal Agency for Fisheries: order of the Federal Agency for Fisheries of the Russian Federation no. 667 of November 13, 2018. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 13.11.2018). (In Russ.)

18. On approval of the List of indicators characterizing the effectiveness of procurement of goods, works, services by the Federal State Statistics Service, its territorial bodies and Subordinate organizations: order of the Federal State Statistics Service no. 672 of November 15, 2018. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 15.11.2018). (In Russ.)

19. On approval of the list of indicators characterizing the effectiveness of procurement of goods, works, services, including by subordinate organizations of the Federal Antimonopoly Service: order of the Federal Antimonopoly Service no. 1523/18 of November 12, 2018. URL: <http://pravo.gov.ru> <http://pravo.gov.ru> (accessed 12.11.2018). (In Russ.)

20. On approval of the list of indicators characterizing the effectiveness of procurement of goods, works, services of the Federal Air Transport Agency, Territorial bodies and Subordinate organizations: order of the Federal Air Transport Agency no. 272-P of May 5, 2022. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 05.05.2022). (In Russ.)

21. On approval of the list of indicators characterizing the effectiveness of procurement of goods, works, services, including by subordinate organizations and territorial bodies of the Federal Forestry Agency: order of the Federal Forestry Agency no. 566 of July 13, 2018. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 13.07.2018). (In Russ.)

22. On approval of the list of indicators characterizing the effectiveness of procurement of goods, works, services, including by subordinate organizations and Territorial Bodies of the Federal Property Management Agency: order of the Federal Agency for State Property Management no. 44 of February 26, 2019. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 26.02.2019). (In Russ.)

23. On approval of the list of indicators characterizing the effectiveness of procurement of goods, works, services, including by subordinate institutions of the Federal Service for Intellectual Property: order of the Federal Service for Intellectual Property no. 22 of February 15, 2019. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 15.02.2019). (In Russ.)

24. On approval of the list of indicators characterizing the effectiveness of procurement of goods, Works, services of the Federal Service for Supervision of Education and Science, including organizations subordinate to the Federal Service for Supervision of Education and Science: order of the Federal Service for Supervision of Education and Science no. 1336 of September 28, 2018. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 28.09.2018). (In Russ.)

25. On approval of indicators characterizing the effectiveness of procurement and the procedure for their application: order of the Federal Tax Service no. MMV-7-5/655 of November 23, 2018. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 23.11.2018). (In Russ.)

26. On approval of the list of indicators characterizing the effectiveness of procurement of goods, works, services, including by subordinate organizations of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation: order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation no. R-130 of March 7, 2018. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 07.03.2018). (In Russ.)

27. On approval of the list of indicators characterizing the effectiveness of procurement of goods, works, services: order of the Ministry of Transport of the Russian Federation no. IA-63-r of March 26, 2020. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 26.03.2020). (In Russ.)

28. On approval of the list of indicators characterizing the effectiveness of procurement of goods, works, services, including by subordinate state and budgetary institutions of the Federal Road Agency: order of the Federal Road Agency no. 1244-r of April 7, 2020. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 07.04.2020). (In Russ.)

29. Ranking of economic indicators. URL: <https://anketolog.ru/s/730893/vrWJ5EE2> (accessed 21.06.2023). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.06.2023, одобрена после рецензирования 25.08.2023, принята к публикации 15.09.2023.

The article was submitted 28.06.2023, approved after reviewing 25.08.2023, accepted for publication 15.09.2023.

Научная статья
УДК 338.24.01
<https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-103-111>

Международный опыт организации государственных закупок

Столярова Наталья Артуровна

Департамент по материально-техническому и медицинскому обеспечению
МВД России, Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются научно-практические вопросы организации процесса государственных закупок, отмечается, что современные вызовы и проблемы, которые они призваны решать, стали более сложными и включают социальные и политические аспекты, вариации внутренней и внешней среды для малого и среднего бизнеса, территориальные и отраслевые особенности и потребности, факторы долгосрочного устойчивого развития и многое другое. В систему государственных закупок вовлечено множество участников, как институциональных, так и индивидуальных. Все это обосновывает актуальность анализа мировой практики организации государственных закупок.

Ключевые слова: государственные закупки, нормативные правовые акты, структура закупок, объем закупок, закупочная деятельность, эффективность системы государственных закупок

Для цитирования

Столярова Н. А. Международный опыт организации государственных закупок // На страже экономики. 2023. № 3 (26). С. 103–111. <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-103-111>.

Original article

International experience in organizing public procurement

Natalya A. Stolyarova

Department of Logistics and Medical Support of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russian Federation

Abstract

The article discusses scientific and practical issues of organizing the public procurement process, noting that modern challenges and problems that they are designed to solve have become more complex and include social and political aspects, variations in the internal and external environment for small and medium-sized businesses, territorial and industry characteristics and needs, factors for long-term sustainable development and much more. There are many participants involved in the public procurement system, both institutional and individual. All this justifies the relevance of analyzing the global practice of organizing public procurement.

© Столярова Н. А., 2023

Keywords: public procurement, regulations, procurement structure, volume of procurement, procurement activities, efficiency of the public procurement system

For citation

Stolyarova N. A. Department of Logistics and Medical Support of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *The Economy under Guard*, 2023, no. 3 (26), pp. 103–111. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-103-111>.

Анализировать мировую практику организации государственных закупок необходимо с точки зрения того, как их процессы отражаются на поставщиках и насколько они позволяют государственному сектору выступать в качестве оптимального заказчика. Несмотря на различие между государственным и частным секторами, процесс закупок одинаков в том смысле, что существует ряд основных и общих этапов, через которые проходят участники. Однако процесс принятия решений отличается с точки зрения результатов или факторов, которые принимаются во внимание. Закупки как в государственном, так и в частном секторах начинаются с определения потребности в покупке, спроса на определенные ресурсы, который, как и в случае любых отношений обмена, формирует основу для взаимодействий с поставщиками. При этом процесс закупок представляет собой действия формального и неформального характера, которые необходимо выполнить, чтобы обеспечить решение этой проблемы.

Существует множество академических описаний процесса покупки. Общий подход заключается в том, чтобы представить процесс покупки разделенным на ряд различных этапов. Для анализа считаем наиболее обоснованным использовать подход К. Тайя, который определяет шесть отдельных видов деятельности: спецификация, выбор поставщика, заключение контрактов, заказ, ускорение и последующая деятельность / оценка [1]. Такое сочетание точности и широты делает этот шестиэтапный подход эффективным в качестве рамочного механизма для определения возможных подходов во многих формах государственных закупок.

Несмотря на то, что Организация Объединенных Наций (ООН) не является государством, она представляет крупнейшее объединение международных организаций, которое также включает группу государственных образований, состоящих из стран-членов, функции которых имеют важное значение для международного общества. В системе ООН существует система государственных закупок, которая не подпадает под действие ГПД ВТО (Соглашения о государственных закупках) и Типового закона ЮНСИТРАЛ [2]. Именно это и делает анализ механизма закупок ООН актуальным и необходимым для понимания возможностей ее модернизации в масштабах отдельной страны.

В системе ООН государственные закупки имеют важное значение, как для оперативного, так и для административного управления бюджетом. Их специфика заключается в том, что в случае гуманитарных операций жизни многих людей часто в значительной степени зависят от успеха международных конструктивных действий, которые пытаются облегчить, стабилизировать или нормализовать шоковые и критические ситуации. Они могут добиться успеха не только за счет привлечения финансовых, людских ресурсов и полномочий, но и

за счет приобретения необходимых товаров и услуг, в том числе у местных производителей.

Важность закупок можно наблюдать и в других областях деятельности ООН, таких как экология и техническая помощь, а также во внутреннем управлении организациями, входящими в ООН, так как операции по закупкам в значительной степени поддерживают деятельность и управление организаций системы ООН [3].

Поскольку закупки тесно связаны с бюджетированием, совокупные данные об имеющихся финансовых средствах, полученных из всех источников (табл. 1) соотнесены с соответствующим объемом закупок, что позволяет проанализировать их с позиции бюджетной значимости, а показатель доли закупок у развивающихся стран — оценить роль закупок в решении региональных проблем устойчивого развития.

Таблица 1

**Структура закупок в системе ООН в разрезе организаций
по данным 2019 года [4]**

Table 1

**Structure of procurement in the UN system by organization according
to 2019 data [4]**

Организации	Общий объем закупок, млн долларов	Цепной прирост к 2018 году, %	Удельный вес в системе, %	Удельный вес закупок у развивающихся стран, %
<i>WFP</i> (Мировая продовольственная программа)	3 636,6	4	18,3	78,5
<i>UN</i> (Организация Объединенных Наций)	2 511,6	-4,7	12,6	63,1
<i>UNDP</i> (Программа развития ООН)	2 083,9	-2,9	10,5	72,2
<i>UNICEF</i> (Детский фонд ООН)	3 825,7	9,7	19,2	55,2
<i>UNOPS</i> (Управление ООН по обслуживанию проектов)	1 095,1	18,9	5,5	60,8
<i>WHO</i> (Всемирная организация здравоохранения)	893,2	21,5	4,5	49,3
<i>UNFPA</i> (Фонд ООН в области народонаселения)	404,2	1	2,0	45,7
Другие организации	5 442,3	4,8	27,4	58,9
Итого	19 892,6	5,9	100	62,1

Объем закупок сильно различается между организациями системы ООН. Наиболее активно механизм закупок используют *WFP*, *UNDP* и *UNICEF*. Основной причиной этого является высокий уровень децентрализации в структуре управления данных организаций, так как они ведут свою деятельность по всему миру, преимущественно в развивающихся странах. Механизм закупок в этом случае позволяет более активно содействовать развитию местного бизнеса, так как высокий процент закупок осуществляется у локальных поставщиков. Как видно присутствует прямая корреляция между удельным весом затрат организаций ООН, перераспределяемых через механизм закупок и долей закупок у местных поставщиков.

В зависимости от целей организаций ООН различаются направления их закупок. *UNICEF* специализируется на приобретении лекарств и вакцин, оборудовании для организации учебного процесса и развития информационной инфраструктуры. Продовольственная помощь связана, прежде всего, с закупкой продуктов питания и организации логистики по их хранению транспортировке и доставке. *UNDP* специализируется на поставках электрооборудования и оказании помощи в совершенствовании системы государственного управления (табл. 2).

В дополнение к полученным результатам также следует отметить, что, несмотря на всю бюрократизацию процессов администрирования в ООН, механизм закупок является относительно автономным и характеризуется высоким уровнем децентрализации. Кроме того, в системе ООН нет какого-либо центрального органа, определяющего политику в области стратегических закупок.

Таблица 2

**Примеры осуществления закупочной деятельности
в организациях ООН [5]**

Table 2

Examples of procurement activities in UN organizations [5]

Организация	Вид деятельности	Основные виды закупок
<i>WFP</i>	Продовольственная помощь	Продукты питания, транспортные услуги, складирование и логистика, транспортные средства, ИТ-оборудование
<i>UN</i>	ПКО	Услуги воздушного транспорта, транспортные средства, ИТ-товары и услуги
<i>UNDP</i>	Помощь в целях развития	Электрооборудование, ИТ-товары и услуги, транспортные средства, государственное управление
<i>UNICEF</i>	Защита детей	Лекарства и вакцины, учебные принадлежности, информационные технологии и канцелярские принадлежности, транспортные услуги

Большинство стран, как правило, в сфере государственных закупок преследуют не только цели повышения эффективности бюджетных расходов, но и протекционистские цели. Чаще всего они реализуются за счет предоставления квот

отечественным производителям, что влияет не только на бюджетные финансовые потоки, но и на внешнеэкономическую активность [6]. В странах Европейского союза (далее — ЕС) реализация протекционистских целей за счет стран-членов ЕС не допускается [7].

Также систему публичных закупок в странах ЕС целесообразно рассмотреть по следующим причинам.

В странах ЕС традиционно сильна власть государства в управлении экономическими процессами, а действующая там система публичных закупок является одним из старейших в мире. В большинстве стран ЕС государственные закупки рассматривают не только как эффективное средство перераспределения части национального дохода и прозрачный инструмент расходования бюджетных средств. С помощью данного механизма осуществляется реализация ряда социальных, экологических и прочих программ, способствующих реализации концепции устойчивого развития.

Правила ЕС затрагивают несколько государств, не входящих в ЕС, либо потому, что те же правила применяются на основе торговых соглашений с ЕС (в частности, с Норвегией, Исландией и Лихтенштейном в соответствии с соглашением об экономической зоне), либо потому, что они стремятся к членству в ЕС (например, Турция) [8]. Поэтому ожидается, что они будут следовать, по крайней мере, основным принципам законодательства ЕС о закупках в соответствии с принятыми торговыми соглашениями.

Данные обстоятельства являются одной из причин в соответствии с которой страны Евросоюза активно регулируют механизм государственных закупок. Несмотря на то, что они декларируют в своей политике принципы формирования свободного рынка, который во внешнеэкономической деятельности проявляется в основополагающем принципе сравнительных преимуществ, страны ЕС стремятся укрепить свои конкурентные позиции на специализированных рынках и часто вводят искусственные ограничения в тендерную документацию если закупки касаются товаров или услуг, в которых заинтересованы местные производители, а их реализация окажет максимально возможный эффект в части роста общественного благосостояния.

Такая практика организации системы государственных закупок, искусственно ограничивающая уровень конкуренции со стороны иностранных производителей в соответствии с концепцией фритрейдерства, искажает стимулы в рыночной экономике и, таким образом, отрицательно влияет на уровень общественного благосостояния [9]. Однако, на наш взгляд, использование государственных закупок в целях политики протекционизма является экономически оправданной, так как предоставляя преференции отечественным производителям, государство в долгосрочной перспективе может получить дополнительный выигрыш.

Если рассматривать критерии эффективности, по которым оценивается эффективность системы государственных закупок в странах ЕС, то следует выделить 12 базовых показателей. Часть из них характеризует институциональные аспекты (число заявок малого и среднего бизнеса, торги с одним участником), операционную эффективность (скорость принятия решений, пропущенные заявки). Особого внимания заслуживают критерии оценки, касающиеся комплексности системы выявления победителей торгов (табл. 3).

Таблица 3

**Критерии оценки эффективности системы государственных закупок
в странах ЕС и их пороговые значения**

Table 3

**Criteria for assessing the effectiveness of the public procurement system
in EU countries and their threshold values**

	Критерии оценки эффективности системы государственных закупок	Нормальное значение, %	Критическое значение, %
1.	Один участник торгов	≤ 10	> 20
2.	Нет заявок на ставки	≤ 5	10
3.	Дата публикации	> 5	$< 2,5$
4.	Совместные закупки	≥ 10	< 10
5.	Критерии присуждения премии	≤ 80	80
6.	Скорость принятия решения	≤ 120 дней	120 дней
7.	Подрядчики малого и среднего бизнеса	> 60	< 45
8.	Заявки малого и среднего бизнеса	> 80	< 60
9.	Процедуры, разделенные на партии	> 40	< 25
10.	Пропущенные заявки на ставки	≤ 3	> 3
11.	Недостающие регистрационные номера продавца	≤ 3	> 3
12.	Отсутствуют регистрационные номера покупателей	≤ 3	> 3

При этом следует отметить, что ситуация по формированию эффективной системы закупок является весьма дифференцированной в разрезе стран ЕС. Наиболее прозрачная система закупок с минимальными сроками прохождения тендеров и высоким уровнем конкуренции существует в Скандинавских странах: Эстонии и Нидерландах. В странах Восточной Европы, за исключением Чехии и Польши, зафиксировано больше всего показателей с критическими уровнями. При этом следует отметить, что в ведущих экономиках Европы (Германия, Франция, Италия и Испания) по ряду показателей также наблюдаются неудовлетворительные значения. Таким образом, это подтверждает вывод о высоком уровне дифференциации стран ЕС по уровню развития системы государственных закупок.

Одной из причин этого является то, что правила, созданные для реализации внутренней рыночной политики в области закупок, в основном исходят из двух источников: договора ЕС, который в принципе применяется ко всем контрактам, и директив по закупкам, которые регулируют процедуры заключения определенных более крупных контрактов [11].

Также следует отметить, что режим ЕС ограничивает свободу правительств в реализации национальной политики закупок. Помимо того, что прозрачность используется для борьбы с дискриминацией, она также играет важную роль в обеспечении соотношения цены и качества, а также других национальных целей развития. С этой точки зрения можно говорить о том, что требования ЕС поддерживают национальную политику, а не противоречат ей. Тем не менее может существовать определенная коллизия, поскольку некоторые страны могут прийти к выводу, что соотношение цены и качества лучше всего достигается не за счет прозрачности, а за счет предоставления определенной свободы действий.

Например, ограничения на переговоры после подписания контракта при стандартных закупках могут предотвратить злоупотребления в пользу конкретных фирм.

Режим ЕС ограничивает переговоры именно по этой причине, чтобы правительства не отдавали предпочтение национальным фирмам, также они могут предпочесть ограничить такие переговоры по аналогичным причинам, например, для предотвращения коррупции. Однако другие государства могут придерживаться мнения, что с учетом специфики их экономики выгоды от переговоров, например, позволяющие фирмам корректировать свои предложения в соответствии с приоритетами покупателя или избегать проведения торгов по сговору, перевешивают затраты. В этом случае требования ЕС вступают в противоречие с заявленными национальными целями [12]. Степень конфликта зависит от того, в какой степени конкретные национальные системы предпочитают полагаться на прозрачность для достижения своих собственных национальных целей, что, в свою очередь, зависит от многих факторов, таких как профессионализм госслужащих или распространенность коррупции, а также от заявленных целей системы закупок.

Таким образом, проведенный анализ организации процесса закупок в различных международных контекстах позволил выявить связь на каждом этапе между деятельностью органов власти на разных системных уровнях и целями государственной политики. Были выявлены противоречия между «узкими» спецификациями и достижением более широких политических или социально-экономических результатов. Результаты компаративного анализа показали целесообразность включения критериев, отличных от цены, а также влияние политики, законодательства и организационной структуры на формирование механизма публичных закупок.

В качестве основной проблемы, характерной для всех рассмотренных кейсов, следует выделить наличие противоречивых целей между процессом и конечными результатами, которые проявляются на этапе заключения контрактов. Также было выявлено, что этап «бюрократического» или «автоматизированного» отбора влияет на политические цели на операционном уровне.

Практически весь зарубежный опыт демонстрирует, что стандартная поэтапная модель закупок отражает простую совокупную линейность процесса принятия решений. Однако рассмотрение этого процесса как набора последовательных этапов дает представление о различных видах закупочной деятельности и о том, как на протяжении всего процесса достижения цели политики играют определенную роль, что должно приниматься во внимание. Приведенные примеры также подчеркивают противоречивость усилий государств, их целей и средств достижений при организации системы государственных закупок.

Для специалистов по государственным закупкам существует большая потребность в понимании, учете и адаптации к целям и интересам пользователей, получателей, политиков и условиям внешней среды. В частности, зарубежный опыт подтверждает тезис, что механизм государственных закупок будет эффективным только в том случае, если он будет комплексно воздействовать на бюджетные расходы, поставщиков, а также рынки товаров и услуг.

Список источников

1. Thai K. Introduction to Public Procurement 2nd edition. Herndon, VA: National Institute of Governmental Purchasing, Inc. FL: PrAcademics Press, 2007. 408 p.
2. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о публичных закупках (2011). URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/procurement/modellaw/public_procurement (дата обращения: 17.10.2022).
3. UN 2019 Annual Statistical Report on United Nations Procurement. URL: <https://www.ungm.org/Shared/KnowledgeCenter/Pages/ASR> (дата обращения: 15.10.2022).
4. UN 2019 Annual Statistical Report on United Nations Procurement. URL: <https://www.ungm.org/Shared/KnowledgeCenter/Pages/ASR> (дата обращения: 15.10.2022).
5. UN 2019 Annual Statistical Report on United Nations Procurement. URL: <https://www.ungm.org/Shared/KnowledgeCenter/Pages/ASR> (дата обращения 15.10.2022).
6. Jung C. S., Kim S. E. Structure and Perceived Performance in Public Organizations // *Public Management Review*. 2014. № 16 (5). Pp. 620–642.
7. Afonso A. Public Sector Efficiency: Evidence for New EU Member States and Emerging Markets // *Applied Economics*. 2010. № 42 (17). Pp. 2147–2164.
8. Bakker E. H. Choosing an Organisational Form: The Case of Collaborative Procurement Initiatives // *International Journal of Procurement Management*. 2008. № 1 (3). Pp. 297–317.
9. Knutsson H. Innovation in the Public Procurement Process: A study of the Creation of Innovation-Friendly Public Procurement // *Public Management Review*. 2014. № 16 (2). Pp. 242–255.
10. Public Procurement: Single Market Scoreboard. URL: https://single-market-scoreboard.ec.europa.eu/policy_areas/public-procurement_en (дата обращения: 15.10.2022).
11. Preuss L. Addressing Sustainable Development through Public Procurement: The Case of Local Government // *Supply Chain Management: An International Journal*. 2009. № 14 (3). Pp. 213–223.
12. Knight L. Public procurement: International cases and commentary. Routledge. 2012. 187 p.

References

1. Thai K. Introduction to Public Procurement 2nd edition. Herndon, VA: National Institute of Governmental Purchasing, Inc. FL: PrAcademics Press Publ., 2007. 408 p.
2. UNCITRAL Model Law on Public Procurement (2011). URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/procurement/modellaw/public_procurement (accessed 17.10.2022). (In Russ.)
3. UN 2019 Annual Statistical Report on United Nations Procurement. URL: <https://www.ungm.org/Shared/KnowledgeCenter/Pages/ASR> (accessed 15.10.2022).
4. UN 2019 Annual Statistical Report on United Nations Procurement. URL: <https://www.ungm.org/Shared/KnowledgeCenter/Pages/ASR> (accessed 15.10.2022).
5. UN 2019 Annual Statistical Report on United Nations Procurement. URL: <https://www.ungm.org/Shared/KnowledgeCenter/Pages/ASR> (accessed 15.10.2022).
6. Jung C. S., Kim S. E. Structure and Perceived Performance in Public Organizations. *Public Management Review*, 2014, no. 16 (5), pp. 620–642.
7. Afonso A. Public Sector Efficiency: Evidence for New EU Member States and Emerging Markets. *Applied Economics*, 2010, no. 42 (17), pp. 2147–2164.
8. Bakker E. H. Choosing an Organisational Form: The Case of Collaborative Procurement Initiatives. *International Journal of Procurement Management*, 2008, no. 1 (3), pp. 297–317.

9. Knutsson H. Innovation in the Public Procurement Process: A study of the Creation of Innovation-Friendly Public Procurement. *Public Management Review*, 2014, no.16 (2), pp. 242–255.

10. Public Procurement: Single Market Scoreboard. URL: https://single-market-scoreboard.ec.europa.eu/policy_areas/public-procurement_en (accessed 15.10.2022).

11. Preuss L. Addressing Sustainable Development through Public Procurement: The Case of Local Government. *Supply Chain Management: An International Journal*, 2009, no. 14 (3), pp. 213–223.

12. Knight L. Public procurement: International cases and commentary. Routledge, 2012. 187 p.

Статья поступила в редакцию 10.07.2023, одобрена после рецензирования 25.08.2023, принята к публикации 15.09.2023.

The article was submitted 10.07.2023, approved after reviewing 25.08.2023, accepted for publication 15.09.2023.

Научная статья

УДК 657.631.6

<https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-112-118>

Особенности аудита комбинированной финансовой отчетности

Щепоткина-Маринина Елена Владимировна

Российский университет кооперации, Мытищи, Россия, evm8482@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются процедуры аудита комбинированной финансовой отчетности. Отмечается, что комбинированная финансовая отчетность приобретает важное значение для инвесторов в связи с санкционной политикой внешней среды, что потребовало изменений в обозначении конечных бенефициаров корпораций и холдингов. Изменения в организационных структурах крупных холдингов и корпораций связаны, прежде всего, с делением бизнеса на отдельные экономические субъекты, юридически не связанные между собой, что влечет за собой необходимость определения стоимости совокупных активов и определения результатов деятельности групп компаний, юридически не связанных между собой, но которые находятся под единым контролем или выполняют совместную важную народнохозяйственную задачу (например, государственный контракт, в том числе государственный оборонный заказ) или инвестиционный проект. Аудит комбинированной финансовой отчетности регулируется стандартами аудита, которые предусматривают составление финансовой отчетности по специальным правилам. На предварительной стадии аудита, при которой анализируются возможные риски деятельности и окружающая среда экономических субъектов, отчетность которых включена в периметр отчетности, аудитор проверяет обоснованность включения (или невключения) в состав комбинированной отчетности, бухгалтерских отчетов отдельных экономических субъектов, которые могут соответствовать выполнению задачи, поставленной при составлении комбинированной финансовой отчетности.

Ключевые слова: аудит, комбинированная финансовая отчетность, консолидированная финансовая отчетность, концепция специального назначения, аудиторский риск

Для цитирования

Щепоткина-Маринина Е. В. Особенности аудита комбинированной финансовой отчетности // На страже экономики. 2023. № 3 (26). С. 112–118. <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-112-118>.

Original article

Features of the audit of Combined financial statements

Elena V. Shchepotkina-Marinina

Russian University of Cooperation, Mytishchi, Russian Federation, evm8482@gmail.com

Abstract

The article deals with the procedures for auditing combined financial statements. It is noted that combined financial statements are becoming important for investors, due to the sanctions policy of the external environment, which required changes in the designation of the ultimate beneficiaries of corporations and holdings. Changes in the organizational structures of large holdings and corporations are primarily associated with the division of business into separate economic entities, legally unrelated to each other, which entails the need to determine the value of total assets and determine the results of groups of companies, legally unrelated to each other, but which are under common control or perform a joint important national economic task (e. g., a government contract, including a government defense order) or investment (e. g., a government contract, including a government defense order). The audit of combined financial statements is governed by auditing standards, which provide for the preparation of financial statements in accordance with special rules. At the preliminary stage of the audit, at which the possible risks of activity and environment of the economic entities whose reports are included in the reporting perimeter are analyzed, the auditor checks the reasonableness of inclusion (or not) in the combined financial statements, accounting reports of individual economic entities, which may correspond to the fulfillment of the task set in the preparation of combined financial statements.

Keywords: audit, combined financial statements, consolidated financial statements, special purpose concept, audit risk

For citation

Shchepotkina-Marina E.V. Features of the Audit of Combined Financial Statements. *The Economy under guard*, 2023, no. 3 (26), pp. 112–118. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2023-3-112-118>.

В настоящих сложных геополитических условиях, возникла необходимость реструктуризации крупного бизнеса, связанная с тем, что внешние политические условия и санкционная политика, потребовали изменений в обозначении конечных бенефициаров корпораций и холдингов. Изменения в организационных структурах крупных холдингов и корпораций связаны, прежде всего, с делением бизнеса на отдельные экономические субъекты, юридически не связанные между собой, что влечет за собой необходимость определения стоимости совокупных активов и определения результатов деятельности групп компаний, юридически не связанных между собой, но, которые находятся под единым контролем или выполняют совместную важную народнохозяйственную задачу (например, государственный контракт, в том числе, государственный оборонный заказ) или инвестиционный проект.

Решения государственных органов Российской Федерации [4] о возможности российских предприятий не раскрывать полностью информацию, которая может оказать ухудшающее воздействие на деятельность экономических субъектов, позволяют снизить уровень риска деятельности экономических субъектов [4; 5]. В связи с этим российские предприятия и организации имеют право раскрывать информацию в финансовой отчетности в ограниченном виде.

Например, для кредитных организаций Центральный банк Российской Федерации (далее — ЦБ РФ) разрешил не раскрывать информацию, которая подвержена санкционным мерам (например, раскрытие информации о конечных

бенефициарах, реструктуризационной политике, о руководителях и прочих должностных лицах кредитных организаций и т. д.). Ожидается, что раскрытие в финансовой отчетности информации будет связано с процессами агрегирования и минимизацией или полным отказом от раскрытия информации, связанной с чувствительностью к возможным санкциям [6].

Как показывают проведенные исследования, меры по минимизации последствий санкционной политики не позволяют полностью защитить бизнес и владельцев бизнеса от санкций. Тенденции в раскрытии информации, которые связаны с информатизацией, не защищают конечных бенефициаров от возможности получения данных, которые могут повредить экономической безопасности экономических субъектов и физических лиц [5].

В этой связи актуальной становится процедура реструктуризации бизнеса, или объединение юридически не связанных между собой средних и малых предприятий (например, в консорциумы), для совместного ведения бизнеса или выполнения государственных контрактов.

Возникает проблема оценки совокупных активов и результатов деятельности групп компаний, юридически не связанных между собой.

Таким образом, наибольшую популярность приобретает вид отчетности: комбинированная финансовая отчетность, которую трактуют как разновидность консолидированной отчетности [3; 7; 8].

Объяснение термина «комбинированная финансовая отчетность» представлено в стандарте «МСФО для предприятий малого и среднего бизнеса» (*“The IFRS for SMEs Accounting Standard”*), как объединенный комплект финансовой отчетности двух или более экономических субъектов, которые контролируются одним инвестором или группой инвесторов (п. 9.28).

Главным требованием к комбинированной финансовой отчетности является то, что акции предприятий, которые будут включены в периметр, не должны быть публичными, то есть торговаться на бирже.

В экономической литературе разных стран комбинированную финансовую отчетность также описывают, как групповую отчетность любых произвольно сгруппированных компаний.

Предметом обсуждения в настоящее время становятся проблемы проведения аудита комбинированной финансовой отчетности.

Важным вопросом при принятии к аудиту клиента в этом случае становится дилемма определения периметра отчетности. Данный пункт становится очень актуальным в условиях российских условий функционирования экономики.

Первый этап предварительной стадии аудита в этом случае должен быть направлен на определение и подтверждение контроля над организациями в периметре. Аудитор должен сделать запрос, проанализировать ответ клиента, провести интервью и протестировать ответ клиента с помощью изучения сайтов, учредительных документов, договоров и прочих видов документов (например, изучение связанных сторон), которые могут подтвердить контроль отдельных физических лиц или группы лиц за предприятиями, указанными в периметре комбинированной финансовой отчетности.

В рамках предварительной стадии аудита (МСА 315) аудитор при изучении внешних и внутренних факторов влияния на организации и предприятия рыноч-

ных, отраслевых, региональных, законодательных и прочих факторов, должен провести оценку концепцию подготовки финансовой отчетности (пункты A24–A29 МСА 315). Таким образом, следующим этапом в процессе предварительной стадии аудита должен быть процесс — определение цели составления отчетности. В экономической литературе отмечается, что необходимо различать цель составления отчетности и процедуры составления отчетности [7].

Например, для определения будущих позиций периметра предприятий в случае, если произойдет определенная транзакция (например, слияние или объединение, выполнение инвестиционного проекта и т. д.), должна быть составлена проформа [7], то есть форма, которая может показать гипотетическую информацию о компаниях, которые включены в периметр отчетности.

Следовательно, проформа коренным образом отличается от комбинированной финансовой отчетности тем, что комбинированная финансовая отчетность включает информацию о фактически осуществленных операциях экономических субъектов, которые включены в периметр.

При этом экономические субъекты, которые включены в периметр, не могут быть признаны группой для целей МСФО (*IFRS*) 10, но могут находиться под общим контролем отдельного инвестора или группы инвесторов [9]. Следовательно, комбинированная финансовая отчетность — это сводная отчетность экономических субъектов, в которой не прослеживается четко выраженная структура, оформленная юридически, следовательно, имеет непрозрачную структуру.

Третий этап аудита при принятии задания, должен включать тщательный анализ состава юридических лиц, которые включены в периметр отчетности, с точки зрения оценки непрерывности деятельности всех юридических лиц, стоимости активов и капитала каждой организации.

Данное требование связано с тем, что в аудиторской практике часто встречаются ситуации, при которых в периметр включают только те компании, которые имеют только очень хорошие финансовые показатели, что оказывает существенное «положительное» влияние на показатели комбинированной финансовой отчетности.

Как показывают проведенные исследования, это является самым трудоемким процессом на стадии принятия клиента к аудиту. Предварительный список предприятий периметра комбинированной финансовой отчетности необходимо проверить:

а) на непрерывность деятельности каждого экономического субъекта;
б) на достоверность сведений по каждому экономическому субъекту периметра;
в) на возможность сокрытия и выявления предприятий и организаций, которые могли и должны были быть включены в периметр, но не были введены в периметр. В этом случае требуется составить запрос и провести интервью с ответственными лицами о причинах невключения предприятий в периметр. Данный вопрос очень важен с точки зрения подтверждения достоверности Комбинированной финансовой отчетности. Аудитор должен поставить лиц, ответственных за надзор за составлением отчетности, что в аудиторское заключение может быть включен раздел: «Важная информация» и / или аудиторское заключение может быть модифицированным;

г) запросить и проверить Учетные политики предприятий, которые должны быть тождественны у всех экономических субъектов периметра, для учета

идентичных хозяйственных операций и аналогичных событий и фактов хозяйственной деятельности экономических субъектов. Удостовериться, что экономическими субъектами применяются единые положения учетной политики. В случае, если учетные политики отличаются, аудитор запрашивает бухгалтерские справки, подтверждающие корректировочные записи для подтверждения единых принципов и положений учетной политики.

По завершении аудиторских процедур в отношении комбинированной финансовой отчетности, аудитор должен подготовить проект аудиторского заключения.

Аудитор проводит специальные процедуры, позволяющие аудитору получить доказательства, что лицами, ответственными за составление отчетности, приняты все меры, для подтверждения применимости концепции, указанной в примечаниях к финансовой отчетности, составленной по специальным правилам. Для выполнения этой задачи, аудитор изучает потребности предполагаемых внешних и внутренних пользователей в финансовой информации, которую надлежит представить в комплекте отчетности.

При составлении комбинированной финансовой отчетности, в отличие от консолидированной финансовой отчетности, организационной особенностью предприятий, входящих в состав комбинированной отчетности, является то, что юридическое право принимать решения («право голоса») не является превалирующим условием при определении того, кто контролирует их деятельность.

В реальном экономическом смысле предприятия периметра финансовой отчетности являются отдельными экономическими субъектами и имеют отдельные балансы. В процессе аудиторских процедур финансовая отчетность отдельных экономических субъектов, которые включены в периметр отчетности, должны подлежать выборочной проверке. Целесообразно включить в выборочную проверку до 90 % отчетности предприятий периметра.

В аудиторском заключении в отношении комбинированной финансовой отчетности должны быть учтены следующие ограничения:

— пользователи информации должны быть перечислены (например, кредитные организации, члены партий и т. д.);

— должен быть включен раздел «Важные обстоятельства». Раздел должен описывать принципы учета, акцентировать внимание пользователей на ограничение в отношении распространения или использования аудиторского заключения. В этом разделе аудитору надлежит раскрыть информацию для кого предназначено аудиторское заключение и цель составления комбинированной финансовой отчетности. В международных стандартах аудита рекомендовано включить в аудиторское заключение фразы: «Как следствие, данная комбинированная финансовая отчетность может быть непригодна для иной цели» и «не подлежит распространению или использованию другими сторонами».

После согласования проекта аудиторского заключения с лицами, ответственными за надзор за составлением комбинированной финансовой отчетности и выполнения заключительных аудиторских процедур, предусмотренных международными стандартами аудита, аудитор осуществляет выпуск аудиторского заключения о комбинированной финансовой отчетности.

Список источников

1. Об аудиторской деятельности: федеральный закон от 30 декабря 2008 года № 307-ФЗ. Доступ из системы «Гарант». URL: <http://internet.garant.ru> (дата обращения: 24.02.2023).
2. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федеральный закон от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ. Доступ из системы «Гарант». URL: <http://internet.garant.ru> (дата обращения: 24.02.2023).
3. О консолидированной финансовой отчетности: федеральный закон от 27 июля 2010 года № 208-ФЗ. Доступ из системы «Гарант». URL: <http://internet.garant.ru> (дата обращения: 24.02.2023).
4. Богатырев А. В., Морозов О. Л. Роль системы управления рисками в обеспечении экономической безопасности промышленного предприятия // На страже экономики. 2021. № 1 (16). С. 15–21.
5. Васильчук А. С. Аспекты развития регионов России в условиях цифровых преобразований с учетом обеспечения экономической безопасности региона // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2023. Т. 2. № 1 (51). С. 37–45.
6. Запрет на раскрытие информации для банков с 1 января сменится «ограниченным раскрытием». URL: <https://www.interfax.ru/business/874857> (дата обращения: 01.08.2023).
7. Киселев А. Как составить комбинированную финансовую отчетность. *Журнал «МСФО на практике»*. 2011. № 5. URL: <https://msfo-practice.ru/285013> (дата обращения: 01.04.2023).
8. Комбинированная отчетность. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Комбинированная_отчетность (дата обращения: 01.08.2023).
9. МСФО (IFRS) 10 «Консолидированная финансовая отчетность»: приказ Минфина России от 28 декабря 2015 года № 217н. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/57401886/paragraph/351/doclist/6747/4/0/0/> МСФО:2 (дата обращения: 20.07.2023).

References

1. On Auditing Activities: federal law no. 307-FZ of December 30, 2008. Access from the reference legal system “Garant”. URL: <http://internet.garant.ru> (accessed 24.02.2023). (In Russ.)
2. On Countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism: federal law no. 115-FZ of July 8, 2001. Access from the reference legal system “Garant”. URL: <http://internet.garant.ru> (accessed 24.02.2023). (In Russ.)
3. On Consolidated Financial Statements: federal law no. 208-FZ of July 27, 2010. Access from the reference legal system “Garant”. URL: <http://internet.garant.ru> (accessed 24.02.2023). (In Russ.)
4. Bogatyrev A. V., Morozov O. L. The role of the risk management system in ensuring the economic security of an industrial enterprise. *The economy under guard*, 2021, no. 1 (16), pp. 15–21. (In Russ.)
5. Vasilchuk A. S. Aspects of the development of Russian regions in the context of digital transformations, taking into account the economic security of the region. *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*, 2023, vol. 2, no. 1 (51), pp. 37–45. (In Russ.)

6. The ban on disclosure of information for banks from January 1 will be replaced by “limited disclosure”. URL: <https://www.interfax.ru/business/874857> (accessed 01.08.2023). (In Russ.)

7. Kiselyov A. How to make combined financial statements. *Journal “IFRS in practice”*, 2011, no. 5. URL: <https://msfo-practice.ru/285013> (accessed 01.04.2023). (In Russ.)

8. Combined reporting. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Combined financial statements](https://ru.wikipedia.org/wiki/Combined_financial_statements) (accessed 08.01. 2023). (In Russ.)

9. IFRS 10 “Consolidated Financial Statements”: order of the Ministry of Finance of the Russian Federation no. 217n of December 28, 2015. URL: [https://internet.garant.ru/#/document/57401886/paragraph/351/doclist/6747/4/0/0/ IFRS:2](https://internet.garant.ru/#/document/57401886/paragraph/351/doclist/6747/4/0/0/IFRS:2) (accessed 20.07.2023). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.07.2023, одобрена после рецензирования 25.08.2023, принята к публикации 15.09.2023.

The article was submitted 15.07.2023, approved after reviewing 25.08.2023, accepted for publication 15.09.2023.

Требования к рукописям статей, представляемым для опубликования в журнале «На страже экономики»

1. К опубликованию принимаются рукописи статей, соответствующие тематике журнала.
2. Рукопись статьи должна содержать:
  - универсальный десятичный код (УДК) (см.: <http://teacode.com/online/udc/>);
  - сведения об авторе на русском и английском языках (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, рабочий адрес, адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), контактные телефоны);
  - заголовок на русском и английском языках;
  - аннотацию на русском и английском языках;
  - ключевые слова на русском и английском языках;
  - список библиографических ссылок на русском и английском языках (в журнале принята затекстовая система библиографических ссылок, оформляемых в соответствии с ГОСТ 7.0.5—2008, с размещением в тексте номера источника и страницы в квадратных скобках; использование подстрочных ссылок не допускается).
3. Статья объемом не более 12 машинописных страниц направляется в редакцию в распечатанном и электронном вариантах, которые должны быть идентичны.
4. Текст статьи печатается гарнитурой Times New Roman, размер шрифта — 14, интервал — 1,5. Поля — по 2 см с каждой стороны. Нумерация страниц обязательна. Схемы, рисунки, диаграммы, графики (ширина не более 137 мм) должны быть сохранены в формате .jpg и приложены отдельными файлами.
5. Редакция оставляет за собой право осуществлять техническое редактирование (не меняющее смысла) авторского оригинала.
6. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.
7. Автор несет ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, наличие сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати. После вычитки отпечатанного текста автор на последней странице собственноручно пишет: «Рукопись вычитана, цитаты проверены (дата, подпись)».
8. При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи в сети «Интернет» (на сайте Нижегородской академии МВД России, в базах электронных библиотек).
9. Редакция не взимает платы за опубликование рукописей статей в журнале.

**Почтовый адрес:
603144, Нижегородская область,
г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3.
Нижегородская академия МВД России (РИО)
Тел.: (831) 421-73-21
E-mail: vestniknamvd@mail.ru
Сайт: na.mvd.rf**